

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2020 г., том 27, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Коваленко С.В. Научные концепции XX в. о позднем неолите Западного Приамурья.	5
Понкратова И.Ю. Ранний неолит полуострова Камчатка	15
Нестеркина А.Л., Гнездилова И.С., Соловьева Е.А., Соловьев А.И. Сюжетно-фигурная керамика в погребальных комплексах Корейского полуострова и Японских островов (III–VI вв.)	23
Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Кинжал с двулезвийным клинком из Таласской долины Кыргызстана	31
Горохов С.В. Убинский пас: месторасположение и планиграфия	35

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ананьев Д.А. Присоединение Приамурья и Приморья к России (середина XIX в.) в оценках англо- и немецкоязычных исследователей	41
Дмитриев А.В. Правонарушения в сфере семейной жизни военнослужащих регулярной армии России XVIII в. с позиций истории повседневности	50
Чернова (Козлова) И.С. Становление профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в.	57
Кальмина Л.В. «Еврейский» экономический феномен в Сибири в 1880-е -1910-е гг.: закономерность или везение?	64
Суворова Н.Г. Позднеимперская колонизация в оценках раннесоветских экспертов	70
Фельдман М.А. Трудная попытка осмысления (новый взгляд на события XVII конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б))	78
Тимошенко А.И. Особенности формирования кадрового потенциала на предприятиях Сибири в 1960–1980-е годы	85
Куперштох Н.А. Разработка стратегий социально-экономического развития Сибири российскими экономистами в конце XX – начале XXI в.	91
Бекленищева М.В. Региональная политика как фактор развития туризма на Урале в 1990–2010-е гг.: опыт, проблемы, перспективы	99
Шелегина О.Н. Социокультурные практики международного и российского уровня в музейном мире Сибири	106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Матханова Н.П. Удачное продолжение серии (документы из фондов Государственного архива Республики Бурятия).	114
Исаев В.И. Рец. на кн.: Бугров К.Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та. 2018. 472 с.	117

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд.ист.наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашдэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист.наук *А.С. Зув* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *В. Линн* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), д-р ист.наук *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекбай*, д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н.Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И.Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н.Разгон*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, д-р ист.наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н.Славина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемужева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 30.03.20. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 11.

А д р е с и з д а т е л ь с т в а и т и п о г р а ф и и:
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2. Издательство Сибирского отделения Российской академии наук

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2020, vol. 27, N 1

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Kovalenko S.V. 20th Century Scientific Concepts on the Late Neolithic of the West Amur Region.	5
Ponkratova I.Yu. Early Neolithic of Kamchatka Peninsula.	15
Nesterkina A.L., Gnezdilova I.S., Solovyeva E.A., Solovyev A.I. Subject-figurative ceramics in burial complexes of Korean Peninsula and Japanese Islands (III–VI).	23
Hudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu. Dagger with two-edged blade from the Talas valley of Kyrgyzstan.	31
Gorokhov S.V. Ubinsky pas: location and planigraphy	35

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

NATIONAL HISTORY

Anan'ev D.A. The Accession of the Amur and Maritime Regions to Russia (Mid-XIX Century) as Evaluated by the English- and German-Language Researchers	41
Dmitriev A.V. Crimes in the family life of military personnel of the 18th Century Russian Army from the perspective of the history of everyday life.	50
Chernova (Kozlova) I.S. Formation of the professional community of Siberian journalists in the second half of the XIX – early XX century	57
Kalmina L.V. Jewish Economic Phenomenon in Siberia, 1880 – 1910s: Regularity or Occasion?.	64
Suvorova N.G. Late imperial colonization in estimates of early Soviet experts	70
Feldman M.A. Forced attempt to comprehend (a new look at the events of the XVII conference of the all-Union Communist party (b))	78
Timoshenko A.I. Features of formation of personnel potential at the enterprises of Siberia in the 1960–1980-s.	85
Kupershtokh N.A. The development of strategies for the socio-economic development of Siberia in the works of Russian economists at the end of the XX – beginning of the XXI centuries	91
Beklenishcheva Mariia Regional policy as a factor of tourism development in Ural, 1990s-2010s: experience, problems, prospects	99
Shelegina O.N. Sociocultural practices of international and Russian level in the museum world of Siberia	106

ACADEMIC LIFE

Matkhanova N.P. Successful continuation of the series (documents of the State Archive of the Republic of Buryatia)	114
Isaev V.I. Rev.: Bugrov K. D. Residential districts of the Great Urals. Yekaterinburg. Ural Univ.Publ., 2018. 472 p.	117

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdendev* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *Viola Lynne* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

Editorial address: Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: 10.15372/HSS20200101
УДК 902(571.6)

С.В. КОВАЛЕНКО

НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ XX в. О ПОЗДНЕМ НЕОЛИТЕ ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ

Государственное автономное учреждение «Центр по сохранению
историко-культурного наследия Амурской области»
РФ, 675000, г. Благовещенск, пер. Уралова 5/2

История исследования эпохи неолита Западного Приамурья насчитывает более ста лет и по уровню изученности условно делится на несколько этапов. С позиции историографии для каждого из них характерен достигнутый уровень накопления, обработки и осмысления материала, а также преобладающая научная концепция. Во второй половине XIX – первой половине XX в. происходит наработка источниковой базы. Большую роль для дальнейшего осмысления этапа позднего неолита региона сыграл период 1935–1961 гг., связанный с исследованиями на территории Дальневосточного Приморья, нижнего и верхнего Амура. Ключевым в изучении периода позднего неолита стал 1961 г., когда Дальневосточная археологическая экспедиция начала систематическую работу на территории Западного Приамурья. Благодаря изучению в 1960–1970-х гг. ряда памятников и полученных на них материалов была выделена новая культура позднего неолита, получившая наименование осиноозерская. Затем в изучении неолита Западного Приамурья последовал 30-летний перерыв. Научное представление об осиноозерской культуре зафиксировало уровень источниковой базы, сложившейся к началу 1970-х гг.

Ключевые слова: Западное Приамурье, историография, поздний неолит, осиноозерская культура, хронология, керамический комплекс.

S.V. KOVALENKO

20th CENTURY SCIENTIFIC CONCEPTS ON THE LATE NEOLITHIC OF THE WEST AMUR REGION

Center for Preservation of Historical and
Cultural Heritage of the Amur Region
Uralova prosp., 5/2, 675000, Blagoveshchensk

The territory of the West Amur Region is a heterogeneous geographical area, where an original and unique cultural center has been formed since the Stone Age. The history of studying the late Neolithic era in the region dates back more than a century and is divided into several stages on the level of knowledge. According to historiography, each stage is characterized by a certain level of the material accumulation, processing and understanding, as well as a certain scientific concept. The studies began in the second half of the XIX century. Since then, the source base has been broadening. A new stage in systematic and gradual study of the Stone Age of the Far East is related to the Far Eastern expedition led by A.P. Okladnikov that carried out first works in the territory of Priamurye in 1935. The research of the Stone Age in the region carried out in the 1950s was of great importance for the future reflection of the late Neolithic. During this period of time, a number of locations with elements of late Neolithic material culture were discovered on the Upper Amur. The turning point in studying the late Neolithic period in the region was 1961, when the Far Eastern expedition began systematic

Станислав Викторович Коваленко – начальник археологического отдела, Государственное автономное учреждение «Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области». e-mail: stas-kov7@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0003-0840-2920>.

Stanislav V. Kovalenko – Head of the Archeological Department, State Autonomous Institution of the Amur Region “Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region”.

studies in the territory of the West Amur Region. A new late Neolithic culture, called Osinozerskaya, was identified based on the materials received from a number of sites during research in the 1960–70s. It helped to highlight cultural and chronological characteristics of the settled population which lived in semi-subterranean dwellings and engaged mainly in hunting and fishing. The obtained archaeological data allowed the researchers to draw a preliminary conclusion about the presence of agriculture rudiments in this culture. Then there was a 30-year break in studying the late Neolithic in the region. In fact, before the new millennium's start, there was no information in the archaeological literature about new complexes that could expand sites' number of the Osinozerskaya culture. The view of it reflected the level of the source base established by the mid-1970s.

Key words: West Amur Region, historiography, late Neolithic, Osinozerskaya culture, chronology, ceramic complex, tool set.

ВВЕДЕНИЕ

Историография каменного века Западного Приамурья, в основном палеолита и раннего неолита, рассматривалась в конце 1960-х–1970-х гг. в специальных статьях [1; 2], а также в разделе в монографии [3, с. 10–31]. Историкографический обзор, представленный в данной статье, затрагивает преимущественно работы, в которых рассматриваются результаты разведочных работ конца XIX – начала XX в. на объектах с материалами эпохи камня и комплексы позднего неолита, выделенные во второй половине XX.

Территория Западного Приамурья включает с российской стороны бассейн верхнего и среднего Амура в пределах современной Амурской области, с китайской стороны территорию уезда Хэйхэ провинции Хэйлунцзян, представленную сравнительно узкой полосой долины правого берега Амура. Географическое положение, климатические и орографические особенности Западного Приамурья делают регион важным для реконструкции культурно-исторических процессов в период неолита. Территория данного региона играла роль связующего звена между Прибайкальем, Забайкальем и Якутией, с одной стороны, и Восточным Приамурьем, югом российского Приморья, Маньчжурией (Дунбэя) и Кореей – с другой. В связи с этим исследователи регулярно обращаются к материалам данного региона [4, с. 12]. Бассейн верхнего и среднего Амура, их многочисленных притоков является районом, где начиная с каменного века происходило формирование самобытных и оригинальных культурных центров [5, с. 10].

В изучении позднего неолита региона в XX в. можно условно проследить три этапа: I этап – вторая половина XIX в. – 1935 г.; II этап – 1935 – 1961 гг.; III этап – 1961–1977 гг. С позиции историографии, каждый из них характеризуется уровнем накопления, обработки и осмысления материала, а также определенной научной концепцией.

I ЭТАП (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в. – 1935 г.)

Изучение памятников каменного века на территории Западного Приамурья началось со второй половины XIX в. С этого времени происходит активное наполнение источниковой базы [6, с. 62, 63].

Первые исследователи Приамурья иногда специально не заостряли внимание на присутствие в том или ином месте именно памятников каменного века. В ходе современных полевых работ удалось установить, что археологические местонахождения, указанные А.Ф. Миддендорфом, Р.К. Мааком и С.В. Максимо-

вым, в ряде случаев оказались многослойными, содержащими культурные слои каменного века [7, с. 245].

Изучением древних памятников региона занимался сибирский путешественник, горный инженер, географ и геолог второй половины XIX в. И.А. Лопатин. Геологические изыскания он проводил на территории Амурской области в 1863 г., им тогда были перечислены пункты, где местные жители находили каменные орудия. Сводная работа «Сведения о 49 древних урочищах» была закончена автором в 1870 г. и отправлена в Археологическую комиссию [7, с. 245; 8, с. 9; 9, с. 9, 10; 10, с. 17–19; 11, с. 21, 22; 12, с. 10, 11]. И.А. Лопатин собрал значительную коллекцию каменных орудий, насчитывающую свыше 200 предметов. Он первым призвал дальневосточных и сибирских археологов к точности стратиграфических наблюдений, обратил внимание на необходимость исследования не только пещер, но и стоянок, вмещающих культурные слои в делювиальных отложениях [13, с. 37, 38, 67; 14, с. 13].

Но вплоть до XX в. памятники каменного века не стали предметом пристального внимания исследователей, интересовавшихся археологией бассейна среднего и верхнего Амура [9, с. 10].

Усилиями местных краеведов в начале XX в. был расширен фонд новых источников, а также высказан ряд интересных идей, касающихся отдельных вопросов археологии региона [6, с. 62, 63]. Большой вклад в обнаружение, описание и систематизацию археологических памятников региона внесли краеведы А.Я. Гуров и Г.С. Новиков-Даурский [3, с. 6].

С 1899 по 1932 г. сбором археологических коллекций и проведением частичных раскопок по берегам верхнего и среднего Амура занимался первый амурский археолог А.Я. Гуров. Всего за этот период им было обследовано более 60 археологических памятников, часть из которых относится к периоду неолита [5, с. 17, 21; 7, с. 245, 246; 9, с. 10; 10, с. 35, 36, 38; 11, с. 30, 31; 12, с. 25, 26; 15, с. 8; 16, с. 12; 17, с. 13; 18, с. 14, 17; 19, с. 10, 11; 20, с. 3].

Особого внимания заслуживает первая археологическая карта берегов Амура – от хутора Константиновского до станицы Екатерино-Никольской с обозначением мест древних поселений человека. Карта была составлена А.Я. Гуровым в 1902–1903 гг. На ней отмечены все известные ему памятники на территории, прилегающей к среднему Амуру. Объекты представлены поселениями, городищами, могильниками, в том числе местонахождениями каменного века¹ [5,

¹ АОМ – ГБУ «Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского». Акт приема экспонатов № 32 от 28 октября

с. 21; 7, с. 245; 9, с. 10; 10, с. 38; 11, с. 31; 12, с. 26; 16, с. 12; 17, с. 13; 18, с. 16; 20, с. 3].

В 1902 г. А.Я. Гуров совместно с командированным членом Русского географического общества Г.Ф. Белоусовым совершает археологическую разведку в бассейне среднего Амура. Был обследован о. Урильский, где обнаружены артефакты каменного века. Обширный материал эпохи неолита собран вблизи с. Строжевого. Находок по результатам этих работ сохранилось очень мало, представлены они в кратких сообщениях, газетных заметках и коллекциях, хранящихся в Государственном историческом музее г. Москвы и Амурском областном краеведческом музее им. Г.С. Новикова-Даурского² [5, с. 17, 18; 7, с. 245; 9, с. 10; 10, с. 36, 37; 11, с. 30, 31; 12, с. 25, 26; 16, с. 12; 17, с. 13; 18, с. 14, 15; 21, с. 56; 22, с. 153].

В июне 1914 г. известный геолог А.Н. Криштофович, работавший несколько лет на Амуре, обследовал следы многослойного древнего поселения у станицы Иннокентьевской, о местоположении которого ему сообщил А.Я. Гуров. В обрыве разрушаемого берега Амура благодаря проведенным работам были найдены многочисленные кости животных и рыб, фрагменты керамики, каменные орудия и следы кострищ. Палеонтологом профессором А.А. Браунером были опубликованы два черепа собаки из коллекции и сопутствующие черепам каменные предметы. Находки он отнес к каменному веку, считая, что в это время происходило одомашнивание собак³ [5, с. 20; 7, с. 245, 246; 9, с. 10; 10, с. 38, 39; 11, с. 31, 32; 12, с. 26; 18, с. 15, 16; 21, с. 56, 57].

В 1915–1916 гг. на берегах верхнего и среднего Амура работала экспедиция Академии наук под руководством антрополога и этнографа С.М. Широкогорова при активном участии А.Я. Гурова. Было исследовано множество археологических памятников, собрана коллекция в количестве более 4 тыс. предметов. С.М. Широкогородов предварительно отнес найденные артефакты к четырем культурно-историческим периодам, четко упоминая только неолит [23, с. 77]. Материалы хранятся в фондах отдела археологии Музея антропологии и этнографии Петра Великого в Санкт-Петербурге. Во время наводнения 1929 г. подвалы, где находилась коллекция, были затоплены. Все маркированные этикетки потерялись, осталась только одна коробка с обозначением «о-в Урильский». Среди обнаруженных каменных орудий и керамики большая часть предметов относилась к выделенной позже урильской культуре раннего железного века.

Повышенный интерес из коллекции вызывают материалы, аналогичные элементам культурно-бытового комплекса осиноозерской неолитической куль-

ря 1910 г., Л1 42. АОМ. Ф.3. Ед. хр. 28675. Оп.1. Д.166. Археологическая карта берегов Амура от хутора Константиновского до станицы Екатерино-Никольской с обозначением мест древних поселений сост. А.Я. Гуровым в 1902–1903 гг. (ткань вошенная, 41×467 см).

² АОМ. Ед. хр. 24125; 24126, 26936; Археологические находки // Амурская газета. [Благовещенск] 1902, № 89. 11 авг.; АОМ. Ед. хр. 1290, 1291, 1293, 1296, 1347, 1348, 4513, 4514, 4515, 4483.

³ АОМ. Ед. хр. 1301, 1331, 1355.

туры, которые ранее не были освещены в литературе. Обнаружение данных материалов в фондах Кунсткамеры позволило расширить картографию культуры, ее ареал на территории Западного Приамурья, определив самой южной точкой ее дислокации поселение на о. Урильском⁴ [3, с. 11; 5, с. 20–21; 7, с. 246; 9, с. 11; 10, с. 39–41; 11, с. 32; 12, с. 26; 16, с. 12; 17, с. 14; 18, с. 16; 21, с. 57; 22, с. 154].

Первая попытка выделить культурно-исторические общности в эпоху неолита на территории Сибири и Дальнего Востока была предпринята Б.Э. Петри. В 1926 г. в статье «Сибирский неолит», опубликованной в «Известиях Иркутского биолого-географического института», он выделяет пять крупных провинций, одной из которых являлась Амурская, включавшая бассейн Амура с Камчатской областью. Из-за недостаточности материала и фактов для характеристики особенностей каждой из культур Б.Э. Петри признавал, что провинции были намечены «провизорно» [24, с. 30–31].

Значительный вклад в обнаружение, фиксацию, описание и систематизацию археологических памятников внес краевед Г.С. Новиков-Даурский, на работу которого оказали существенное влияние труды А.П. Окладникова. С 1927 по 1961 г. им зарегистрировано около 200 археологических местонахождений, из которых более 30 относятся к каменному веку [7, с. 246; 15, с. 3; 3, с. 6; 20, с. 3;]. Данные памятники особый интерес вызывали у А.П. Окладников, который отнес их к числу важнейших в регионе, требующих в дальнейшем систематических раскопок [24, с. 255]. Освещение большинства памятников, отмеченных Г.С. Новиковым-Даурским, носило описательный характер, больше внимания уделялось географическому положению, а находки просто упоминаются [25, с. 4].

Данный этап в изучении прошлого региона носил преимущественно разведочный характер. Основной его задачей было накопление новых источников. Удаленность от центральных научных учреждений, малочисленность местных научных сил, недостаток средств не позволяли перейти к широким археологическим исследованиям. Однако благодаря работе краеведов-энтузиастов именно в этот период здесь было начато археологическое обследование памятников эпохи неолита [6, с. 61].

II ЭТАП (1935–1961 гг.)

Начало нового этапа в систематическом и планомерном изучении каменного века южной части Дальнего Востока связано с работами академической Северо-Азиатской (впоследствии Дальневосточной) экспедиции под руководством А.П. Окладникова. Экспедиция была организована по инициативе В.Г. Тан-Богораза, и первые работы она провела на территории Приамурья в 1935 г. [2, с. 43; 3, с. 13–14; 9, с. 12;].

Итогам работ на Нижнем Амуре была посвящена серия статей, в одной из них освещались вопросы этногенеза населения Сибири и Дальнего Востока [26].

⁴ Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 30. Л. 7; МАЭ РАН. Ед. хр. 4096.

Эта работа А.П. Окладникова имела большое значение для изменения отношения советских археологов к неолиту Дальневосточного региона. Одним из центров этногенеза неолитической эпохи А.П. Окладников назвал бассейн р. Амур [6, с. 62; 26, с. 12]. Его выводы были новым шагом в систематизации накопленных археологических материалов [1, с. 264–265; 2, с. 43–44; 3, с. 14; 26, с. 6–8; 27, с. 40].

Летом 1952 г. на левом берегу среднего течения р. Амур в районе села Новопокровки Амурской области работала Дальневосточная экспедицией Совета по изучению производственных сил АН СССР. Был обследован разрез первой надпойменной террасы Амура [28, с. 73]. Найденные материалы позволили ученым для равнин юга Амурской области признать древность лесостепного ландшафта, его связь с верхнечетвертичным временем и проследить в рельефе последнюю озерную фазу четвертичного периода на Дальнем Востоке, совпадающую, по мнению авторов, с верхним неолитом [28, с. 77].

Качественный скачок в развитии археологии Приамурья произошел в середине 1950-х гг. [6, с. 63]. Целенаправленное изучение позднего неолита началось в 1953 г. [8, с. 24–25; 9, с. 12]. В 1954 г. Дальневосточная экспедиция впервые обследовала бассейн верхнего Амура от г. Сретенска до г. Благовещенска. Было получено представление о характере древних культур данной территории и выявлены новые поселения каменного века, позволившие наметить новые районы распространения неолитической культуры на Дальнем Востоке. Во время разведки обнаружены археологические объекты с материалами поздненеолитического облика⁵ [2, с. 47; 3, с. 17; 9, с. 12; 10, с. 56; 11, с. 41; 12, с. 37; 29, с. 23, 24; 30, с. 5; 31, с. 68, 69; 32, с. 43].

В 1957 г. Э.В. Шавкуновым в окрестностях с. Кумары были обнаружены следы неолитических стоянок. На протяжении 200 км от створного знака № 473 и до устья р. Белой вниз по течению Амура найден ряд памятников с керамикой поздненеолитического облика⁶.

Результаты работ Дальневосточной археологической экспедиции в 1953–1958 гг. подытожены в монографии А.П. Окладникова «Далекое прошлое Приморья» [9]. Период развитого неолита Дальневосточного Приморья и Нижнего Приамурья, датированный по аналогиям с культурами Китая и Японии III–II тыс. до н.э., а также неолит Восточной Сибири коррелировался и с материалами уже частично исследованных на тот момент памятников верхнего Амура. В результате изучения вопроса об этнической принадлежности неолитических племен Дальнего Востока был сделан вывод о том, что на Амуре соприкасались два особых мира с резко отличными художественными

традициями – мир восточносибирских охотничьих племен и мир дальневосточных рыболовов и земледельцев [9, с. 80–82].

Решение вопроса о генезисе неолитической эпохи Дальнего Востока России также соотносилось с археологическими культурами, которые получили свое развитие на территории современного Китая, а именно в северо-восточных областях на территории Дунбэя [35, с. 33–119]. По мнению В.Е. Ларичева, особое место в неолите Дунбэя занимали районы, расположенные на периферии и связанные с культурами каменного века Монголии, Прибайкалья, Забайкалья и верхнего Амура [35, с. 60].

III ЭТАП (1961–1977 гг.)

Поворотным моментом в изучении позднего неолита в Западном Приамурье стал 1961 г., когда Дальневосточная экспедиция обследовала среднее и нижнее течения Зеи, а также прошла вдоль левого берега Амура вниз по течению от г. Благовещенска до с. Новопокровка Амурской области. В результате был открыт ряд памятников с материалом поздненеолитического облика. Основные работы по накоплению фактического материала выполнялись с 1961 по 1965 г. Ключевым объектом в выделении культуры позднего неолита стало поселение, расположенное на берегу Осинового озера вблизи с. Войково Константиновского района. Нескольким объектам с аналогичным материалом было выявлено в бассейне р. Зеи⁷. В результате исследований была выделена осиноозерская поздненеолитическая культура, первоначально соотнесенная с материалами могильника в Анганси в Дунбэе⁸ [36, с. 50].

На конференции 1962 г. в Комсомольске-на-Амуре А.П. Окладников на основе обнаруженных на Осиновом озере каменных плит-зернотерок, курантов к ним и мотыжек включил территорию среднего Амура в область складывавшегося земледелия в период неолита [37, с. 4–7]. Аналогичного мнения он придерживался и относительно Зейско-Буреинской равнины [36, с. 56].

Важной вехой в исследованиях осиноозерской культуры стал выход в 1966 г. публикации А.П. Окладникова, посвященной обобщению пятилетней работы в бассейне долин рек Зеи и Амура [38]. В данной статье автор первоначально называет выделенную культуру войковской. Вводится в научный оборот информация о единственном на тот момент известном разрушенном погребении рассматриваемого времени у с. Троицке на р. Зее. Сообщение о наличии других поселений данного типа в долине р. Зеи существенно расширило картографию культуры. Впервые конкретизируется

⁵ Окладников А.П. Отчет о работе Дальневосточной экспедиции в 1954 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 1029. 33 ил. С. 37–42.

⁶ Шавкунов Э.В. Отчет о результатах археологической разведки на Амуре в 1957 г. // Там же. № 1613. 38 л., 24 ил. С. 10–12; Шавкунов Э.В. О чем говорят раскопки // Амурская правда. 1957. 25 авг. № 201. С. 3.

⁷ Окладников А.П. Отчет о разведывательных работах на р. Зеи в 1961 г. Отчет о разведывательных работах по р. Амуру (Благовещенск – Новопокровка) в 1961 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2240. 88 л. 8 ил.; № 2240а. Альбом иллюстраций к отчету. 21 л. 48 ил.

⁸ Окладников А.П. Отчет об археологических исследованиях в бассейне реки Амур в 1962 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2439. 88 л.; № 2439а. Альбом иллюстраций к отчету. 20 л., 44 ил.

датировка этих памятников – конец III–II тыс. до н.э. (около 2000–1500 гг. до н.э.). Анализируя хозяйственный уклад населения данного периода, А.П. Окладников, подчеркивая значение охоты и рыболовства, а учитывая находку зернотерки в одном из жилищ на Осиновом озере, сделал вывод о зарождении примитивного земледелия на среднем Амуре [38, с. 37–38].

В статье Е.И. Деревянко [39] дана характеристика керамики и каменных орудий осиноозерской культуры, которые были обнаружены в раскопе № 3 1965 г. при исследовании раннесредневекового жилища на поселении Осинное Озеро.

Вопрос о выделении культуры был окончательно решен в результате открытия новых памятников, включающих культурно-бытовые элементы, аналогичные неолитическим с поселения Осинное Озеро.

Материалы, подводящие итоги археологических исследований на Среднем Амуре до 1968 г., опубликованы в первом томе «Истории Сибири», где в совместной главе А.П. Окладникова и А.П. Деревянко, посвященной неолиту Дальнего Востока, дана подробная характеристика культурно-бытовых элементов осиноозерской культуры [40, с. 149–150].

Исходя из обнаруженных в ряде жилищ крупных каменных орудий, которые могли служить для обработки земли, а также в жилище № 2 – крупорушки с концентрическими царапинами на поверхности и углублением в центре и лежащего на ней в «рабочем положении» песта, впервые А.П. Окладников и А.П. Деревянко конкретизируют время появления земледелия на Среднем Амуре. Ставится вопрос о генезисе обитателей поселения Осинное Озеро, использовавших совершенно другое сырье и технику в производстве каменных орудий труда, чем более раннее новопетровское население [40, с. 149–150].

Важное значение в плане картографирования имеет корреляция находок из верхнего слоя поселения у с. Сергеевка на верхнем Амуре –фрагментов керамики, украшенной налепными рассеченными валиками, и наконечников стрел обычного неолитического облика – с материалами поселения на Осинном озере [40, с. 149–150; 41, с. 117]. Был сделан вывод о корнях и вместе с тем своеобразии осиноозерской культуры [42, с. 119].

Пополнение фактического материала и увеличение количества объектов, расширявших территорию расселения носителей осиноозерской культуры в северо-западной части региона, происходило во второй половине 1960-х гг. благодаря археологическим разведкам на р. Зее [3, с. 115; 11, с. 107; 43; 44, с. 11].

В 1968 и 1969 гг. были продолжены работы в окрестностях с. Кумары. Раскопки и осмотр береговой террасы позволили выявить здесь несколько древних культурных слоев, относящихся к палеолиту и неолиту, в том числе элементы осиноозерской культуры [3, с. 7; 20, с. 3; 32, с. 43, 44].

В результате расширения ареала культуры за счет северных районов региона в 1970 г. В.Е. Ларичевым было высказано мнение о смешанном характере осино-

озерской культуры, сложившейся в результате контактов носителей амурского неолита с поздненеолитическим населением Забайкалья и Якутии, и о появлении у носителей этой культуры наряду с охотой и рыболовством зачатков земледелия [45, с. 77]. Еще в конце 1960-х гг. А.П. Окладниковым и Д.Л. Бродяжским была выдвинута концепция о существовании дальневосточного очага древнего земледелия. В рамках данной концепции, которая вошла в дискуссию о центрах возникновения производящего хозяйства, доказывалось существование первичного очага земледелия на Дальнем Востоке в период позднего неолита. В раннеземледельческий ареал, таким образом, помимо Приморья, Маньчжурии и Северной Кореи вошла и территория среднего Амура. Основанием для выделения нового дальневосточного очага раннего земледелия послужило, как уже отмечалось, обнаружение в одном из жилищ неолитического поселения на Осинном озере песта и крупорушки [6, с. 65–68; 46, с. 3–14].

Результаты изучения данной поздненеолитической культуры обобщены А.П. Окладниковым в публикации, включенной в фундаментальную работу по археологии каменного века на территории СССР, куда вошли статьи ведущих советских археологов [47, с. 188].

Несмотря на масштабное исследование поселения на Осинном озере в результате стационарных раскопок 1962 и 1965 гг., многие материалы памятника до 1970 г. не публиковались. Впервые подробный материал, характеризующий культурно значимые признаки осиноозерской культуры, был включен А.П. Деревянко в монографию (1970), подводящую итоги почти десятилетнего изучения новопетровской культуры раннего неолита [9, с. 157, 166, 192–194]. Наиболее широкое освещение материалов поселения Осинное Озеро произошло в 1970 – 1973 гг.

В этот период выходят в свет две обобщающие статьи, посвященные анализу осиноозерской культуры: А.П. Окладникова, Р.С. Василевского, А.П. Деревянко [48] по итогам исследований на Осинном озере в 1965 г. и А.П. Окладникова, А.П. Деревянко [49] по работам 1962 г. на этом же объекте.

Подробные материалы по осиноозерской культуре в 1973 г. вошли в обобщающую и подытожившую 20-летие работ Дальневосточной археологической экспедиции в Приамурье и Приморье совместную монографию А.П. Окладникова и А.П. Деревянко [12, с. 10–107] и в труды А.П. Деревянко по раннему железному веку Приамурья [10, с. 75–76; 44, с. 9–11; 11, с. 104–107].

В основу выделения осиноозерской культуры были положены материалы раскопок 1962 и 1965 гг. поселения на Осинном озере (более 600 м²), где было исследовано пять неолитических жилищ. Исследователи пришли к выводу, что данный объект представляет собой сравнительно небольшой поселок из 10 – 20 жилищ, расположенных без определенного порядка на некотором удалении от Амура, вблизи небольшого водоема [9, с. 157].

Полученные результаты показали, что жилища на поверхности были выражены слабо профилированными

ми западинами с небольшим углублением в центре [48, с. 346]. Жилища имели округлую в плане форму диаметром 7,5–9 м. Их основание было заглублено в котлован глубиной от 25 до 40 см. Стены котлованов крутые, четкие. Вдоль них зафиксирован первый, внешний круг столбовых ям. По наблюдениям исследователей, ямы первого ряда остались от столбов диаметром в среднем 23–25 см. Профили этих ям в большинстве своем сохранили форму ствола с затеской снизу одного края. Небольшой уклон столбов направлен от края жилища к его центральной части, где располагался второй ряд столбов. Второй ряд столбовых ям отмечен вокруг очагов, сооруженных в центре жилого пространства в специальном углублении с деревянной обкладкой, которая обмазывалась глиной. Диаметр столбов у очага был в среднем 17–18 см, основание сужающееся, дно округлое. Внутренний ряд столбов скреплялся вверху обвязкой, на которую опирались верхние концы перекрытия жилища. Нижние концы опирались на внешнюю обвязку, опорой для которой служили ряды столбов, расположенные у стен котлована. Следов истлевшего дерева от рухнувшей кровли и стенок не обнаружено, но найденные в заполнениях и на полу жилищ мелкие 5–8 см и крупные 15–10 см обрывки бересты позволяют сделать вывод о наличии берестяной кровли конусовидной формы, которая опиралась на два ряда столбов, расположенных по окружности. Некоторые фрагменты бересты имели сквозные отверстия около 3 мм в диаметре, проколотые острием с неровными гранями, на отдельных кусках бересты были видны следы врезавшихся тонких веревок. Возможно, часть бересты предназначалась для гидроизоляции самого котлована. Не было обнаружено хозяйственных ям и наземного выхода. В результате этнографических аналогий был сделан вывод, что входом в жилище служило дымовое отверстие. Площадь жилищ в среднем составляла 60 м² [9, с. 160, 166; 11, с. 104–105; 12, с. 104–105; 48, с. 385; 49, с. 33–37; 50, с. 36, 37]. Исследователи отметили важную деталь: в трех жилищах в заполнении были одиночные находки небольших обломков костей животных, но рыбы кости не встречались, зато в золе всех трех очагов рыбы кости имелись в большом количестве. Очевидно, кости рыб уцелели лишь благодаря тому, что они были обожжены. Возможно, обитатели жилища специально выбрасывали рыбы кости в костер. По мнению А.П. Окладникова, у народов, расселявшихся по берегам Амура, существовало особое отношение к рыбе и в том числе к рыбьим костям⁹ [49, с. 37].

Почти в каждом жилище встречались небольшие участки, на которых располагалось значительное количество предметов каменного инвентаря – отщепов, а иногда готовых изделий. Это были рабочие площадки, где производились каменные орудия. На этих

площадках и в остальных частях жилища не удалось выявить нуклеусы каких-либо устойчивых и определенных форм. Основой для изготовления большей части орудий служили сколы и отщепы с желваков халцедона и яшмы (материал, характерный для данной культуры).

Желваки халцедона и яшмовидных пород камня, так называемые нуклеусы осиноозерского типа, изначально получили интерпретацию как грубые нуклеусы. Желваки со следами скалывания с них отщепов без какой-либо четко выраженной системы и дополнительной калибровки ядрища были встречены как в жилищах, так и в междужилищном пространстве. Всего на поселении обнаружено более 60 желваков, различающихся как по величине, так и по степени сработанности. Все они сохранили с одной стороны желвачную корку, а с другой – от краев к центру с них снимали отщепы. Из отщепов, сколотых с таких своеобразных нуклеусов, делали наконечники стрел и дротиков, вкладыши, скребки, проколки. Данный вид орудийного набора был отнесен к мелкому каменному инвентарю [9, с. 192; 11, с. 105; 12, с. 105; 49, с. 37].

Наконечники стрел по форме и характеру обработки были разделены на четыре типа. Первую наиболее многочисленную группу составляют короткие и широкие наконечники стрел с довольно тупым острием. Они небольшого размера, в виде равностороннего треугольника, обработанные с обеих сторон мелкой, а у края крутой ретушью. Среди этой группы выделены наконечники с выемкой в основании и небольшими симметрично расположенными жальцами и без них с прямым основанием. Один экземпляр с размерами сторон 1 см изготовлен из светлого кремнистого сланца, отличается очень тонкой, почти ювелирной ретушью.

Вторая группа представлена более узкими, но длинными наконечниками стрел, в виде равнобедренного треугольника, они в 2–3 раза превосходят по размерам наконечники первой группы. Длина сторон у некоторых экземпляров доходит до 3 см, угол в верхнем основании не превышает 40°. Встречаются в этой группе также наконечники с выемкой, с жальцами и с прямым основанием. Жальца у первых обычно незначительные, симметричные.

Третья группа состоит из наконечников стрел с хорошо ретушированным небольшим черешком. Одна сторона наконечников этого типа плоская, обработана крупной ретушью, только жальца дополнительно подправлены мельчайшей ретушью. Противоположная широкая сторона по всей поверхности обработана сколами. Наконечники имеют форму треугольника с боковыми сторонами в 1 см. Внизу имеются небольшие плечики, которые переходят в хорошо обработанный длинный насад.

Наконечники стрел четвертой группы по своему типу аналогичны второй, но имеют кососрезанное основание, напоминающее жало [9, с. 192–193; 11, с. 105; 12, с. 105–106; 49, с. 38].

Следующую группу каменных изделий образуют *вкладные лезвия*, для составных орудий типа ножей

⁹ Окладников А.П. Отчет об археологических исследованиях в бассейне реки Амур в 1962 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2439. 88 л. № 2439а: Альбом иллюстраций к отчету. 20 л., 44 ил.

и кинжалов, изготовленные из массивных отщепов. Длина лезвий 2–5 см, обе стороны обработаны ретушью, а у некоторых экземпляров один конец в виде острия [9, с. 193; 11, с. 105; 12, с. 106; 49, с. 38].

Скребки по форме и степени обработки разделены на три группы. Первую группу составляют небольшие по размерам скребки округлой формы, со всех сторон обработанные ретушью. Во вторую входят скребки прямоугольные в плане, обработанные ретушью по краю с двух–трех сторон. У отдельных экземпляров есть по краю выступ-шип, также обработанный ретушью, который мог использоваться как проколка. Это уже комбинированные орудия – *скребки-проколки*. К третьей группе отнесены скребки с рабочим лезвием по одному краю. Рабочая сторона у них, как правило, узкая. Две другие стороны образуют рукоять. Типологически орудия близки к *концевым скребкам* [9, с. 193; 11, с. 105; 12, с. 106; 49, с. 38].

Проколки изготовлены из отщепов подтреугольных очертаний. Ретушью обработано только острие. Большая часть орудий не подвергалась обработке. Была также выявлена плечиковая проколка на халцедоновом отщепе [11, с. 105; 12, с. 106; 48, с. 380; 49, с. 38].

Крупные каменные орудия представлены разными видами. *Тесла* и *долота* включают наиболее распространенные шлифованные тесла небольших размеров, прямоугольные в поперечном сечении, а также тесла-долота, которые имеют прямоугольную форму в поперечном сечении, с тщательной шлифовкой. Среди них выделяются долота с желобчатым лезвием. Представляет интерес находка миниатюрного долотца, квадратного в поперечном сечении. Кроме того, встречены тесла овальные и ассиметричные в поперечном сечении. Еще два обнаруженных на поселении тесла были овальными в поперечном сечении [9, с. 193; 11, с. 105–106; 12, с. 106; 49, с. 38–39].

Заготовка топора из плотного серого песчаника имела прямоугольное поперечное сечение, длину 15 см, ширину от 7 до 4 см. Лезвие только намечено грубыми широкими сколами. Обушок массивный, с оставленной с двух сторон желвачной коркой [49, с. 39]. На полу у северного края восточного плечика жилища № 1 был обнаружен шлифованный топорик, прямоугольный в сечении [49, с. 34].

К рубящим орудиям по форме близки *мотыжки*, которые в отличие от долот и тесел не шлифовались, только оббивались по краю [11, с. 106].

Из других крупных орудий труда, отнесенных к земледельческим, найдены песты, зернотерки и одна крупорушка [9, с. 193; 11, с. 106; 12, с. 106; 49, с. 39].

Большая часть *пестов* изготовлена из серого плотного песчаника и темного сланца. В поперечном сечении они округлые или прямоугольные с хорошо зашлифованной рабочей поверхностью [9, с. 193; 11, с. 106; 12, с. 106; 49, с. 39]. В результате работ 1965 г. был обнаружен пестик из песчаника, со следами стирания вдоль верхнего конца [48, с. 340].

Зернотерки с поселения представлены несколькими обломанными плитками, одна сторона кото-

рых тщательно зашлифована. Особый интерес представляла крупорушка, обнаруженная на полу второго жилища. На ней пестом работали довольно продолжительное время, и по краю от работы образовался кольцевидный желобок. Песты и зернотерки подобного типа почти не известны на Нижнем Амуре и в Приморье, где в неолите были распространены куранты и большие ладьевидные зернотерки [9, с. 193; 11, с. 106; 12, с. 106; 49, с. 39].

На поселении найдены два *круглых диска с отверстиями* в центре, изготовленных из темного песчаника. Диаметр дисков-грузиков – 4 см, толщина – 0,3 см. По мнению исследователей, они служили, скорее всего, утяжелителями для палок-копалок или для палицы, изготовленной для того, чтобы добывать крупную рыбу, попавшую в сеть [11, с. 106; 12, с. 107; 49, с. 40].

Грузила для сетей представлены гальками с выемками на двух концах [9, с. 193; 11, с. 106; 12, с. 106; 49, с. 39]. В более ранних работах сообщалось также о находках тонких халцедоновых пластинок, употреблявшихся в качестве жалец для составных *рыболовных крючков* [40, с. 149].

Редкий орудийный набор включает скребки-проколки, отжимники, отбойники, наковальни, скобели, ложило, наконечник копья, обломок нефритового ножа, орудие из черного обсидиана, резак, сверло, тесловидные орудия, долота, терочные камни, шлифованное тесло, проколку из горного хрусталя [39, с. 99, 100; 48, с. 336–368].

Костяной гарпун неповоротного типа, обнаруженный в заполнении очага третьего жилища, имеет шесть зубчиков-жалац, расположенных по одной стороне. Насад гарпуна обломан. Его поверхность тщательно зашлифована. Это пока единственный неолитический гарпун, обнаруженный в бассейне среднего Амура. Среди изделий из кости следует отметить обнаруженное на полу жилища № 2 зашлифованное острие, изготовленное из трубчатой кости животного. В центре жилища № 3, в очаге, лежал олений рог со срезанными отростками¹⁰ [9, с. 193; 11, с. 106; 12, с. 106; 48, с. 386; 49, с. 34, 37, 39].

Благодаря детальному технико-технологическому анализу из представительной части коллекции фрагментов керамики было выделено три типа сосудов. К первому отнесены сосуды значительных размеров с диаметром устья до 25–30 см, плоскодонные, ведрообразной формы, слабо профилированные, преимущественно с прямым венчиком, иногда отогнутым наружу. У большинства горловина выражена слабо. По венчику и тулову сосудов нанесены горизонтально расположенные наlepные рассеченные валики, а по тулову еще и волнистые валики, образующие орнамент в виде восьмерок, иногда ромбов. Очень часто

¹⁰ *Окладников А.П.* Отчет об археологических исследованиях в бассейне реки Амур в 1962 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2439. 88 л; № 2439а: Альбом иллюстраций к отчету. 20 л., 44 ил.

валики пересекают друг друга. Высота некоторых сосудов 30–35 см.

Ко второму типу отнесены сосуды меньших размеров высотой до 20 см и диаметром по венчику 15 см. У них более четко выражена шейка, венчик отогнут в виде буквы «Г». Орнамент также состоит из наlepных рассеченных валиков.

Третий тип представлен небольшими сосудами в виде чаш. У них, как правило, был прямой венчик диаметром от 5 до 10 см. Стенки сосудов тонкие, гладкие. Иногда по венчику располагались один, два наlepных валика [9, с. 193–194; 11, с. 106; 12, с. 106–107; 48, с. 384; 49, с. 40].

Таким образом, благодаря интерпретации и систематизации археологического материала определено место памятника Осинное Озеро и осиноозерской культуры среди неолитических культур юга Дальнего Востока России. Особое внимание уделялось выявлению региональных, временных и культурно значимых признаков. В целом исследователи вполне обоснованно подтвердили предложенную ранее датировку памятника III–II тыс. до н.э. и сделали ряд выводов.

Осиноозерская культура создана оседлым населением, хозяйство которого основывалось на охоте и рыболовстве. На основании найденного в жилищах значительного числа пестов и зерноотерок, а также в связи с обнаружением зерен проса в очажном заполнении одного из жилищ был сделан вывод о появлении у осиноозерцев новой отрасли хозяйства – земледелия. Этому, по мнению авторов раскопок, способствовали природные условия в бассейне Амура и богатые черноземом обширные участки земли. По сходству керамики и конструктивным особенностям жилищ сделан вывод о том, что эта культура сложилась на основе местных древних традиций и генетически связана с новопетровской, несмотря на значительный хронологический разрыв и существенные различия в каменном инвентаре. Немалую роль, по мнению авторов, в формировании каменной индустрии носителей осиноозерской культуры сыграли контакты с поздним этапом гromатухинской культуры [11, с. 107, 253–254; 51, с. 73, 74; 52, с. 61, 62; 53, с. 61, 62; 54, с. 322–324; 55, с. 100, 101].

Из полевых работ, оставшихся не опубликованными, представляют интерес раскопки А.П. Деревянко поселения на Гладковском бугре в зоне затопления Зейской ГЭС, проведенные в 1973–1974 гг. Территория, на которой располагалось поселение, в данный момент затоплена Зейским водохранилищем¹¹. По материалу и стратиграфии были выделены три основных культурных горизонта. Самым насыщенным являлся второй горизонт, который был отнесен к периоду существования осиноозерской культуры. На сегодняшний

день этот памятник является самым северным в географическом отношении. Затем последовал 30-летний перерыв в изучении неолита Среднего Приамурья. По существу, до XXI в. какой-либо новой информации о памятниках осиноозерской культуры в археологической литературе не появлялось, а представление о ней зафиксировано на уровне источниковой базы, сложившейся к началу 1970-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деревянко А.П. Каменный век в бассейне Среднего Амура // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: [б.и.], 1968. Вып. 1. С. 262–275.
2. Деревянко А.П. Историография каменного века Приамурья // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. Новосибирск: [б. и.], 1972. Ч.1. С. 38–66.
3. Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура. Новосибирск: Наука, 1977. 286 с.
4. Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭГ СО РАН, 1998. 184 с.
5. Деревянко А.П., Сапунов Б.С. История археологических исследований в бассейне Среднего Амура // ЗАОМК. 1970. Т.6, вып. 2. С. 10–27.
6. Клюев Н.А. Археология первобытного общества Приморья и Приамурья: История идей и концепций // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока (Проблемы исторической интерпретации археологических источников). М.: Наука, 1994. С. 55–85.
7. Петров В.Г., Сапунов Б.С. История исследования памятников каменного века в Амурской области с середины XIX века по 1953 год // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века: материалы Междунар. науч. конф. (Благовещенск, 17–18 мая 2004 г.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 244–247.
8. Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток: Приморск. кн. изд-во, 1959. 291 с.
9. Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1970. 204 с.
10. Деревянко А.П. Ранний железный век Дальнего Востока. Курс лекций. Новосибирск, 1970. Ч. 1. 198 с.
11. Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 354 с.
12. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 440 с.
13. Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Азия и проблема родины человека (История идей и исследований). Новосибирск, 1969. Ч.1. 390 с.
14. История Амурской области с древнейших времен до начала 20 века / под ред. А. П. Деревянко, А. П. Забияко. Благовещенск, 2008. 424 с.
15. Новиков-Даурский Г.С. Приамурье в древности // ЗАОМК. 1953. Т. 2. С. 3–25.
16. Новиков-Даурский Г.С. Материалы к археологической карте Амурской области // ЗАОМК. 1955. Т. 3. С. 10–46.
17. Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1961. 192 с.
18. Окладников А.П., Деревянко А.П. Польце – поселение раннего железного века у с. Кукелево. Новосибирск: [б.и.], 1970. 304 с. (Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции; вып. 1).
19. Холкина Т.А. А.Я. Гуров. Неизвестные страницы биографии // Амурский краевед. 1992. № 1. С. 10–14.
20. Сапунов Б.С., Петров В.Г., Сапунов И.Б. Памятники каменного века Амурской области. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2000. 75 с. препринт.

¹¹ Деревянко А.П. Научный отчет о раскопках в зоне затопления Зейской ГЭС в 1973 году (Поселение у озера Гладковского). Новосибирск, 1973 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5055. 72 л.; Деревянко А.П. Научный отчет о результатах охранных раскопок в зоне затопления Зейской ГЭС в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1, №5614. 69 л.

21. Сапунов Б.С. История археологических исследований на территории Амурской области // Проблема краеведения: тез. докл. конф. Арсеньев. чтения. Уссурийск, 1989. С. 56–57.
22. Нестеров С.П. Очерк истории археологического изучения Амурской области // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: Материалы Всерос. семинара, посв. 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009. С. 153–158.
23. Сирина А.А. Маньчжурская экспедиция С.М. и Е.Н. Широкогоровых (1915–1917) // ЭТНОГРАФИЯ / ETNOGRAFIA. 2018. № 1. С. 64–85.
24. Окладников А.П. Новые сведения по археологии и истории Приамурья (Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения, т. 2. Благовещенск, 1953) // Советская археология. 1955. Т. 22. С. 254–256.
25. Сапунов Б.С. Археология Амурской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1971. 20 с.
26. Окладников А.П. Неолитические памятники как источник по этнографии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 5–14.
27. Окладников А.П. Древнее население Сибири и его культуры // Народы Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 21–107.
28. Никольская В.В. Палеографические материалы из Новопокровской стоянки на Амуре // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1954. № 5. С. 73–77.
29. Окладников А. П., Ларичев В. Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 1999. Вып. 2. С. 4–30.
30. Сапунов Б.С. К 40-летию стационарных археологических работ на Среднем Амуре // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2001. С. 4–11.
31. Сапунов И.Б. Об истории исследований археологических памятников Амуро-Зейского плато // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002. С. 65–70.
32. Коваленко С.В. Памятники осиноозерской неолитической культуры левого берега Верхнего и Среднего Амура // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 18–23 мая 2015 г.) / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов, Н.В. Киреева. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. Вып. 5. С. 41–55.
33. Археология СССР. Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. 383 с.
34. Памятники истории и культуры Амурской области. Аннотированный список. Благовещенск, 1991. 136 с.
35. Ларичев В.Е. Неолит Дунбэя и его связи с культурами Северо-Восточной Азии. Археологический сборник. 1959. № 1. С. 33–119.
36. Окладников А.П. Советский Дальний Восток в свете новейших достижений в археологии // Вопросы истории. 1964. № 1. С. 44–58.
37. Окладников А.П. Основные проблемы древней истории Дальнего Востока // Тез. докл. и сообщ. третьей Дальневосточ. конф. по истории, археологии и этнографии. Комсомольск-на-Амуре, [б.и.], 1962. С. 3–11.
38. Окладников А.П. Археология долины реки Зеи и Среднего Амура // Советская археология. 1966. № 1. С. 32–41.
39. Деревянко Е.И. Датированный позднемохэский памятник на Среднем Амуре // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук, вып. 3. 1968. № 11. С. 96–104.
40. Окладников А.П., Деревянко А.П. Неолит Дальнего Востока // История Сибири с древнейших времен и до наших дней. Л.: Наука, 1968. Т. 1: Древняя Сибирь. С. 127–150.
41. Бродянский Д.Л. Введение в Дальневосточную археологию. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 276 с.
42. Деревянко А.П. Новые археологические открытия на Среднем Амуре // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1965, Вып. 1. № 1. С. 118–119.
43. Сапунов Б.С. Разведка в среднем и нижнем течении Зеи // Археологические открытия 1968 года. М.: Наука, 1969. С. 202–203.
44. Деревянко А.П. Ранний железный век Дальнего Востока: Курс лекций. Новосибирск, 1972. Ч. 2. 276 с.
45. Ларичев В.Е. Сорок лет среди сибирских древностей: Материалы к биографии акад. А.П. Окладникова. Аннот. библиография. Новосибирск, Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 239 с.
46. Окладников А.П., Бродянский Д.Л. Дальневосточный очаг древнего земледелия // Советская этнография. 1969. № 2. С. 3–14.
47. Окладников А.П. Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. С. 172–193.
48. Окладников А.П., Васильевский Р.С., Деревянко А.П. Археологические исследования на Осиновом озере (раскопки 1965 года) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск, 1971. Ч. II. С. 323–392.
49. Окладников А.П., Деревянко А.П. Осиноозерская культура на Среднем Амуре // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР, 1973. Т. 9. С. 33–42.
50. Деревянко Е.И. Древние жилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1991. 158 с.
51. Мартынов А.С. Археология СССР: учеб. пособ. М.: Высш. шк., 1973. 296 с.
52. История Дальнего Востока СССР: От эпохи первобытно-общинных отношений до наших дней: в 4 т. Владивосток, [б.и.], 1974. Т. 1, кн. 1: Первобытное общество на территории Дальнего Востока СССР.
53. История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М.: Наука, 1989. 375 с.
54. Археология. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. 379 с.
55. Мартынов А.С. Археология: Учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2000. 439 с.

REFERENCES

1. Derevyanko A.P. The Stone Age in the middle Amur River basin. *Voprosy istorii sotsial'no-ekonomicheskoy i kul'turnoy zhizni Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, 1968, vol. 1, pp. 262–275. (In Russ.)
2. Derevyanko A.P. Historiography of the Stone Age of the Amur Region. *Materialy po arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, 1972, pt. 1, pp. 38–66. (In Russ.)
3. Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. The Gromatukha culture. Novosibirsk, Nauka, 1977. 286 p. (In Russ.)
4. Nesterov S.P. Peoples of the Amur Region in the early Middle Ages. Novosibirsk, Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 1998, 184 p. (In Russ.)
5. Derevyanko A.P., Sapunov B.S. History of archaeological studies in the middle Amur basin. *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya*, 1970, vol. 6, is. 2, pp. 10–27. (In Russ.)
6. Klyuev N.A. Archeology of the primitive society in Primorie and Priamurie (history of ideas and concepts). *Ocherki pervobytnoy arkheologii Dal'nego Vostoka (problemy istoricheskoy interpretatsii arkheologicheskikh istochnikov)*. Moscow, Nauka, 1994, pp. 55–85. (In Russ.)
7. Petrov V.G., Sapunov B.S. History of studying the Stone Age sites in the Amur Region since the mid – XIX century to 1953. *Migratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke (s drevneishikh vremen do nachala XX veka: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Blagoveshchensk, 17–18 maya 2004 g.))*. Blagoveshchensk, BGPU, 2004, pp. 244–247. (In Russ.)
8. Okladnikov A.P. Distant past of Primorie (essays on ancient and medieval history of Primorsky Krai). Vladivostok, 1959, 291 p. (In Russ.)
9. Derevyanko A.P. The Novopetrovka culture of the middle Amur. Novosibirsk, Nauka, 1970, 204 p. (In Russ.)

10. Derevyanko A.P. The early Iron Age of the Far East. Lecture course. Pt. 1. Novosibirsk, 1970, 198 p. (In Russ.)
11. Derevyanko A.P. The early Iron Age of the Far East. Novosibirsk, Nauka, 1973, 354 p. (In Russ.)
12. Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. The remote past of Primorie and Priamurie. Vladivostok, Dal'nevost. kn. izd-vo, 1973, 440 p. (In Russ.)
13. Larichev V.E. The Paleolithic in Northern, Middle and East Asia. Asia and the problem of the human homeland (history of ideas and research). Novosibirsk, 1969, pt. 1, 390 p. (In Russ.)
14. Derevyanko A.P., Zabiako A.P. (eds.) History of the Amur region from ancient times to the early XX century. Blagoveshchensk, 2008, 424 p. (In Russ.)
15. Novikov-Daurskiy G.S. Priamurye in ancient times. *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya*, 1953, vol. 2, pp. 3–25. (In Russ.)
16. Novikov-Daurskiy G.S. Materials to the archaeological map of the Amur Region. *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya*, 1955, vol. 3, pp. 10–46. (In Russ.)
17. Novikov-Daurskiy G.S. Historical and archaeological essays. Blagoveshchensk, Amur. kn. izd-vo, 1961, 192 p. (In Russ.)
18. Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. Poltse – settlement of the early Iron Age. *Materialy polevykh issledovaniy Dal'nevostochnoy arkheologicheskoy ekspeditsii*. Novosibirsk, 1970, vol. 1, pp. 3–29. (In Russ.)
19. Kholkina T.A. A.Ya. Gurov. Unknown pages of biography. *Amurskiy kraeved*, 1992, no. 1, pp. 10–14. (In Russ.)
20. Sapunov B.S., Petrov V. G., Sapunov I.B. Stone Age sites in Amur Region. Blagoveshchensk, Amur. gos. un-t, 2000, 75 p. (In Russ.)
21. Sapunov B.S. The history of archaeological studies in the territory of the Amur Region. *Problema kraevedeniya. Arsen'evskie chteniya: tez. dokl.* Ussuriysk, 1989, pp. 56–57. (In Russ.)
22. Nesterov S.P. Essay on the history of archaeological study of the Amur Region. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoy Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937 gg.: materialy vserossiiskogo seminar, posvyashchennogo 125-letiyu Berngarda Eduardovicha Petri, Irkutsk, 3–6 maya 2009 g.* Irkutsk, Amtera, 2009, pp. 153–158. (In Russ.)
23. Sirina A.A. Manchu expedition by S. M. and E. N. Shirokogorovs (1915–1917). *Etnografiya*, 2018, no. 1, pp. 64–85. (In Russ.)
24. Okladnikov A.P. New Information about the archeology and history of Priamurie (notes of the Amur Regional Museum of Local Lore and the Society of Local Lore, vol. 2. Blagoveshchensk, 1953). *Sovetskaya arkheologiya*, 1955, vol. 22, pp. 254–256. (In Russ.)
25. Sapunov B.S. Archeology of Amur Region: diss. abstr. Novosibirsk, 1971, 20 p. (In Russ.)
26. Okladnikov A.P. Neolithic Sites as a Source of Ethnogenesis in Siberia and the Far East. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury*, 1941, vol. 9, pp. 5–14. (In Russ.)
27. Okladnikov A.P. Ancient population of Siberia and its cultures. *Narody Sibiri*. Moscow, Leningrad, 1956, pp. 21–107. (In Russ.)
28. Nikol'skaya V.V. Paleographic materials from Novopokrovskaya site on the Amur River. *Izvestiya AN SSSR. Seriya geograficheskaya*, 1954, no. 5, pp. 73–77. (In Russ.)
29. Okladnikov A.P., Larichev V.E. Archeological studies in the Amur River basin in 1954. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, Amur. gos. un-t, 1999, vol. 2, pp. 4–30. (In Russ.)
30. Sapunov B.S. To the 40th anniversary of stationary archeological studies on the middle Amur River. *Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh*. Blagoveshchensk, Amur. gos. un-t., 2001, pp. 4–11. (In Russ.)
31. Sapunov I.B. On the history of studies of archeological sites of the Amur-Zeya Plateau. *Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh*. Blagoveshchensk, Amur. gos. un-t., 2002, pp. 65–70. (In Russ.)
32. Kovalenko S.V. Sites of the Neolithic Osimoozerskaya culture on the left bank of the upper and middle Amur River. *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy V mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Blagoveshchensk – Heihe – Harbin, May 18–23, 2015)*. Blagoveshchensk, Izd-vo BGPU, 2015, vol. 5, pp. 41–55. (In Russ.)
33. Rybakov B.A. (ed.) Archeology of USSR. The Paleolithic of USSR. Moscow, Nauka, 1984, 383 p. (In Russ.)
34. Sites of history and culture of Amur Region. An annotated list. Blagoveshchensk, 1991, 136 p. (In Russ.)
35. Larichev V.E. The Neolithic of Dongbei and its relations to the Northeast Asian cultures. *Arkheologicheskii sbornik*. Ulan-Ude, 1959, no. 1, pp. 33–119. (In Russ.)
36. Okladnikov A.P. Soviet Far East in the light of the newest archeological studies. *Voprosy istorii*, 1964, no. 1, pp. 44–58. (In Russ.)
37. Okladnikov A.P. Main problems of ancient history of the Far East. *Tezisy dokladov i soobshcheniy Tret'ey Dal'nevostochnoy konferentsii po istorii, arkheologii i etnografii*. Komsomol'sk-na-Amure, 1962, pp. 3–11. (In Russ.)
38. Okladnikov A.P. Archeology of the Zeya Valley and the middle Amur River. *Sovetskaya arkheologiya*, 1966, no. 1, pp. 32–41. (In Russ.)
39. Derevyanko E.I. Dated late Bohemian monument on the Middle Amur. *Izvestiya SO AN SSSR. Seriya Obshchestvennye nauki*, 1968, vol. 3, no. 11, pp. 96–104. (In Russ.)
40. Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. The Neolithic of the Far East. *Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen i do nashikh dney*. Leningrad, 1968, vol. 1, pp. 127–150. (In Russ.)
41. Brodyanskiy D.L. Introduction into the Far Eastern archeology. Novosibirsk, Izd-vo Dal'nevost. Un-ta, 1987, 276 p. (In Russ.)
42. Derevyanko A.P. New archeological discoveries on the Middle Amur. *Izvestiya SO AN SSSR. Seriya Obshchestvennye nauki*, 1965, is. 1, no. 1, pp. 118–119. (In Russ.)
43. Sapunov B.S. Survey work on the middle and lower Zeya River. *Arkheologicheskie otkrytiya 1968 goda*. Moscow, Nauka, 1969, pp. 202–203. (In Russ.)
44. Derevyanko A.P. The early Iron Age of the Far East. Lecture course. Novosibirsk, 1972a, pt. 2, 276 p. (In Russ.)
45. Larichev V.E. Forty years among Siberian ancients. Materials to Academician A. P. Okladnikov's biography. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1970, 239 p. (In Russ.)
46. Okladnikov A.P., Brodyanskiy D.L. The Far Eastern center of ancient farming. *Sovetskaya etnografiya*, 1969, no. 2, pp. 3–14. (In Russ.)
47. Okladnikov A.P. The Neolithic in Siberia and the Far East. *Kamennyi vek na territorii SSSR*. Moscow, 1970, pp. 172–193. (In Russ.)
48. Okladnikov A.P., Vasil'evskiy R.S., Derevyanko A.P. Archeological studies on Lake Osinivoe (excavations of 1965). *Materialy polevykh issledovaniy Dal'nevostochnoy arkheologicheskoy ekspeditsii*. Novosibirsk, 1971, pt. 2, pp. 323–392. (In Russ.)
49. Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. The Osinoozerskaya Culture on the middle Amur River. *Materialy po istorii Dal'nego Vostoka (istoriya, arkheologiya, etnografiya, filologiya)*. Vladivostok, 1973b, vol. 9, pp. 33–42. (In Russ.)
50. Derevyanko E.I. Ancient dwellings of the Amur Region. Novosibirsk, Nauka, 1991, 158 p. (In Russ.)
51. Martynov A.S. USSR archeology: a manual. Moscow, Vyssh. shk., 1973, 296 p. (In Russ.)
52. History of the USSR Far East (from primitive society to present time). Vol. 1, bk. 1. Vladivostok, 1974, 166 p. (In Russ.)
53. Krushanov A.I. (ed.) History of the USSR Far East from ancient times to the XVII century. Moscow, Nauka, 1989, 375 p. (In Russ.)
54. Oshibkina S.V. (ed.) Archeology. The Neolithic in Northern Eurasia. Moscow, Nauka, 1996, 379 p. (In Russ.)
55. Martynov A.S. Archeology: a textbook. Moscow, Vyssh. shk., 2000, 439 p. (In Russ.)

Статья поступила
в редакцию 30.01.2020
Статья принята
к публикации 12.02.2020

DOI: 10.15372/HSS20200102
УДК 902(571.66)

И.Ю. ПОНКРАТОВА

РАННИЙ НЕОЛИТ ПОЛУОСТРОВА КАМЧАТКА

Северо-Восточный государственный университет
РФ, 685000, г. Магадан, ул. Портовая, 13

Исследование памятников раннего неолита Камчатки позволило предложить хронологию и набор критериев для выделения этого периода. Данные стали доступны благодаря материалам изученного культурного слоя, жилищ и отдельных артефактов 30 археологических объектов Камчатки. Установлено, что ранний неолит Камчатки датируется временем от 7800 до 4500 л. н. Предполагается, что увеличение количества стоянок и, как следствие, рост населения на полуострове в это время связаны с потеплением климата около 7400–5000 л.н. и уменьшением вулканической активности. Похолодание около 5 тыс. л.н., последствия катастрофических извержений вулканов могли оказывать влияние на миграции населения.

Ключевые слова: Камчатка, ранний неолит, орудия на пластинах, шлифованные орудия, керамика, плетение, мелкая пластика.

I.YU. PONKRATOVA

EARLY NEOLITHIC OF KAMCHATKA PENINSULA

North-Eastern State University
13 Portovaya str., Magadan, 685000, Russian Federation

30 archaeological sites and locations had been discovered in the continental and coastal regions of Kamchatka by the beginning of the XXI century, for which seventeen ¹⁴C dates were obtained. Using stratigraphic, tephrochronological, radiocarbon analysis data and radiocarbon dates calibration, the chronological frameworks of the period were determined as 7800–4500 years ago. The period criteria were identified based on the materials of the most studied sites of Ushki I, II, V, Avacha I and others, as well as findings of artifacts. The author revealed that the Early Neolithic objects were located at the river banks, lake or sea coasts, ridge spurs. There were typical sites with rounded dwellings settled during the short- and long-term periods; burials, sites-workshops and utility pits. The strategy of the society life support was aimed at hunting, fishing and gathering during the period. The stone industry was based on the primary splitting technique based on the reduction of conical and prismatic cores. The dominant products of splitting are small and medium-sized blades, which used to make the tips of throwing tools, knives, cutters, and scrapers. Bifacial tools are represented by leaf-shaped knives, arrowheads with rhombic, triangular sections. The combination of blade and bifacial technologies can be a marker of the technique of making stone tools for Early Neolithic of Kamchatka. Chopping tools (adzes, axes with an intercept butt) are various in size, shape, and design methods. Products with fully polished sides (axes, adzes) indicate a well-developed grinding technique. Obsidian, flint, basalt, sandstone, quartzite, and jasper were the raw material base for making stone tools. Ceramics and weaving were the most important innovations of this period. Small plastic items, as an individual type of finds, illustrate the spiritual and everyday culture of society and can be characteristic features of the Early Neolithic of Kamchatka. Materials of the Early Neolithic of Kamchatka correlate with archaeological complexes of the Mesolithic – Middle Neolithic of Yakutia and Chukotka, the Middle Neolithic of Primorye, the Early Neolithic of the Middle and Lower Amur, and Sakhalin Island.

Key words: Kamchatka, early Neolithic, tools on blades, grinded tools, ceramics, weaving, small sculptures.

ВВЕДЕНИЕ

Период раннего неолита на Камчатке выделен в XX в. на основе исследования культурного слоя IV многослойных стоянок Ушки, в котором были обнаружены «следы охотничье-рыболовецкой культуры» без

керамики, с призматическими, коническими нуклеусами и орудиями на пластинах [1, с. 106–113]. Обобщение и введение в научный оборот ранненеолитических археологических комплексов Камчатки, базирующихся на технологии расщепления призматических и ко-

Ирина Юрьевна Понкратова – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник научного отдела, доцент, Северо-Восточный государственный университет, e-mail: ponkratova1@yandex.ru. <https://orcid.org/0000-0003-3410-3430>.

Irina Yu. Ponkratova – Candidate of Historical Science, Leading Researcher, Docent of the Scientific Department, North-Eastern State University.

нических нуклеусов, выполнено А.К. Пономаренко [2, с. 29–45]. Новые исследования археологических стоянок Ушки и памятников с раннеолитическими комплексами (см., напр.: [3; 4]) делают актуальным уточнение хронологии и особенностей эпохи раннего неолита полуострова.

К настоящему времени на Камчатке известно 30 стоянок и местонахождений, инвентарь которых содержит признаки раннеолитических традиций расщепления и обработки камня, изготовления керамики и плетеных изделий (рис. 1). Опорными памятниками считаются наиболее изученные стоянки Ушки I, II, V (культурный слой IV) [1; 5] и Авача I [2, с. 29–38]. Дополнительно стало возможным использовать материалы раскопок 2004–2011 гг. стоянки Ушки V (см. напр. [3]), памятников Северо-Восточной Камчатки (см., напр.: [4; 6]), а также публикации (см., напр.: [1; 2; 5; 7; 8] и др.). Привлечена информация о стоянках, датированных радиоуглеродным (таблица) и тифрохнологическим методами, а также сведения об отдельных артефактах, найденных на берегах рек, в предгорье и в острогах Срединного хребта [2, с. 29–45, рис. 17] (рис. 1).

Самые ранние даты, маркирующие эпоху раннего неолита, зафиксированы по углю из культурного слоя стоянок Пымта I – ^{14}C 6730±150 л.н. [8, с. 275–276], Авача I (слой III) – ^{14}C 6180±50 л.н. (ГИН-8144а) [2, с. 31] и Ушки V (слой IV) – ^{14}C 5725±90 л.н. (BINP NSU-1399), в комплексах которых обнаружены конические и призматические нуклеусы, а также шлифованные каменные орудия и керамика. Нижняя граница зафиксирована по дате ^{14}C 4030±35 л.н. (NOSAMS-79026),

полученной по углю на стоянке Култук IV. Таким образом, хронологические рамки раннего неолита Камчатки датируются 7800–4500 л.н. (даты календарные, с учетом калибровки).

ПАЛЕОКЛИМАТ И ПРИРОДНАЯ СРЕДА

Время между ~7400 и 5000 л.н. считается самым теплым в голоцене Камчатки. Это влажный период, сопровождавшийся максимальным распространением березовых лесов, высокой биологической продуктивностью озерных экосистем [9, с. 35]. Уменьшилось количество кустарников, практически исчезли хвощ и папоротники. В водно-болотных сообществах стали преобладать бурые мхи и болотная лапчатка [10, с. 20]. Около 5 тыс. л.н. произошла глобальная перестройка климатической системы – длительный период мягкого климата океанического типа был прерван похолоданием неогляциала [9, с. 35]. Наиболее примечательным в это время является первое появление лабазника камчатского [10, с. 20], который и в современной растительности полуострова является основным. Около 4700 и 4500 л.н. на Северо-Восточной Камчатке происходят извержения вулкана Шивелуч, которые сопровождались пожаром и выпадением пеплов, что, возможно, повлекло уменьшение доли березовых лесов около 4400 л.н. [10, с. 20]. Всего же в среднем голоцене на Камчатке было около 14 вулканических катастрофических извержений. Это значительно меньше, чем в плейстоцене – начале голоцена.

Крупнейшими в это время считаются извержения таких вулканов, как Шивелуч (4700, 4800, 5600,

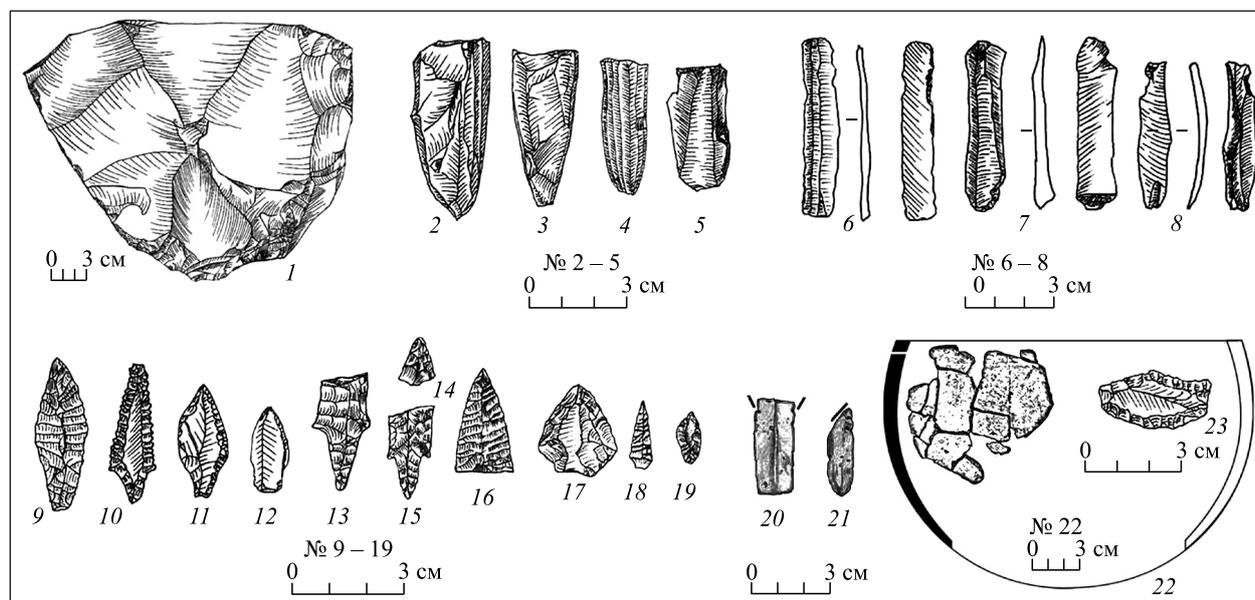

Рис. 1. Артефакты культурного слоя IV стоянки Ушки V из раскопок автора: 1–5 – нуклеусы; 6–8 – пластины со следами утилизации; 9–19 – наконечники и их фрагменты; 20–21 – резцы; 22 – керамика; 23 – фигурка рыбы.

Fig. 1. Artifacts of the cultural layer IV of the Ushki V site from the excavations of the author: 1–5 – cores; 6–8 – blades with traces of utilization; 9–19 – points and their fragments; 20–21 – incisors; 22 – ceramics; 23 – fish figure.

**Радиоуглеродные даты памятников раннего неолита полуострова Камчатка.
[Radiocarbon dates of Early Neolithic sites of Kamchatka Peninsula]**

	Археологические объекты Archaeological sites	Индекс и номер ¹⁴ C даты Index and number ¹⁴ C date	¹⁴ C дата, л.н. ¹⁴ C date, BP	Калиброванная дата, гг. ±2σ Calibrated date, in years. ± 2σ
1	Ушки I, слой IV	МАГ-132	4200 ± 100	4971 – 4498
2	Ушки V, слой IV	BINP NSU-1400*	4055 ± 75	4828 – 4406
3		BINP NSU-1398*	4382 ± 79	5090 – 4836
4		BINP NSU-1399*	5725 ± 90	6679 – 6315
5	Авача I	ГИН-8144а	6180 ± 50	7179 – 6948
6	Авача VII, слой III	МАГ-306	5200 ± 100	6211 – 5713
7	Извилистая, слой II	NOSAMS-79254	5060 ± 30	5903 – 5738
8	Столбовая I	NOSAMS-85970	5530 ± 30	6356 – 6285
9		NOSAMS-85973	5260 ± 65	6205 – 5910
10	Кулгук II, слой II	NOSAMS-79023	4120 ± 30	4713 – 4528
11	Кулгук III, слой II	NOSAMS-79024	4120 ± 30	4713 – 4528
12	Кулгук IV, слой II	NOSAMS-79026	4030 ± 35	4581 – 4419
13		NOSAMS-79025	4180 ± 35	4767 – 4610
14		NOSAMS-85974	5350 ± 35	6215 – 6092
15		МАГ-317	4210 ± 135	5070 – 4413
16	Лопатка III	МАГ-312	4380 ± 70	5082 – 4837
17	Плотникова II	Нет данных	4190 ± 110	4975 – 4422
18	Пымта I	Нет данных	6730 ± 150	7867 – 7412

Примечание: *Данные получены с использованием УНУ «УМС ИЯФ СОРАН» Института ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН. Составлено по: [1; 2; 4; 6; 8].

[The data were obtained using the USI «AMS INPSBRAS» of Budker Institute of Nuclear Physics of the Siberian Branch of the RAS. Compiled by: [1, 2, 4, 6, 8].]

6850 л.н.), Хангар (6900 л.н.), Ксудач (6000, 6350 л.н.), Авачинский (4500, 5500, 6500, 7150 л.н.) и др. [11, 225].

**ПАМЯТНИКИ РАННЕГО НЕОЛИТА
ПОЛУОСТРОВА КАМЧАТКА**

По сравнению с предыдущим периодом [12] количество обнаруженных археологических памятников увеличивается. Исследование стоянок Ушки I, II, V (см. напр. [1, 3, 5]) и Авача I [2, с. 29–38] позволяет реконструировать особенности эпохи.

Многослойные стоянки Ушки (рис. 1, 1–3) расположены на южном берегу Большого Ушковского озера в центральной части Камчатки. На стоянках Ушки I, II, V в культурном слое IV на глубине от 1,3–1,5 м в покровных образованиях, датируемых средним голоценом, между пеплами вулканов Ксудач (извержение 6000 л.н.) и вулкана Шивелуч (извержение 2550 л.н.) обнаружены находки раннеолитического облика.

На стоянке Ушки I зафиксированы две ямы с плоским дном диаметром 1×1 м и 0,5×0,5 м, глубиной 0,4 и 0,3 м; а также пятно охры овальной формы (1,3×0,7 м) со следами костной массы (возможно, остатки погребения). В них найдены обсидиановые ножевидные пластинки, в том числе в пазу постоянного стержня [5, с. 60–61]. По углю получена дата ¹⁴C 4200 ± 100 л.н. (МАГ-132) [5, с. 242].

На стоянке Ушки II обнаружено предположительно жилище площадью около 60 м² с очагом размером 60 см в диаметре, вокруг которого находились в большом количестве кальцинированные кости, а также мельчайшие каменные отщепы – свидетельство активной производственной деятельности. Найдены призматические, конусовидные, карандашевидные нуклеусы, ножевидные пластины из обсидиана разных размеров с обработкой и без нее, листовидный нож-бифас, двусторонне ретушированные продолговатые наконечники стрел, металлические наконечники с черешком на пластинах, ромбические в поперечном сечении наконечники с выделенным треугольным черешком и обработанные косой ретушью, скребки на широких пластинах, обработанные со всех сторон краевой ретушью, и концевые скребки на отщепах, срединные и боковые резцы на пластинах¹.

На стоянке Ушки V прослежены два составляющих раннеолитический слой горизонта. Выявлены три ямы, в которых обнаружено 4437 находок, в том числе органика – кости животных, орехи кедрового стланика. Каменную индустрию можно разделить на категории: нуклеусы и продукты первичного расщепления; орудийный набор; амулеты. Первичная стадия расщепления представлена призматическими, коническими нуклеусами, крупными пластинами,

¹ Архив Института археологии РАН. Ф.1. Р.1. Оп.1. кн. 12. Д. 6324. Л. 25.

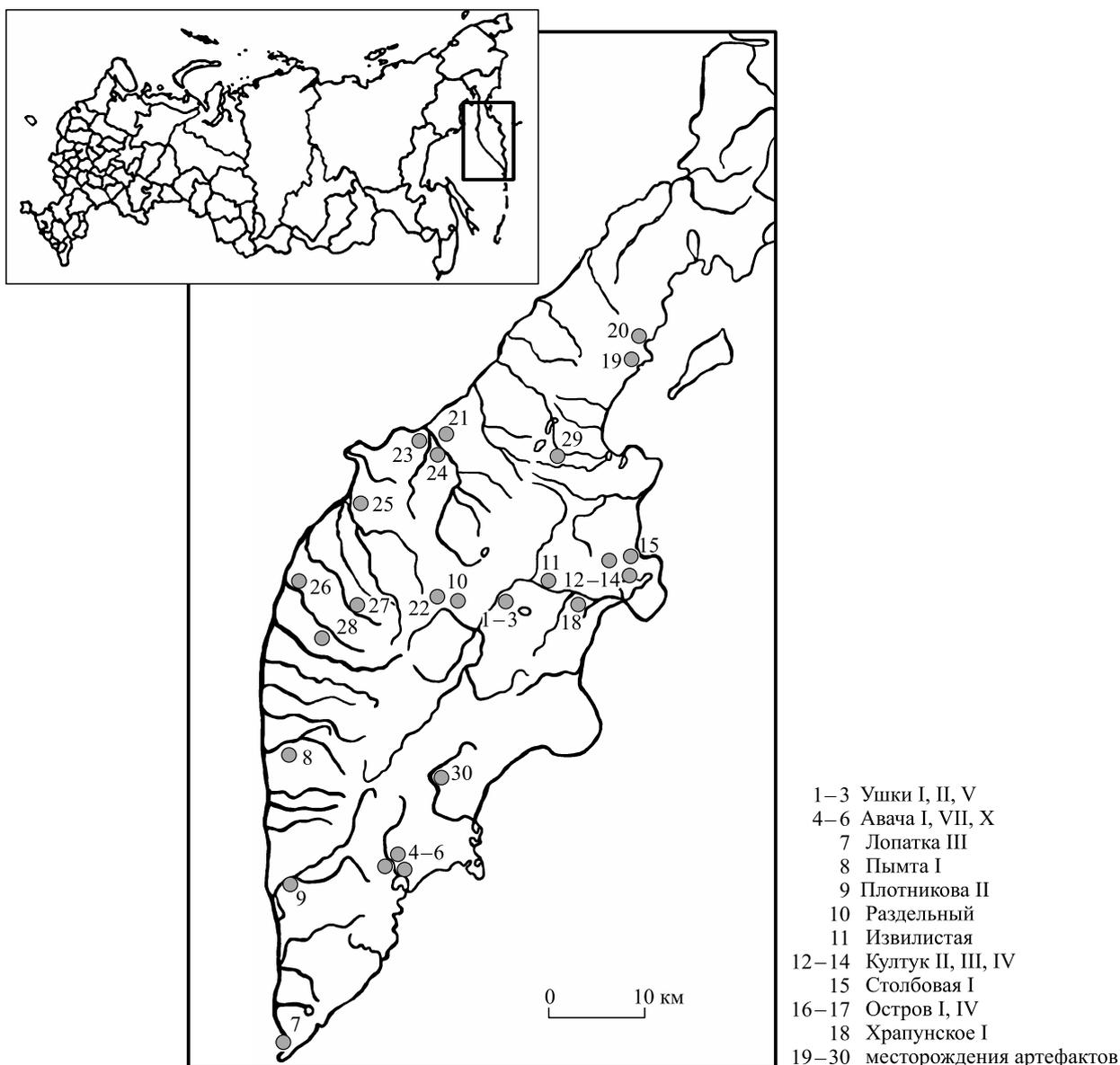

Рис. 2. Карта расположения памятников раннего неолита на полуострове Камчатка. По: [1–8].

Fig. 2. Map of the Early Neolithic Sites on the Kamchatka Peninsula. By: [1–8].

пластинками и их фрагментами. В единичном экземпляре имеется многофронтальный многоплощадочный обсидиановый нуклеус (рис. 2, 1). Разновидности сработанных призматических ядрищ представлены одноплощадочными коническими нуклеусами (рис. 2, 2–5). Пластины, пластинки и микропластины (более 3 тыс. экз.) с треугольным или трапециевидным сечением; отщепы – различной конфигурации (включая пластинчатые) (свыше 500 экз.) (рис. 2, 6–8). Размеры нуклеусов различны – от $24 \times 20 \times 7$ см (вес 4 кг) до $1 \times 0,5 \times 0,3$ см. Их количество, размерный ряд, обилие продуктов первичного расщепления – многочисленных пластинок и отщепов позволяют предположить, что здесь находилась рабочая площадка.

Пластины, крупные и средние, преобладают количественно над микропластинками. Особый интерес представляет серия пластин с выемками, сделанными преднамеренно. Возможно, это ножи для разделки рыбы. Проведенный эксперимент показал, что выемка могла предназначаться для вспарывания брюшка и удаления внутренностей у рыбы.

Наконечники стрел или дротиков на пластинах представлены бифасами – полностью ретушированными, ромбического сечения, с черешком, и пластинами ромбического сечения листовидной формы, с черешком, ретушированные частично по краям (рис. 2, 9–19). Изготовлены наконечники преимущественно из обсидиана черного цвета.

Резцы – срединные, плоские, боковые на пластинах (рис. 2, 20–21).

Скребловидные орудия из обсидиана и базальта обработаны с одной стороны грубыми сколами, без признаков шлифовки.

Найдены фрагменты керамического сосуда с шаровидными стенками, слегка отогнутым наружу венчиком, под которым располагался ряд сквозных отверстий (рис. 2, 22). В формовочной массе присутствуют минеральные примеси искусственного происхождения (дробленый обсидиан); сосуд формовался на специально подготовленной основе; обработка поверхности внешних стенок проводилась путем обмазки и «прокатыванием шнуром»; обжиг – костровый. В результате липидного анализа установлено, что в сосуде находилась рыба (вероятно, лососевых пород) и, возможно, растения. Биомаркеры для нагрева водных масел отсутствуют. Данный факт позволяет предположить, что сосуд использовался в качестве емкости для хранения или приготовления рыбы квашением, что находит аналогии в этнографических описаниях народов Камчатки в XVIII в. [13].

Найдены ретушированная фигурка рыбы на пластинчатом отщепе (рис. 2, 23) и две фигурки рыбок на отщепках, оформленные несколькими сколами (2 экз.).

По собранному около фрагментов керамики углю получены даты – ^{14}C 4055±75 л.н. (BINP NSU-1400), ^{14}C 4382±79 л.н. (BINP NSU-1398), ^{14}C 5725±90 л.н. (BINP NSU-1399), что позволяет датировать слой 6679–4406 л.н.

Стоянка Авача I (рис. 1, 4) расположена в Елизовском районе на юге полуострова Камчатка на полого-наклонной надпойменной террасе 60 м р. Авача. Памятник исследовался и подробно описан А.К. Пономаренко, обнаружившим культурный слой под пеплом вулкана Ксудач (извержение 6007±38 л.н.). Каменная индустрия включает нуклеусы (призматические одно- и двуплощадочные) и продукты первичного расщепления (ножевидные пластины), орудийный набор (орудия на пластинах с ретушью, наконечники стрел и дротиков с треугольным поперечным сечением и черешком; тесла и топор с широким обушком и «шейкой-перехватом», листовидные бифасы, боковые скребки на краевых сколах). Сырьевая база – обсидиан, базальт. Дата стоянки по углю – ^{14}C 6180±50 л.н. (НИН-8144а) [2, с. 29–38].

Другие памятники раннего неолита обнаружены: на юге полуострова – Авача VII, Авача IX, Лопатка III, Пымта I, Плотникова II; в центральной части – Раздельный; на северо-востоке – стоянки Извилистая, на озерах Храпунское и Култук, в бухте Столбовая.

Трехслойная стоянка Авача VII (или Авача) (рис. 1, 5) открыта в 1971 г. Н.Н. Диковым. Раскопки проводились в 1975 и 1977 гг. Т.М. Диковой, которой в культурном слое III были найдены скребки, топоры, наконечники, ножи, отбойники, резцы, резчики и проколки, фрагмент плетения из растительных волокон и пр. Получена дата по углю ^{14}C 5200±100 л.н. (МАГ-306) [7, с. 119, 123, 166].

Стоянка Авача IX (рис. 1, 6) расположена на правом берегу р. Авача в 11 км от стоянки Авача I вверх по течению на 11-метровой флювиогляциальной террасе. Находки обнаружены ниже пепла вулкана Ксудач (извержение по данным ^{14}C 6007±38 л.н.) в темно-серой гумусированной с многочисленными угольками супе-си. Коллекция находок сопоставима с комплексом стоянки Авача I [14, с. 273].

Стоянка Лопатка III (рис. 1, 7) расположена на мысе Лопатка на 12-метровой интенсивно развеваемой дюне. Находки – отбойники, отщепы, каменные плиты, асимметричный миниатюрный черешковый наконечник стрелы из обсидиана, ножи и их заготовки, резчики, проколки. Даты стоянки – ^{14}C 4380±70 л.н. (МАГ-312), ^{14}C 4210±135 л.н. (МАГ-317) [7, с. 30–36, 166].

Стоянка Пымта I (рис. 1, 8) расположена на второй надпойменной террасе р. Пымта в Соболевском районе. В шурфе найдены обсидиановые ножевидные пластинки, сколы. Получена дата по углю ^{14}C 6730±150 л.н. [8, с. 275].

Двуслойная стоянка Плотникова II (слой II) (рис. 1, 9) расположена на левом берегу р. Плотникова в приустьевой части ручья. В основании шурфа обнаружен квадратный очаг. Находки – обсидиановый нуклеус и отщепы, кальцинированная фаланга конечности человека. Дата по углю – ^{14}C 4190±110 л.н. [8, с. 276].

Стоянка Раздельный (рис. 1, 10) найдена на левом берегу руч. Раздельный выше устья р. Анагай в Быстринском районе. В раскопе площадью 8 м² обнаружены «ножевидные пластины, микропластинки, нуклевидные изделия, бифас и два микроконических нуклеуса. Сырье – окремненная порода коричневатосерого цвета с точечными включениями светло-серого цвета, обсидиан черного цвета» [15, с. 61].

Двухслойная стоянка Извилистая (рис. 1, 11) расположена в 16 км от пос. Усть-Камчатск на вершине холма в бассейне р. Извилистая. Открыта геологом Т.К. Пинегиной. В слое II обнаружены отщепы, орудия на пластинах и их фрагменты, микропластинка, сколы, фрагменты кости и раковины. Сырьевая база – халцедон, кремь, обсидиан. Дата определена по углю из нижнего слоя ^{14}C 5060±30 л.н. (NOSAMS-79254) [4, с. 231].

На озере Култук в Усть-Камчатском районе археологические памятники открыты А.К. Пономаренко в конце XX в. [2, с. 12]. В 2009 г. было протестировано шесть стоянок, расположенных на первой морской террасе высотой 0,5–3 м. Зафиксированы разновременные жилищные котлованы. Для стоянок Култук II, III, IV (рис. 1, 12–14) получены даты, свидетельствующие о заселении территории в раннем неолите [4, с. 231].

Стоянка Култук II расположена на высокой чашевидной террасе; состоит из 12 западин, рядом с одной из них в шурфе получена дата – ^{14}C 4120±30 л.н. (NOSAMS-79023).

Стоянка Култук III состоит из 11 котлованов разновременных жилищ. В шурфе рядом с одним из котлованов на глубине 45–60 см обнаружено тесло из

окремнелого туфа серого цвета. Получена дата по углю – ^{14}C 4120±30 л.н. (NOSAMS-79024).

Стоянка Култук IV состоит из 19 неглубоких, размерами от 5×5 до 8×8 м жилищных котлованов, расположенных на высокой террасе с видом на озеро. Георадарные исследования и тестирование шурфов выявили культурные слои вне западин над и под пеплом вулкана Шивелуч (извержение 4100 л.н.). Получены даты: ^{14}C 4180±35 л.н. (NOSAMS-79025), ^{14}C 4030±35 (NOSAMS-79026) л.н., ^{14}C 5350±35 л.н. (NOSAMS-85974).

На северо-западе полуострова А.К. Пономаренко был открыт ряд археологических памятников [2, с. 18]. В 2010 г. исследование территории было продолжено. В бухте Столбовая выявлено 15 стоянок на 15–20-метровых водно-ледниковых террасах. Двенадцать стоянок, состоявших из 3–20 жилищ, располагались на верхней террасе, где культурные слои идентифицированы между пеплами вулкана Шивелуч (извержение 3500 л.н.) и Ксудач (извержение 1800 л.н.).

На стоянке Столбовая I (рис. 1, 15) по углю из слоя получены даты – ^{14}C 5530±30 л.н. (NOSAMS-85970), ^{14}C 5260 ± 65 л.н. (NOSAMS-85973) Обнаружены три жилищные западины, рядом с одной из них под пеплом вулкана Шивелуч (извержение 4100 л.н.) найдены свидетельства жизнедеятельности человека: бифасиальные наконечники стрел, ножи, скребки, отбойники, тесла, ретушер, фрагменты костей животных, сколы и отщепы [4, с. 233].

К западу от бухты Столбовой выявлены местонахождения – Остров I и Остров IV (рис. 1, 16–17). В культурных слоях ниже пепла вулкана Шивелуч (извержение 4800 л.н.) найдены изделия раннеолитического облика [4, с. 231].

На территории оз. Храпунске, в 20 км от пос. Усть-Камчатск, обнаружено 12 стоянок, большинство из которых содержат глубокие жилищные западины и датируются в рамках от 3000 до 500 л.н. [4, с. 234]. Раннеолитический культурный слой зафиксирован в шурфе под пеплом вулкана Шивелуч (извержение 4800 л.н.) на стоянке Храпунское I (рис. 1, 18) Обнаружены фрагменты конструкции сгоревшего жилища – остатки столбов, перекрытий крыши, плетеной циновки на полу жилища, фрагменты костей мелких птиц и млекопитающих. В составе инвентаря галечные ударные орудия из базальта, миниатюрные черешковые наконечники на пластинах из кремня, ретушированный черешковый трехгранный наконечник из обсидиана, фрагменты наконечников на пластинах из обсидиана, кремня, халцедона; угловые резцы на отщепках, скребки бифасиальные, ножи ретушированные и на отщепках, комбинированные орудия, пластины со следами утилизации, шлифованное тесло.

Возле населенных пунктов Оссора, Тымлат, Тигиль, Анавгай, на мысе Андреевском, в долинах рек Кульки, Ковран, Кисун, 2-я Белоголовая, Озерная, Левая Озерная, на высокогорном плато к северо-западу от вулкана Зубчатка (рис. 1, 19–30) в разные годы были найдены артефакты раннеолитического облика (приз-

матические и конусовидные нуклеусы, ножевидные пластины, орудия на пластинах и пр.) [2, с. 30, 199–201].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Памятники раннего неолита обнаружены на всей территории полуострова Камчатка как в континентальных районах, так и на побережье. Стоянки расположены на берегах рек, озер, морей, в отрогах хребтов. Выявлены стоянки двух типов: с небольшим количеством округлых жилищ с одним краткосрочным периодом заселения, малым количеством каменного инвентаря, обгоревшими костями птиц и млекопитающих в очагах без обкладки; с долговременными жилищами округлой формы с деревянными конструкциями, разнообразным каменным инвентарем, расположенными вблизи крупных водоемов – рек и озер. Зафиксированы захоронения, площадки-мастерские и хозяйственные ямы.

В период раннего неолита на полуострове увеличилось количество стоянок, что, возможно, связано с потеплением около 7400–5000 л.н., уменьшением вулканических катастрофических извержений по сравнению с предыдущим периодом. Но вместе с тем прерывание около 5000 л.н. периода мягкого климата похолоданием неогляциала и последствия катастрофических извержений вулканов Хангар (6900 л.н.), Ксудач (6000 л.н., 6350 л.н.), Авачинский (4500 л.н.) и других могли оказать влияние на перемещение населения в прибрежные районы полуострова или за его пределы.

В основе каменной индустрии раннего неолита Камчатки лежит техника первичного расщепления, базирующаяся на редукции конического и призматического нуклеусов. Доминирующий продукт расщепления – малые и средние пластины, из которых изготавливались наконечники метательных орудий, ножи, резцы, скребки. Бифасиальные орудия представлены листовидными ножами, наконечниками стрел с ромбическим и треугольным сечением. Сочетание пластинчатых и бифасиальных технологий может быть маркером техники изготовления каменных орудий для этой эпохи на полуострове. Разнообразием размеров, форм и способов оформления отличаются рубящие орудия (тесла, топоры с обушком-перехватом). Изделия с полностью шлифованной поверхностью (топоры, тесла) свидетельствуют о развитой технике шлифовки. В качестве сырья для изготовления каменных орудий использовались обсидиан, кремль, базальт, песчаник, кварцит, яшма.

Наличие в культурных слоях органических остатков (кости животных, орехи кедрового стланика), а также состав археологического инвентаря и особенности размещения стоянок на берегах водоемов свидетельствует о стратегии жизнеобеспечения общества, направленной на развитие охоты, рыболовства и собирательства.

Важнейшей инновацией этого периода является наличие керамики, которая обнаружена на стоянке Ушки V. Сегодня это древнейший памятник с керами-

кой возрастом от 6679 до 4406 л.н. не только на Камчатке, но и на всей территории севера Дальнего Востока России. При расширении территории исследований на полуострове не исключено открытие новых стоянок с керамикой в раннем неолите.

Другим признаком раннего неолита Камчатки можно считать технику плетения – остатки плетеных из травяных волокон изделий обнаружены на двух стоянках – Авача VII и Храпунское I. Не исключено, что навыки плетения были известны и ранее. Первое свидетельство появления плетеных изделий на Камчатке – находка обгоревшей циновки, плетеной из волокон крапивы, на бортике жилища культурного слоя VI стоянки Ушки I² датировано временем около 12200 – 10100 л.н. В более позднее время фрагменты плетения встречаются часто на археологических памятниках Камчатки (см., напр.: [2, с.133–137]). Известно, что для плетения циновки и других изделий в древности народами полуострова использовались осока, крапива, колосняк, которые специально заготавливались и обрабатывались [13].

В сфере духовной культуры выявлены признаки обрядовой деятельности (погребение на стоянке Ушки I) и искусства (мелкая пластика на стоянке Ушки V). Находки фигурок рыбок могли быть связаны с обрядами, посвященными «рыбьему богу» Хантаю, такие опасения встречаются в более позднее время в этнографических работах [13]. Мелкая пластика также является одним из характерных признаков раннего неолита Камчатки.

На северо-западе от Камчатки в Якутии материалы раннего неолита находят аналогии и в археологических комплексах мезолитической сумнагинской культуры (IX–V тыс. до н.э.), на ранних этапах ранне-неолитической сылахалской культуры и белькачинского комплекса среднего неолита [16], что, вероятно, свидетельствует не только о возможных миграциях между территориями в древности, но и о сохранении традиционного уклада жизни на Севере.

На Чукотке аналогии прослеживаются от раннего неолита до палеометалла – комплексе Тытыль I, пункт 6 с призматическими нуклеусами, орудиями на пластинах и отщепках, керамикой [17, с.14, 143].

Некоторые элементы сходства находим в ранне-неолитических комплексах с орудиями на пластинах и отщепках, а также керамикой громатухинской культуры среднего Амура [18, с. 10–11], в комплексах мариинской культуры нижнего Амура [19], средне-неолитической веткинской культуры в Приморье [20], ранне-неолитических стоянок Славная-5, Пугачево-1, пункт 3, Стародубское-3, поселения Славная-4 и других на о. Сахалин [21; 22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На данном этапе исследований предложенная модель раннего неолита Камчатки может быть взята за

² Архив Института археологии РАН. Ф.1. Р.1. Оп.1. кн. 9. Д. 4795. Л. 38.

основу. В будущем при расширении площадей раскопок и накоплении новой информации представленные хронология и критерии могут быть уточнены.

Автор искренне благодарен докторам геолого-минералогических наук М.М. Певзнер (Геологический институт РАН), В.В. Пономаревой (Институт вулканологии и сейсмологии ДВО РАН) и И.В. Мелекесцеву (Институт вулканологии и сейсмологии ДВО РАН), Дж. Бурджуа (Университет Вашингтона, США) за помощь в определении тефры, а также Е.В. Пархомчук, В.В. Пархомчуку, С.А. Растигееву (Институт ядерной физики имени Г.И. Будкера СО РАН) за помощь в получении радиоуглеродных дат; П. Джордану (Арктический центр Университета Гронингена, Нидерланды) за помощь в проведении липидного анализа керамики, Е.Ю. Гире (Институт истории материальной культуры РАН) за консультации при определении функционального назначения артефактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1979. 352 с.
2. Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Оператив. тип., 2000. 312 с.
3. Понкратова И.Ю. Ранний неолит Камчатки (по результатам исследования стоянки Ушки V, Усть-Камчатский район, п-ов Камчатка) // Археология CIRCUM-PACIFIC: Памяти И.Я. Шевкомуда. Владивосток: Тихоокеан. изд-во «Рубеж», 2017. С. 143–162.
4. Понкратова И.Ю. Археологические исследования на северо-восточном побережье полуострова Камчатки в 2009–2011 годах // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. СПб.: Изд-во «Росток», 2018. С. 229–236.
5. Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1977. 391 с.
6. Pendea I.F., Harmsen H., Keeler D., Zubrow E.B., Korosec G., Ruhl E., Ponkratova I., Hulse E. Prehistoric human responses to volcanic tephra fall events in the Ust-Kamchatsk region, Kamchatka Peninsula (Kamchatsky Krai, Russian Federation) during the middle to late Holocene (6000–500 cal BP) // Quaternary International, 2015. Vol. 394. P. 51–68.
7. Дикова Т.М. Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.: Наука, 1983. 232 с.
8. Гусев С.В., Барышев И.Б., Макаров И.В. Исследования Берингской экспедиции на Камчатке // Археологические открытия 2009 года. М., 2013. С. 275–276.
9. Дирксен В.Г. Эволюция климата и природной среды Камчатки в голоцене по данным изучения озерных отложений // Материалы XX региональной научной конференции «Вулканизм и связанные с ним процессы», посвященной Дню вулканолога, 30–31 марта 2017 г. Петропавловск-Камчатский: ИВиС ДВО РАН, 2017. С. 34–37.
10. Pendea I.F., Ponomareva V., Bourgeois J., Zubrow E.B., Portnyagin M., Ponkratova I., Harmsen H., Korosec G. Late Glacial to Holocene paleoenvironmental change on the northwestern Pacific seaboard, Kamchatka Peninsula (Russia) // Quaternary Science Reviews 157, 2017. P. 14–28.
11. Пономарева В.В., Мелекесцев И.В., Базанова Л.И., Биндеман И.Н., Леонов В.Л., Сулержицкий Л.Д. Вулканические катастрофы на Камчатке в среднем плейстоцене-голоцене // Экстремальные природные явления и катастрофы. М.: ИФЗ РАН. 2010. Т. 1. С. 219–238.
12. Понкратова И.Ю. Начальный неолит полуострова Камчатка (по данным исследования стоянки Ушки V) // Гуманитарные

исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2019. С. 13–20.

13. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1994. Т.1. 439 с.

14. Пономаренко А.К. Неолит Камчатки: периодизация и основные особенности эволюции древних культур // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Владивосток: Дальнаука, 2005. Гл. 4. С. 268–291.

15. Пташинский А.В. Новые микропластинчатые комплексы периода финального палеолита на Камчатке // Вестник Камчатской региональной ассоциации. Гуманитарные науки. 2012. №1. С. 48–68.

16. Алексеев А.Н., Дьяконов В.М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология и антропология Евразии. 2009. № 3. С. 26–40.

17. Кирьяк (Дикова) М.А. Каменный век Чукотки: новые материалы. Магадан: Кордис, 2005. 254 с.

18. Шевкомуд И.Я. Археологические комплексы финала плейстоцена – начала голоцена в Приамурье и проблема древнейшей керамики // Вестник Камчатской региональной ассоциации. Гуманитарные науки. 2005. №2. С. 3–18.

19. Медведев В.Е. Мариинская культура и ее место в неолите Дальнего Востока // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале, 2008. М.: ИА РАН, 2008. Т. 1. С. 244–248.

20. Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Морева О.Л. Веткинская археологическая культура среднего неолита в Приморье // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов: Грамота, 2017. № 12 (86), ч. 2. С. 30–37.

21. Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2008. 412 с.

22. Грищенко В.А. Ранний неолит острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сахалин. гос. ун-т, 2011. 184 с.

REFERENCES

1. Dikov N.N. The archaeological sites of Kamchatka, Chukotka and Upper Kolyma (Asia at the crossroads with America in antiquity). Moscow, 1979, 352 p. (In Russ.)

2. Ponomarenko A.K. The ancient culture of the Itelmens of Kamchatka. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2000, 312 p. (In Russ.)

3. Ponkratova I.Yu. Early Neolithic of Kamchatka (based on the study results of Ushki V site, Ust-Kamchatka district, Kamchatka Peninsula). *Arkheologiya CIRCUM-PACIFIC: pamyati I. Ya. Shevkomuda*. Vladivostok, 2017, pp. 143–162. (In Russ.)

4. Ponkratova I.Yu. Archaeological research on the north-eastern coast of the Kamchatka Peninsula in 2009–2011. *Vostok Azii: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'urnogo naslediya regiona*. Saint Petersburg, 2018, pp. 229–236. (In Russ.)

5. Pendea I.F., Harmsen H., Keeler D., Zubrow E.B., Korosec G., Ruhl E., Ponkratova I., Hulse E. Prehistoric human responses to volcanic tephra fall events in the Ust-Kamchatsk region, Kamchatka Peninsula (Kamchatsky Krai, Russian Federation) during the middle to late Holocene (6000–500 cal BP). *Quaternary International*, 2015, vol. 394, pp. 51–68.

6. Dikova T.M. The archaeology of South Kamchatka in relation to the problem of Ainu settling. Moscow, 1983, 232 p. (In Russ.)

7. Gusev S.V., Baryshev I.B., Makarov I.V. Bering expedition research in Kamchatka. *Arkheologicheskie otkrytiya 2009 goda*. Moscow, 2013, pp. 275–276. (In Russ.)

8. Dirksen V.G. Evolution of Kamchatka's climate and environment in the Holocene according to lake sediments study. *Vulkanizm i svyazannye s nim protsessy: materialy XX regional'noy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy Dnyu vulkanologa*. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2017, pp. 34–37. (In Russ.)

9. Pendea I.F., Ponomareva V., Bourgeois, J., Zubrow, E. B., Portnyagin M., Ponkratova I., Harmsen H., Korosec G. Late Glacial to Holocene paleoenvironmental change on the northwestern Pacific seaboard, Kamchatka Peninsula (Russia). *Quaternary Science Reviews*, 2017, vol. 157, pp. 14–28.

10. Ponomareva V.V., Melekestsev I.V., Bazanova L.I., Bindeman I.N., Leonov V.L., Sulerzhickiy L.D. Volcanic disasters in Kamchatka in the middle Pleistocene – Holocene. *Ekstremal'nye prirodnye yavleniya i katastrofy*. Moscow, 2010, vol. 1, pp. 219–238. (In Russ.)

11. Ponkratova I.Yu. The Early Neolithic of the Kamchatka Peninsula (according to Ushki V site study). *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2019, pp. 13–20. (In Russ.)

12. Krashennnikov S.P. The description of Kamchatka Land. Vol. 1. Petropavlovsk-Kamchatsky, 1994, 439 p. (In Russ.)

13. Ponomarenko A.K. The Neolith of Kamchatka: periodization and main features of the ancient cultures evolution. *Rossiyskiy Dal'niy Vostok v drevnosti i srednevekov'e*. Vladivostok, 2005, pp. 268–291. (In Russ.)

14. Ptashinskiy A.V. New microblade complexes of the final Paleolithic period in Kamchatka. *Vestnik Kamchatskoy regional'noy assotsiatsii. Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 1, pp. 48–68. (In Russ.)

15. Alekseev A.N., D'yakonov V.M. Radiocarbon chronology of Neolithic and Bronze Age cultures in Yakutia. *Arkheologiya i antropologiya Evrazii*, 2009, no. 3, pp. 26–40. (In Russ.)

16. Kir'yak (Dikova) M.A. Stone Age of Chukotka: new materials. Magadan, 2005, 254 p. (In Russ.)

17. Shevkomud I.Ya. Archaeological complexes of the Late Pleistocene – Early Holocene in the Amur region and the problem of ancient ceramics. *Vestnik Kamchatskoy regional'noy assotsiatsii. Gumanitarnye nauki*, 2005, no. 2, pp. 3–18. (In Russ.)

18. Medvedev V.E. Mariinsky culture and its place in the Neolithic of the Far East. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale*. Moscow, 2008, vol. 1, pp. 244–248. (In Russ.)

19. Batarshchev S.V., Dorofeeva N.A., Moreva O.L. Vetsinsk archaeological culture of the Middle Neolithic in Primorye. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 2017, no. 12, pt. 2, pp. 30–37. (In Russ.)

20. Vasilevskiy A.A. Stone Age of Sakhalin Island. Yuzhno-Sakhalinsk, 2008, 412 p. (In Russ.)

21. Grishchenko V.A. Early Neolithic of Sakhalin Island. Yuzhno-Sakhalinsk, 2011, 184 p. (In Russ.)

Статья поступила
в редакцию 14.01.2020
Статья принята
к публикации 07.02.2020

DOI: 10.15372/HSS20200103
УДК 903.53(519+520)

А.Л. НЕСТЕРКИНА, И.С. ГНЕЗДИЛОВА, Е.А. СОЛОВЬЕВА, А.И. СОЛОВЬЕВ

СЮЖЕТНО-ФИГУРНАЯ КЕРАМИКА В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА И ЯПОНСКИХ ОСТРОВОВ (III–VI вв.)

Институт археологии и этнографии СО РАН
РФ, 630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 90

На территории Корейского полуострова в период существования каяских царств и на территории Японских островов в период *кофун* получает распространение сюжетно-фигурная керамика, в Японии называемая *ханива*. Среди корейских находок последних лет преобладают фигуры, изображающие дома, лодки, водоплавающих птиц, а также найдена оригинальная фигура оленя. Аналогичные образы встречаются среди японских глиняных фигур *ханива*. Сюжетно-фигурная керамика обнаруживается преимущественно при исследовании курганов. Изображения домов связываются с вместилищем душ умерших, лодки выступают средством их транспортировки в мир мертвых, водоплавающие птицы сопровождают души умерших. Оригинальное изображение оленя, оглядывающегося назад, может быть связано с проникновением в представления населения Корейского полуострова и Японских островов материкового мифа об охотнике, преследующем оленя. Аналогии в формах и контексте позволяют сделать выводы о долговременных контактах между населением данных территорий.

Ключевые слова: Корейский полуостров, Японские острова, сюжетно-фигурная керамика, ханива, кофун, Кая, погребальный обряд, курган.

A.L. NESTERKINA, I.S. GNEZDILOVA, E.A. SOLOVYIEVA, A.I. SOLOVYEV

SUBJECT-FIGURATIVE CERAMICS IN BURIAL COMPLEXES OF KOREAN PENINSULA AND JAPANESE ISLANDS (III–VI)

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17, Pr. Akademika Lavrentieva, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

A significant amount of subject-figurative ceramics having analogues among haniwa has been recently discovered in the southern Korean Peninsula. The study objective is to consider specific forms of subject-figurative ceramics of the Korean Peninsula and Japanese Islands, to compare artistic, technological and functional features, to identify similar mythological basis. The similarity of the discovery context and functions of subject-figurative ceramics of Korea and Japan raises the question about the place of origin and local features of further development of such objects' manufacturing tradition. Comparison of figures and contexts revealed such common forms as houses, boats, waterfowl birds, and deer looking around. Studying mythological subjects and ancient literature made it possible to conclude that houses and boats are related to the existence and transportation of the dead people's souls to another world; waterfowl images in burial complexes is associated with their mission to accompany these souls. The penetration of the continental myth of an archer hunting a deer, which looks around, explains the appearance of this type of images. An argument in favor of this conclusion is finding the figure of the archer with a bow in combination with a deer. The image similarities, variants of manufacturing, the context of finding are not accidental. They show the presence of constant and prolonged contacts between the population of the Korean Peninsula

Анастасия Леонидовна Нестеркина – канд. ист. наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: a.l.subbotina@yandex.ru. <https://orcid.org/0000-0002-3703-1527>.

Ирина Сергеевна Гнездилова – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: gnezdilova06@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0003-3318-0848>.

Елена Анатольевна Соловьева – канд. ист. наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: easolovievy@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-3481-7292>.

Александр Иванович Соловьев – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: natarkus@mail.ru. <http://orcid.org/0000-0003-3891-8944>.

Anastasiya L. Nesterkina – Candidate of Historical Sciences, Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Irina S. Gnezdilova – Junior Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, e-mail: gnezdilova06@mail.ru.

Elena A. Solovyeva – Candidate of Historical Sciences, Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Alexandr I. Solovyev – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

and Japanese Islands. The distribution area of figures confirms the existing hypotheses about the routes of resident movements in these territories. Korean samples are vessels placed on supports; Japanese ones are connected with vessels by their origin; they could not be functionally used this way. The subject-figurative ceramics often encountered at the Japanese Islands is much more due to the availability of raw materials. The similarity of mythological representations characteristic of both territories with mythological subjects of the mainland population confirms the concept of trans-Eurasian migration.

Key words: Korean Peninsula, Japanese Islands, subject-figurative ceramics, haniwa, kofun, Gaya, funeral ritual, burial mound.

ВВЕДЕНИЕ

Сюжетно-фигурная керамика рассматриваемого периода представлена изделиями из глины, изготовленными по образу и подобию предметов и явлений из жизни людей эпохи раннего Средневековья (III–VI вв.). На территории Корейского полуострова такая керамика известна преимущественно в культуре каяских царств. Отдельные предметы встречаются также в материалах памятников царств Когурё и Силла. Наиболее представительную категорию сюжетно-фигурной керамики составляют предметы культуры Кая. Место обнаружения большей части изделий не установлено, однако в последнее время растет число их находок в погребальных комплексах, в том числе в курганных захоронениях. Это обстоятельство позволяет предположить, что традиция изготовления такой керамики связана с погребально-поминальной обрядностью.

На территории Японского архипелага к категории сюжетно-фигурной керамики относятся находки глиняных фигур *ханива*, которые представляют собой цилиндрические изделия различных типов. Прежде всего это антропо- и зооморфные предметы, а также фигуры, изображающие дома, лодки, мечи, щиты, колчаны, зонты. Местами обнаружения сюжетно-фигурной керамики являются главным образом погребальные комплексы периода *кофун* (III–VII вв. н.э.). На поселениях находки *ханива* связывают с существованием мастерских по производству данного типа изделий. Традиция создания и установки на насыпях погребальных комплексов цилиндрических *ханива* зародилась во второй половине III в. н.э., они устанавливались на вершинах и по периметру ступеней насыпей курганов. В первой половине IV в. н.э. появляются сюжетно-фигурные типы *ханива* в форме зонтов, домов, птиц, щитов, колчанов. Конец IV – V вв. н.э. связан с возникновением антропо- и зооморфных *ханива*, моделей лодок. С проникновением буддизма в начале VII в. и переходом к погребению по буддийскому обряду прекращается строительство курганов и изготовление *ханива*.

Сходство контекста обнаружения и функций сюжетно-фигурной керамики Кореи и Японии ставит вопрос о месте зарождения, локальных особенностях и дальнейшем развитии традиции изготовления подобных предметов. Рассмотрение конкретных форм сюжетно-фигурной керамики обеих территорий, сопоставление художественных, технологических и функциональных особенностей, выявление сходных мифологических основ позволит приблизиться к пониманию смысла данного явления.

Среди находок последних лет на территории Корейского полуострова выделяются две крупные группы сюжетно-фигурной керамики. Первую группу составляют изделия, изображающие предметы быта – жилища и лодки; вторую группу – предметы, изображающие животных – птиц, лошадей, оленей и др. Все виды находок имеют аналогии на территории Японских островов.

ФИГУРЫ-ДОМА

К настоящему времени на территории Кореи известно около 20 сосудов, изображающих жилища культуры Кая. За редким исключением, точное местонахождение данных предметов не известно. Их находят с равной частотой в ходе раскопок как поселений (Согдон в г. Чханвон, Понхвандон в г. Кимхэ), так и погребений (Тахори в окрестностях г. Чханвон, Марисан в уезде Хаман). Большинство глиняных изображений домов обнаружено в виде фрагментов, дающих весьма смутное представление о первоначальном облике изделий. Ценными материалами для изучения глиняных изображений жилищ являются их целые формы.

Впервые целое керамическое изображение жилища культуры Кая обнаружено в 2014 г. на поселении Согдон в черте г. Чханвон провинции Кёнсан-намдо (рисунок, 1). Оно имеет высоту 17,6 см и ширину 12 см. Жилище подквадратной формы с двускатной крышей, установленное на 9 столбах-сваях. Стены дома покрыты тонким линейным орнаментом. В передней стенке дома рельефно показан вход. На одном из скатов кровли имеется трубчатая горловина, через которую предположительно наливали жидкость. Над входом в жилище также в кровле выполнен носик-слив. Таким образом, данное изделие выполняло функцию сосуда. Его примерный объем составляет около 350 мл. Памятник Согдон, на котором обнаружен предмет, датируется IV–V вв. [1, с. 292].

В погребальном комплексе целое керамическое изображение жилища впервые найдено в 2019 г. в ходе раскопок кургана № 45 на могильнике Марисан в уезде Хаман пров. Кёнсан-намдо (рисунок, 2). Курган № 45 представляет собой сооружение с земляной насыпью диаметром 20 м, высотой 1,8 м, находящееся в средней части склона, на котором расположен могильник. В средней части насыпи находилось захоронение в деревянном гробу, размерами 6,7 x 2,7 м. Среди прочей керамики, в том числе и сюжетно-фигурных форм (фигура оленя, лодки), в захоронении обнаружено изделие в виде наземного жилища, стоящего на 9 столбах-сваях. Жилище имеет подквадрат-

ную форму и двускатную кровлю. Общая высота изделия 19,6 см. На его стенках присутствует орнамент в виде линий. На одной из стенок изображен вход, на обоих скатах кровли показаны деревянные конструкции – держащие ее жерди. На коньке кровли имеется трубчатая горловина для заполнения изделия жидкостью, в противоположной от входа стенке дома — слив-носик. Захоронение датируется концом IV – началом V вв. и относится к культуре царства Ара Кая [2, с. 38–39].

Существование домов на сваях в культуре каяских царств IV-V вв. подтверждается также материалами археологических раскопок и реконструкционными исследованиями, например, масштабным изучением памятника Понхвандон в г. Кимхэ [3, с. 22, 24]. Такая форма конструкций находит аналогии в культурах народов таежной зоны Сибири.

В Японии *ханива* в форме домов находят на вершинах насыпей курганов и на специально создаваемых пристройках к курганам либо на вазах по периметру курганных насыпей. Начало создания этого типа *ханива* относится к середине IV в. и продолжается вплоть до начала VII в.

В центральной части о. Хонсю *ханива* в форме домов встречаются часто. По форме устройства можно выделить *ханива*-жилища и *ханива* – изображения общинных домов для проведения ритуалов. На кургане Имасиродзука, преф. Осака, в скульптурной композиции из *ханива* были обнаружены оба типа домов. Один представляет собой жилище с четырехскатной крышей, окнами и дверью, высота *ханива* – 78 см (рисунок, 3). Второй – двухэтажный дом на 10 сваях, на крыше имеется изображение рыб и птиц, высота *ханива* – 132 см (рисунок, 4). Предполагается, что на крыше дома изображена сцена ловли рыбы бакланами [4, с. 42]. Курган датируется началом VI в. и считается погребением императора Кэйтай.

На погребениях северной части о. Хонсю *ханива* в форме домов выглядят более простыми. На территории кургана Каварадзука, преф. Сайтама обнаружена *ханива*, изображающая дом на сваях, высотой 78 см (рисунок, 5) [4, с. 42]. Курган Каварадзука датируется серединой VI в.

Конструкции домов, представленных *ханива*, соотносятся с рисунками на керамических сосудах, росписями на стенах погребальных камер, поэтому могут считаться изображениями различных типов строений, существовавших в Древней Японии. При этом размещение моделей домов на насыпях погребальных сооружений свидетельствует о том, что они представлялись домами и прочими постройками, которые должны были сопровождать души умерших в ином мире.

ФИГУРЫ-ЛОДКИ

Керамические изделия, изображающие лодки, известны в Корее достаточно давно, в частности, благодаря находке двух аналогичных глиняных лодок в ходе

раскопок силлаского кургана Кымнёнчхон («Гробницы золотых бубенцов») в г. Кёнджу в 1924 г. японским археологом Умехара Суэдзи (рисунок, 6). Изделия представляют собой керамические лодки простой формы, помещенные на конические с квадратными отверстиями поддоны. На бортах лодок имеются кольца с вставленными в них цепочками с подвесками. В каждой лодке по три сиденья. На корме расположено по антропоморфной фигурке, держащей в руках предмет, напоминающий весло. Размеры изделий составляют 12,7 x 23,6 см и 14,4 x 23,0 см. Предметы считаются довольно поздними: исследователи относят их к VI в. [5, с. 111–114].

Другие керамические изображения лодок известны по материалам раскопок курганов на могильниках Хёндон и Марисан. Могильник Хёндон, расположенный в г. Чханвон пров. Кёнсан-намдо, исследован в 2017–2018 гг. Здесь изучено 640 захоронений с деревянными гробами III-V вв., относящихся к культуре царства Ара Кая. В захоронении № 387 размерами 5,6 x 2,0 м в районе ног погребенного обнаружено керамическое изделие в форме лодки (рисунок, 7). Предмет помещен на конический поддон с треугольными отверстиями. Поверхность изделия покрыта орнаментом в виде прочерченных линий, составляющих треугольники. У судна выделен киль, на корме и носу показаны доски, которые устанавливаются для того, чтобы судно не захлестнуло волной. Исходя из художественно-декоративных особенностей предмета, корейские исследователи считают его изображением парусного судна для передвижения по морю. Изделие представляет собой сосуд. Его размеры составляют 29,2 x 18,3 см¹.

Находка из кургана №45 на могильнике Марисан представляет собой миниатюрное изображение среднеразмержного морского судна. Длина изделия составляет 23,6 см. Как и в предыдущем случае, на корме и носу судна имеются специальные приспособления, предотвращающие захлест волной. По бортам судна показано по пять весельных уключин. Предмет также мог выполнять функцию ритуального сосуда, хотя, в отличие от находки на могильнике Хёндон, не имеет поддона [3, с. 22, 24].

Керамические изделия в форме лодок имеют более очевидную, чем изображения жилищ, связь с погребальной обрядностью. На это указывает то обстоятельство, что большая часть подобных предметов происходит из захоронений. О тесной связи изображений лодки с погребальной обрядностью свидетельствуют также данные археологии и этнографии Кореи и сопредельных территорий. Погребения в ладьевидном деревянном гробу было изучено в ходе раскопок кургана №7 могиль-

¹ Чханвон Хёндон-эсо Ара Кая чхведэ кюмо-ый кобунгун хвангин (Результаты изучения крупнейшего могильника Ара Кая в квартале Хёндон города Чханвон) // Мунхваджэчхон (Управление по культурному наследию Республики Корея), 6.2019. – URL: http://www.cha.go.kr/newsBbz/selectNewsBbzView.do?newsItemId=155701462§ionId=b_sec_1&pageIndex=8&strWhere=&strValue=&mn=NS_01_02 (дата обращения: 20.01.2020) (на кор. яз.).

ника Сонхёндон в уезде Чханнён пров. Кёнсан-намдо [6, с. 55–57]. Традиция захоронения в лодках известна также у народов Сибири и Урала.

До недавнего времени на Корейском полуострове было известно всего несколько керамических сосудов-лодок, относящихся к VI в. культуры царства Силла и сосудов-лодок на подставках, с сидящими фигурками людей. Некоторые ученые делали вывод, что население древней Кореи не проявляло большого интереса к мореплаванию [7, р. 41]. Если на территории Южной Кореи находки изображений лодок появились совсем недавно, то на Японских островах такие изображения известны давно. Фрагменты лодок обнаруживаются и при исследовании памятников периодов *дзёмон*, *яёй* и *кофун*, свидетельствуя о древней традиции их изготовления и активного использования. В период *яёй* изображения лодок встречаются на бронзовых колоко-

лах *дотаку* и на керамических сосудах. В период *кофун* известны различные варианты изображения лодок. Это мелкие глиняные модели лодок, их деревянные модели, росписи на стенах погребальных камер курганов, граффити на цилиндрических *ханива*, а также *ханива* в форме лодки. *Ханива*-лодок известно всего около 20, все они найдены преимущественно в районе Кинки (Центральная Япония) и на о. Кюсю, в курганах, круглых или четырехугольно-круглых, окруженных группой более мелких курганов. По конструктивным элементам можно разделить *ханива*-лодки на две группы: изображения лодок-гондол и изображения парусных лодок на двух цилиндрических подставках, выполненных отдельно или монолитно.

Характерным примером изображений первой группы является *ханива*-лодка из кургана № 170 Сайтобару, преф. Миядзаки, Кюсю (рисунок, 8). Курган

Находки сюжетно-фигурной керамики на памятниках Кореи и Японии.

1, 2, 6, 7, 10, 11, 14 – предметы с территории Кореи; 3–5, 8, 9, 12, 13, 15, 16 – предметы с территории Японии:

1 – постройка на сваях, поселение Согдон, г. Чханвон, пров. Кёнсан-намдо; 2 – постройка на сваях, курган № 45 мог. Марисан, уезд Хаман, пров. Кёнсан-намдо; 3 – *ханива*-дом, курган Куварадзука, преф. Сайтама; 4 – *ханива*-дом, курган Имасиродзука, преф. Осака; 5 – *ханива*-дом, курган Имасиродзука, преф. Осака; 6 – лодка, курган Кымнёнчхон («Гробницы золотых бубенцов»), г. Кёнджу, пров. Кёнсан-пукто; 7 – лодка, погр. № 387 мог. Хёндон, г. Чханвон, пров. Кёнсан-намдо; 8 – *ханива*-лодка, курган Сайтобару, преф. Миядзаки; 9 – *ханива*-лодка, курган 1 Такарадзука, преф. Миэ; 10 – птицы, погр. № ID-15, мог Чунсанни, г. Ульсан, пров. Кёнсан-намдо; 11 – птица, погр. № 355, мог. Хёндон, г. Чханвон, пров. Кёнсан-намдо; 12 – *ханива*-водоплавающие птицы, курган Суяма, преф. Нара; 13 – *ханива*-баклан, курган Хатимандзука, преф. Гумма; 14 – олень; курган № 45 мог. Марисан, уезд Хаман, пров. Кёнсан-намдо; 15 – *ханива*-олень, Хэтабира курган 1, преф. Сидзуока; 16 – *ханива*-олень, памятник Хирадокоро, преф. Симанэ.

1 – по: Куннип Кимхэ панмульган (Каталог национального музея Кимхэ). – Кимхэ: Куннип Кимхэ панмульган (Национальный музей Кимхэ), 2018. – 311 с. (на кор. яз.); 2, 14 – по: Сон Воньён. Кая мунхва-ый пальсанджи, Кимхэ Кымгван Кая-ый кая юджок (Колыбель культуры Кая: памятники культуры Кая в городе Кимхэ) // Мэгэзин Кая [Журнал «Кая»]. 2019. Вып. 1. С. 20–25 (на кор. яз.). 3–5, 12, 13, 16 – по: Вакаса Т. Ханива-но сэкай. Кодайскай-кара мэссэ:дзи [Мир ханива. Послание из древнего мира]. Токио: Кабусикигайса Токё:бидзюцу, 2009 (на яп. яз.); 6 – по: Кэйсю: Кинрэйдзука сэкурудзука хаккутоцу тё:са хо:коку хонбун [Отчет о раскопках на памятниках Кинрэйдзука и Сёкурундзука на территории Южной Кореи]. Киото: Кабусикигайса гёкудо, 1931. 252 с. (на яп. яз.); 7, 11 – по: Чханвон Хёндон-эсо Ара Кая чхведэ кюмо-ый кобунгун хвагин [Результаты изучения крупнейшего могильника Ара Кая в квартале Хёндон города Чханвон] // Мунхвадзэчхон (Управление по культурному наследии Республики Корея), 2019. URL: http://www.cha.go.kr/newsBbz/selectNewsBbzView.do?newsItemId=155701462§ionId=b_sec_1&pageIndex=8&strWhere=&strValue=&mn=NS_01_02 (дата обращения: 20.01.2020) (на кор. яз.); 8 – по: Кофундзидай-нофунэ то суйун [Корабли и другие водные транспортные средства периода кофун]. Такацуки: Имасиродзука кодайрэксикан, 2014. (на яп. яз.); 9 – по: Ходзуми Х. Фунэгатаханава то кодай-но со:со: Такарадзука итигокофун [Ханива – лодки и древний погребальный обряд]. Токио: Синсэнся, 2017. (на яп. яз.); 10 – по: Ульсан Чунсанни юджок 1 – понмун [Памятник Чунсанни в городе Ульсан I: основная часть]. – Чханвон тэхаккё панмульган (Музей ун-та Чханвон), 2006. 397 с. (на кор. яз.); 15 – по: Инори-но сэкай-но доубуцзэн [Мир животных в религиозном пространстве]. Нара кокуруицухакубуцукан [Национальный музей Нара]. – Осака: LIVE Art Books Inc., 2019 (на яп. яз.).

Subject-figurative ceramics from archaeological sites of Korea and Japan.

1, 2, 6, 7, 10, 11, 14 – artifacts from the territory of Korea, 3–5, 8, 9, 12, 13, 15, 16 – artifacts from the territory of Japan:

1 – house on piles, Seok-dong dwelling site, Changwon city, Gyeongsang-namdo province; 2 – house on piles, burial mound No. 45 on Marisan burial ground, Hama County, Gyeongsang-namdo province; 3 – haniwa-house, Kuwarazuka mound, pref. Saitama; 4 – haniwa-house, Imashirozuka mound, pref. Osaka; 5 – haniwa-house, Imashirozuka mound, pref. Osaka; 6 – boat, Geumryeongchong tomb (“The Golden Bell Tomb”), Gyeongju city, Gyeongsang-namdo province; 7 – boat, burial no. 387 on Hyeon-dong burial ground, Changwon city, Gyeongsang-namdo province; 8 – haniwa-boat, Saitobaru mound, pref. Miyazaki; 9 – haniwa-boat, Takarazuka 1 mound, pref. Mie; 10 – birds, burial no. ID-15 on Jungsanri burial ground, Ulsan city, Gyeongsang-namdo province; 11 – bird, burial no. 355 on Hyeon-dong burial ground, Changwon city, Gyeongsang-namdo province; 12 – haniwa-waterfowl, Suyama mound, pref. Nara; 13 – haniwa-cormorant, Hathimanzuka mound, pref. Gunma; 14 – deer; burial mound no. 45 on Marisan burial ground, Hama County, Gyeongsang-namdo province; 15 – haniwa-deer, Hetabira 1 mound, pref. Shizuoka; 16 – haniwa-deer, Hiradokoro site, pref. Shimane;

1 – by: Gimhae National Museum catalogue. Gimhae: Gimhae National Museum, 2018, 311 p. (In Kor.); 2, 14 – by: Song Wonyeong. Cradle of Gaya culture: Geumgwang Gaya culture sites in Gimhae. Magazine Gaya. 2019, iss. 1, pp. 20–25. (In Kor.); 3–5, 12, 13, 16 – by: Wakasa T. World of haniwa. Message from the Ancient World. Tokyo: Kabushikigaisya Tokyobijuzo, 2009, 80 p. (In Jap.); 6 – by: Report on archaeological research of Kinreizuka, Syokurinzuka mounds in South Korea. Kyoto: Kanushikigaisya gyokudo, 1931, 252 p. (In Jap.); 7, 11 – by: The results of the study of the largest burial site of Ara Kaya in the Hyeon-dong of Changwon city. Munhwajaecheong (Cultural heritage administration), 6.2019. URL: http://www.cha.go.kr/newsBbz/selectNewsBbzView.do?newsItemId=155701462§ionId=b_sec_1&pageIndex=8&strWhere=&strValue=&mn=NS_01_02 (date of query: 20.01.2020. (In Kor.); 8 – by: Ships and other water vehicles in the Kofun period. Takatsuki Museum of Ancient History of Imashirozuka, 2014, 64 p. (In Jap.); 9 – by: Hojumi H. Haniwa-boats and ancient funeral rite. Tokyo: Shinsensya, 2017, 96 p. (In Jap.); 10 – by: Jungsanri site in Ulsan I: The main part. Changwon: Changwon daehakgyo bakmulgwan (Changwon university museum), 2006, 397 p. (In Kor.); 15 – by: The animal world in religious space. Nara National Museum. Osaka: LIVE Art Books Inc., 2019, 154 p. (In Jap.).

круглой формы, датируется первой половиной V в., содержал погребение мужчины. По периметру кургана найдены несколько цилиндрических *ханива*, на верхней части насыпи, непосредственно над погребальной камерой, – шлем, наплечник, меч, железные наконечники стрел, *ханива*-дом и *ханива*-лодка. *Ханива*-лодка изображает лодку-гондолу длиной 1 м [8, с. 14]. Конструкция достаточно характерная, нос и корма подняты вверх, на палубе имеются сиденья, по бортам симметрично сделаны по 6 выступов, которые считаются местами крепления весел. Таким образом, лодка предполагает наличие 12 гребцов.

Примером изображения второй группы является *ханива*-лодка из кургана №1 Такарадзука, преф. Миэ (рисунок, 9). Курган четырехугольно-круглый, общей длиной 111 м, датируется первой половиной V в. и связывается с полумифическим прародителем клана местных правителей Отокадзути-но-микото. По периметру кургана и на специальной площадке располагалось около 300 фигур *ханива*. *Ханива*-лодка из кургана № 1 Такарадзука в длину достигает 140 см, в высоту – 90 см, включая цилиндрические основания, что делает ее самой большой из известных на сегодняшний день. Корма и нос подняты высоко, что позволяло преодолевать большие волны. В бортах обнаружено по три отверстия для весел с каждой стороны. Детали конструкции вполне соответствуют реальным судам, использовавшимся в тот период. Кроме размеров, лодка выделяется и деталями оформления. Основная конструкция дополнена декоративными элементами, такими как меч, щиты, зонт *кинугаса*.

Наличие этих предметов говорит о высоком статусе погребенного в кургане [9, с. 10–11]. Зонт *кинугаса*, шелковый зонт на длинной деревянной ручке, использовался в торжественных императорских шествиях вплоть до начала Нового времени. Корабли с такими украшениями были известны по настенным росписям в гробницах и граффити, трехмерное подтверждение было найдено впервые. Исследование показало наличие красной краски (пигмент бенгала) на поверхности лодки. Долгое время считалось, что красный цвет способен «защищать священное и отражать зло». Красный цвет должен был помогать душе похороненного в кургане Такарадзука в путешествии в Ёминокунни – страну мертвых в древнеяпонской мифологии [9, с. 15]. Фигуры *ханива*-лодки, с одной стороны, могут считаться изображениями реальных средств водного транспорта, с другой – являться ритуальными лодками для обеспечения попадания души умершего в мир мертвых. Небольшое количество *ханива*-лодок может свидетельствовать о наличии людей с высоким статусом, деятельность которых непосредственно была связана с передвижением по морю.

ФИГУРЫ-ДОМАШНИЕ ПТИЦЫ

Наиболее распространенной формой сюжетно-фигурной керамики в погребальных комплексах Кореи являются керамические изделия в виде птиц – уток и кур.

Такие изделия широко представлены в погребальных комплексах культуры Кая и Силла (на могильниках Марисан в уезде Хаман, Покчхондон в г. Пусан, Чунсанни и Хадэ в г. Ульсан, Имдандон в г. Кёнсан, Тэсондон в г. Кимхэ, Сарари и Токчхонни в г. Кёнджу). Большая часть орнитоморфных изображений соотносится с культурой Кая.

Самыми известными предметами из этой группы являются парные фигурные сосуды, изображающие птиц, обнаруженные в погребении № ID-15 могильника Чунсанни в г. Ульсан, материалы которого относятся к культуре царства Силла (рисунок, 10). Могильник открыт в 1991 г. в ходе строительных работ. Надмогильные сооружения в виде насыпей, если таковые существовали, не сохранились. Погребение № ID-15 представляет собой захоронение в грунтовой яме размерами 5,38 x 1,66 м, глубиной 0,84 м с деревянными внутримогильными конструкциями. Внутримогильные конструкции представлены деревянным гробом размерами 3,76 x 1,44 м и деревянной камерой для погребального инвентаря размерами 1,04 x 1,38 м.

Керамические фигуры птиц на конических поддонах обнаружены в камере для инвентаря [10, с. 295–296]. Фигуры птиц имеют плоские клювы, на головах – холки, что напоминает пару уток-мандаринок. Туловище полое, на спине птиц сделана цилиндрическая горловина для заливания жидкости, а в районе хвоста – носик для ее разливания. Все это позволяет однозначно говорить о том, что изделия использовались в качестве сосудов. Высота предметов составляет 37,5 см и 35 см, курган датируется III–V вв. [10, с. 309–310, 319].

Уникальная находка керамического изображения птицы на коническом поддоне происходит из погребения №355 могильника Хёндон (рис. 1, 11). Исследователи памятника интерпретируют данный предмет как изображение утки², хотя, на наш взгляд, по очертаниям туловища он больше напоминает изображение курицы или другой птицы.

Фигуры *ханива* в форме домашних птиц – куриц и петухов, находят на курганах древней Японии с начала IV до начала VII вв. *Ханива*, изображающие водоплавающих птиц – уток, гусей, бакланов, появляются позже, со второй половины IV в., и встречаются до середины VI в. Всего на территории Японских островов найдено 100 фигур птиц в 59 памятниках, они встречаются от Центрального Кюсю на западе до района Канто на востоке и не связаны с определенным типом и размером курганов.

Ханива, изображающие водоплавающих птиц, находят в составе скульптурных композиций на крупных курганах. На кургане Суяма, преф. Нара, обнаружены три *ханива*-утки, высотой около 61 см (рисунок, 12) [4, с. 27].

² Чханвон Хёндон-эсо Ара Кая чхведэ кюмо-ый кобунгун хвагин [Результаты изучения крупнейшего могильника Ара Кая в квартале Хёндон города Чханвон] // Мунхвадэчхон (Управление по культурному наследию Республики Корея), 2019. ULR: http://www.cha.go.kr/newsBbz/selectNewsBbzView.do?newsItemId=155701462§ionId=b_sec_1&pageIndex=8&strWhere=&strValue=&mn=NS_01_02 (дата обращения: 20.01.2020) (на кор. яз.).

На территории кургана Хатимандзука группы Ходота (г. Такасаки, преф. Гумма) обнаружена фигура птицы с рыбой в клюве, на шее у птицы – колокольчик. Высота *ханива* – 63,6 см (рисунок, 13) [4, с. 47]. Предполагается, что здесь изображен баклан. Этих птиц в древности использовали для рыбной ловли. Композиция из *ханива* расположена на дамбе между двумя рвами кургана. Насыпь кургана четырехугольно-круглой формы длиной 96 м, курган датирован второй половиной V в. Образ птицы в скульптурных композициях, создаваемых из *ханива*, как правило, представлен моделями либо домашних птиц – курица, петух, либо птиц, при помощи которых люди проводили рыбную ловлю – бакланов, либо диких, но на которых люди охотились – утки, лебеди.

Птицы, согласно синтоистским представлениям, которые берут свое начало в эпохе *кофун*, могут быть вместилищем души умершего. Подобные представления находят отражение и в письменных источниках. Согласно легенде, содержащейся в «Нихон сёки» Ямато-такэру, сын императора Кэйко, мифический герой и собиратель земель Ямато, после смерти и его погребения в провинции Исэ-но куни (современная префектура Миэ) обернулся белой птицей и отправился в сторону Ямато-но куни (современная префектура Нара). За ним были отправлены приближенные, и в тех местах, где он останавливался, возводили новые курганы, в итоге было создано три гробницы, которые назвали Гробницами Белой птицы, а птица тем временем взмыла высоко в небо и улетела, поэтому в гробнице были погребены только пустые пелена [11, с. 252]. Сюжет, описывающий птиц и, в частности, уток, как проводников человеческих душ, является достаточно распространенным в различных мифологических системах. Подобные представления характерны для территории Евразии и коренного населения Сибири в том числе. Что касается корейской мифологии, то связь с птицами, правда, неясно с какими, имели правители. Согласно легенде, с неба спустилось шесть яиц, из которых вылупились 6 мальчиков. В дальнейшем они стали правителями в пяти царствах Кая [12, с. 216–217].

ФИГУРЫ-ОЛЕНИ

Керамический сосуд, изображающий оленя, в настоящее время является пока единственной находкой на территории Кореи. Предмет происходит из кургана № 45 могильника Марисан. Высота изделия составляет 19,3 см, длина 17,2 см, ширина 13,8 см. Предмет представляет собой фигуру молодого оленя или оленухи, с полым туловищем, изящной тонкой шеей и маленькой головой, помещенную на конический поддон с каплевидными прорезями (рисунок, 14). Голова животного повернута в сторону задней части туловища. На спине фигуры оленя выполнены две горловины, предназначенные для заливания жидкости [3, 2019, с. 22, 24].

Образ оленя на территории Японских островов известен с периода *дзёмон*. В период *яёй* изображения оленей часто встречаются на керамических сосудах и бронзовых колоколах *дотаку*, прежде всего, это семья или

стадо оленей и сцены охоты лучника на оленя. *Ханива*-олени существуют с середины V в. – второй половины VI в. Фигуры оленя найдены на 52 памятниках – от западного побережья о. Кюсю до района Канто (Центральная Япония). Среди нескольких десятков фигур оленей особую группу составляют так называемые олени, смотрящие назад, которых насчитывается менее 10. Наиболее полно реконструированным является *ханива*-олень из кургана Хэтабира, преф. Сидзуока (рисунок, 15).

С начала периода *кофун* данная территория была подконтрольна влиятельному клану, представители которого оставили после себя множество курганов. Небольшой курган с четырехугольно-круглой насыпью Хэтабира, относящийся к V в., был раскопан в 1997 г. Среди *ханива*, расположенных на поверхности кургана, обнаружено редкое изображение оленя. Олень смотрит назад. Там же найдены фрагменты фигуры охотника – часть тела с рукой и луком. Высота фигуры оленя 90 см, длина – 80 см. Фрагменты *ханива*-оленей уже были известны ранее в преф. Сидзуока. В кургане №6 Гоогахира, относящемся к VI в., среди *ханива*, изображающих людей, лошадей, дома, были найдены две головы оленей, одна из них с рогами [4, с. 38]. Олень считается особым животным, связанным с духами леса и выращивания риса. По-видимому, наличие *ханива*-оленей связано с высоким социальным статусом погребенных. Например, группа курганов Гоогахира включала три кургана с четырехугольно-круглой насыпью, остальные – с круглыми. На всех насыпях, датированных второй половиной V в. – первой половиной VI в., обнаружены *ханива*. *Ханива*-олень найден в самом большом кургане.

Наиболее близкими к корейским фигурам можно назвать *ханива*-оленей из памятников Ивами, преф. Нара и Хирадокоро в г. Мацуэ, преф. Симанэ. *Ханива*-олень из Мацуэ был обнаружен вместе с фигурами лошади, доспехов, дома с высокой крышей, голов людей непосредственно в печи для обжига. Находки датируются VI в. Фигура оленя в высоту достигает 93,5 см (рисунок, 16). Олень – животное быстрое и порывистое, что удалось точно передать древнему скульптору в повороте шеи [4, с. 38]. Олени, как и кабаны, были известны древним жителям Японских островов еще с эпохи палеолита, являясь объектом охоты. Из оленьего рога изготавливали инструменты и украшения, оленьи шкуры использовали для одежды и доспехов, известно о гадании на оленьей лопатке. Изображение оленя, оглядывающегося назад, вместе с лучником-охотником может быть связано с распространенным у народов Евразии мифом об охотнике, догоняющем оленя, который останавливается у реки или моря и смотрит на охотника. Причины погони в мифах встречаются разные: это и спасение чьей-либо жизни, и необходимость добыть рога оленя. В результате олень, как правило, спасает охотника от какой-либо беды. Крайне малое количество находок подобных изображений может говорить о проникновении новых мифологических сюжетов на территорию Корейского полуострова и Японских островов с материка [4, с. 47].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение сюжетно-фигурной керамики Корейского полуострова и Японских островов III–VI вв. позволило определить некоторые закономерности. Синхронно существовавшая керамика имеет ряд общих сюжетов – предметы быта, строения, животные и птицы. При этом корейские образцы в основном являются сосудами, помещенными на подставки. Японские образцы лишь своим происхождением связаны с сосудами, функционально как сосуды они использовать не могли.

В силу доступности сырья на территории Японских островов произведений сюжетно-фигурной керамики встречается на порядок больше, чем на территории Корейского полуострова. Сходство в изображении строений и лодок, вероятно, связано, с одной стороны, со сходным образом жизни и видами деятельности, с другой стороны, может свидетельствовать о взаимодействии и привнесении этих форм в процессе миграций. Обнаружение сходных предметов на юге Корейского полуострова, на о. Кюсю и в западной части о. Хонсю подтверждает наличие постоянных и долговременных контактов между населением данных территорий. Следует отметить также, что на древнем Дальнем Востоке с развитием погребального обряда происходило замещение принесения жертв глиняными предметами, этот процесс совпал со временем формирования народов и государств. Сходство мифологических представлений, характерных для обеих территорий, с мифологическими сюжетами населения материка, территории Дальнего Востока и Сибири, добавляет аргументы в пользу концепции трансевразийской миграции.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при поддержке проекта Российского фонда фундаментальных исследований, проект №18-09-00507.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куннип Кимхэ панмульгван [Каталог национального музея Кимхэ]. Кимхэ: Куннип Кимхэ панмульгван [Национальный. муз. Кимхэ], 2018. 311 с. (на кор. яз.).
2. *Чо Сингю*. Чхве син пальгуль сонгва-ро пон Ара Кая ваннин, Марисан кобунгун-гва Наммунве кобунгун [Гробницы правителей Ара Кая по новейшим результатам археологических раскопок: могильники Марисан и Наммунве] // Мэгэзин Кая [Журнал «Кая»]. 2019. Вып. 1. С. 32–42 (на кор. яз.).
3. *Сон Вонъён*. Кая мунхва-ый пальсанджи, Кимхэ Кымгван Кая-ый кая юджок [Колыбель культуры Кая: памятники культуры Кымгван Кая в городе Кимхэ] // Мэгэзин Кая [Журнал «Кая»]. 2019. Вып. 1. С. 20–25 (на кор. яз.).
4. *Вакаса Т.* Ханива-но сэкай. Кодайсякай-кара мэссэ: дзи (Мир ханива. Послание из древнего мира). Токио: Кабусикигайя Токё: бидзюцу, 2009. 80 с. (на яп. яз.).
5. Кэйсю: Кинрэйдзукэ, Сёкурундзукэ хаккутуцу тё:са хо:коку хонбун [Отчет о раскопках на памятниках Кинрэйдзукэ и Сёкурундзукэ на территории Южной Кореи]. Киото: Кабусикигайя гёкудо:, 1931. 252 с. (на япон. яз.).
6. Чханён Сонхёндон кобунгун 6, 7-хобун пальгуль часа кэбо [Краткий отчет о раскопках курганов №6 и 7 на могильнике Сонхён-дон в уезде Чханён]. Чханвон: Куннип Кая мунхваджэ ёнгусо (Нац. ин-т культурного наследия Кая), 2006. 111 с. (на кор. яз.).
7. *Kidder J.E.* Himiko and Japan's Elusive Chiefdom of Yamatai: Archaeology, History and Mythology. University of Hawaii Press, 2007. 401 p.
8. Кофундзидай-но фунэ то суйун то суйун [Корабли и другие водные транспортные средства периода кофун]. Такацуки: Имасиродзукэ кодайрёкисикан, 2014. 64 с. (на яп. яз.).
9. *Ходзуми Х.* Фунэгатаханива то кодай-но со:со:. Такарадзукэ итигокофун (Ханива-лодки и древний погребальный обряд). Токио: Синсэнся, 2017. 96 с. (на яп. яз.).
10. Ульсан Чунсанни юджок I – понмун [Памятник Чунсанни в городе Ульсан I: основная часть]. Чханвон гэхаккё панмульгван (Муз. ун-та Чханвон), 2006. 397 с. (на кор. яз.).
11. Нихон сэки – Анналы Японии: в 2 т. / пер. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 1: Свитки I–XVI. 496 с.
12. Ирён. Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса) / Ирён; пер. с ханмуна, вступ. ст., коммент. и указ. Ю.В. Болтач; Ин-т восточных рукописей РАН. СПб.: Гиперион, 2018. 894 с.
13. Ииори-но сэкай-но доубуцуэн [Мир животных в религиозном пространстве]. Наракокуруцу хакубуцуэн (Национальный музей Нара). Осака: LIVE Art Books Inc., 2019. 154 с. (на яп. яз.).

REFERENCES

1. Gimhae National Museum catalogue. Gimhae: Gimhae National Museum, 2018, 311 p. (In Kor.).
2. *Jo Singyu*. Tombs of the rulers of Ara Kai according to the latest results of archaeological excavations: the burial grounds of Marisan and Namunoe. Magazine Gaya. 2019, iss. 1, pp. 32–42 (In Kor.).
3. *Song Wonyeong*. Cradle of Gaya culture: Geumgwan Gaya culture sites in Gimhae. Magazine Gaya. 2019, iss. 1, pp. 20–25 (In Kor.).
4. *Wakasa T.* World of haniwa. Message from the Ancient World. Tokyo: Kabushikigaisya Tokyobijuzo, 2009, 80 p. (In Jap.).
5. Report on archaeological research of Kinreizuka, Syokurinzuka mounds in South Korea. Kyoto: Kanushikigaisya gyokudo, 1931, 252 p. (In Jap.).
6. A brief report on excavations of burial mounds no. 6 and 7 at the Songhyeondong burial ground in Changnyeong county. Changwon: Gukrip Changwon munhwaja eyeonguso (Gaya National Research Institute of Cultural Heritage), 2006, 111 p. (In Kor.).
7. *Kidder J.E.* Himiko and Japan's Elusive Chiefdom of Yamatai: Archaeology, History and Mythology. University of Hawaii Press, 2007, 401 p.
8. Ships and other water vehicles in the Kofun period. Takatsuki Museum of Ancient History of Imashirozuka, 2014, 64 p. (In Jap.).
9. *Hojumi H.* Haniwa-boats and ancient funeral rite. Tokyo: Shinsensya, 2017, 96 p. (in Jap.).
10. Jungsanri site in Ulsan I: The main part. Changwon: Changwon daehakgyo bakmulgwan (Changwon university museum), 2006, 397 p. (In Kor.).
11. Nihon syoki – Annals of Japan. In 2 vols. Saint Petersburg: Giperion, 1997, vol. 1. Scrolls I–XVI, 496 p. (In Russ.).
12. *Yu. V. Boltach* (comp) Illyeon. The remaining information [about] three kingdoms (Samguk yusa). Institut vostochnykh rukopisei RAS. Saint Petersburg.: Giperion, 2018, 894 p. (In Russ.).
13. The animal world in religious space. Nara National Museum. Osaka: LIVE Art Books Inc., 2019, 154 p. (In Jap.).

Статья поступила
в редакцию 14.01.2020
Статья принята
к публикации 10.02.2020

DOI: 10.15372/HSS20200104
УДК 903.2(575)

Ю.С. ХУДЯКОВ^{1,2}, А.Ю. БОРИСЕНКО²

КИНЖАЛ С ДВУЛЕЗВИЙНЫМ КЛИНКОМ ИЗ ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЫ КЫРГЫЗСТАНА

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
РФ, 630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

²Новосибирский государственный университет
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

В составе комплекса предметов вооружения древних и средневековых кочевых воинов на территории Тянь-Шаня и Семиречья, включая Таласскую долину, определенное место принадлежало таким предметам вооружения ближнего и рукопашного боя, как железные, двулезвийные кинжалы. В настоящей статье анализируется довольно редкая находка железного кинжала с необычным, двухлопастным в сечении клинком, которая в настоящее время хранится в составе археологической коллекции национального музейного комплекса «Манас Ордо», созданного в честь героического эпоса кыргызского народа и его главного эпического героя – выдающегося полководца и батыра Манаса. Этот комплекс был создан и находится в с. Таш-Арык, в долине р. Талас на территории Кыргызской Республики. В научной литературе удалось выявить находки, похожие по своим конструктивным особенностям клинков коротких мечей-акинаков, имевшихся на вооружении у древних сакских кочевников Средней Азии.

Ключевые слова: железный кинжал, оружейная коллекция, Таласская долина, музей «Манас Ордо», Тянь-Шань, Кыргызстан.

YU.S. HUDYAKOV^{1,2}, A.YU. BORISENKO²

DAGGER WITH TWO-EDGED BLADE FROM THE TALAS VALLEY OF KYRGYZSTAN

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17, Ak. Lavrentiev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

²Novosibirsk State University
1 Pirogov str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Among the complex of armament objects of ancient and medieval nomadic warriors in the territory of Tian Shan and Semirechie including the Talas Valley, a definite part of hand-to-hand and close combat objects of armament belonged to iron two-edged daggers. The article analyzes quite a rare finding of iron dagger with unusual two-edged blade in section, that is kept at the present time as a part of archaeological collection of «Manas Ordo» national museum complex created in honour of the Kyrgyz people heroic epos and its lead heroic character, distinguished warlord and baghatur Manas. The museum complex is situated in the Tash-Aryk village, the Talas Valley, the Kyrgyz Republic. In scientific literature there is information about similar archaeological findings related to objects of short blade weapons. These findings include short swords-acinaces whose blades have similar design characteristics. They were in armaments of the ancient Sacae nomads inhabited mountain and steppe regions of Central Asia during historical period of the Early Iron Ages. In previous decades, the Sacae swords-acinaces were detected by domestic archaeologists during burial mound excavations of the Sacae in the Pamir Mountains. The Sacae swords-acinaces had metallic predominantly iron straight two-edged short blades, that were intended for targeting jabbing motions against adversaries during hand-to-hand and close combats. Quite possibly, that dagger with straight two-edged blade from the Talas Valley of the Kyrgyz Republic in «Manas Ordo» museum's archaeological findings collection is originated in some archaeological monuments of the Sacae nomad ancient culture of the Early Iron Age located in this territory, where there are many ancient burial mounds and settlements, typical of this cultural commonality of early nomads. Daggers of such construction with straight two-edged blades can be related to chronological period of the Early Iron Age. This rare finding could be included in the archaeological collection of «Manas Ordo» museum complex as a result of its quite good conservation of metal it was made of.

Keywords: iron dagger, weapons collection, Talas Valley, «Manas Ordo» museum, Tian Shan, Kyrgyzstan.

Юлий Сергеевич Худяков – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, e-mail: khudjakov@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-4741-9971>.

Алиса Юльевна Борисенко – канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник, Новосибирский государственный университет, e-mail: aborisenko2@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0001-9558-5678>.

Yulii S. Khudjakov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk State University.

Alisa Yu. Borisenko – Candidate of Historical Sciences, Docent, Senior Researcher, Novosibirsk State University.

ВВЕДЕНИЕ

В результате организации в предшествующие годы музейного собрания «Манас Ордо» в с. Таш-Арык (Таласская область Республики Кыргызстан) был создан современный, многопрофильный, оригинальный музейно-выставочный комплекс, в рамках которого был выделен и прославлен главный герой кыргызского героического эпоса, выдающийся легендарный батыр и полководец Манас, а также некоторые его героические сподвижники. Кроме материалов о героических деяниях выдающихся кыргызских батыров создатели экспозиций собрали весьма значительную и информативную коллекцию древних и средневековых археологических находок, среди которых представлены разнообразные предметы вооружения кыргызских воинов. Эти находки свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития военной сферы жизнедеятельности у кыргызов на Тянь-Шане в позднее Средневековье и Новое время. В коллекции оружия значительно преобладают разнообразные железные предметы вооружения дистанционного боя.

Главной задачей настоящего исследования является определение хронологии и культурной принадлежности одной из редких находок кинжала с двухлопастным сечением клинка, хранящейся в собрании средневекового оружия в музейном комплексе «Манас Ордо». С этой целью авторами статьи выполнен формально-типологический анализ данного, весьма редкого предмета вооружения рукопашного боя [1, с. 198].

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ

В прошлом некоторые характерные особенности военного дела, включая виды оружия, характерные для тянь-шаньских кыргызских воинов, рассматривались с привлечением соответствующей терминологии из кыргызского эпического творчества [2, с. 170–171; 3, с. 159–161]. Различные виды оружия кыргызских воинов исследовались также по описаниям и рисункам, которые содержатся в трудах ученых и путешественников, совершавших экспедиционные путешествия в середине и второй половине XIX в. по территории современного Кыргызстана. Значительный вклад в сбор материалов по вооружению кыргызов Тянь-Шаня внесли известные российские и казахские ученые и путешественники.

Одним из первых совершил в 1856 г. поездку на Тянь-Шань и в котловину оз. Иссык-Куль находившийся в этот период на службе в российских казачьих войсках Ч.Ч. Валиханов, известный впоследствии казахский ученый. Он посетил и зарисовал могилы кыргызских воинов с оставленными на них предметами вооружения на кыргызском кладбище [4, с. 330–331]. В 1857 г. путешествие на Тянь-Шань предпринял известный российский ученый, географ П.П. Семенов, осмотревший один из погребальных памятников, на котором были представлены изображения кыргызских воинов [5, с. 182–183]. Находившийся в составе этой экспедиции художник П.М. Кошаров сделал зарисов-

ки различных видов оружия кыргызских воинов. Среди различных видов оружия и воинских принадлежностей кыргызов он выделил «пчак» – нож [6, с. 159, 161–162, 164]. В 1860-х гг. несколько экспедиций в Чуйскую долину и Иссык-Кульскую котловину совершил тюрколог В.В. Радлов. Он отметил особый воинственный характер кыргызов Тянь-Шаня, подчеркнув, что в XIX в. оружие у них было «в основном огнестрельным, главным образом кокандской работы», наряду с копьем, палицей и секирой [7, с. 353–354].

В XX в. в качестве основных источников по изучению военного дела кыргызов стали использоваться стихотворные описания различных видов оружия кыргызских воинов, которые представлены в героических эпических сказаниях, прежде всего в эпосе «Манас». Среди первых исследователей, обративших внимание на кыргызские эпические источники и содержащиеся в них поэтические описания различных видов оружия и способов их применения кыргызскими воинами, был этнограф С.М. Абрамзон. Первоначально, проанализировав сказания эпоса «Манас», он пришел к заключению, что основу кыргызского войска должна была составлять легкая конница, однако со временем с постепенным распространением металлических доспехов выделились и отряды пеших воинов [2, с. 170–171]. В дальнейшем, изучив рисунки в альбоме художника П.М. Кошарова, исследователь выделил разные виды наступательного оружия, характерные для кыргызских воинов [6, с. 161–162]. В своем обобщающем исследовании он отметил наличие изображений оружия в кыргызских погребальных комплексах [8, с. 349]. Позднее, анализируя кыргызскую терминологию, относящуюся к оружию, Р.А. Бейбутова выделила несколько понятий, относящихся к обозначению кинжала [9, с. 134].

В настоящее время имеется возможность значительно шире привлекать археологические и этнографические материалы из музейных коллекций, хранящихся в некоторых собраниях в Кыргызстане и России [10, с. 134]. Во время экспедиционной поездки в Республику Кыргызстан в 2014 г., работая с археологическими находками из музейного собрания «Манас Ордо», авторы настоящей статьи ознакомились с некоторыми предметами средневекового вооружения [11, с. 165–169]. Особый интерес вызвала довольно редкая находка короткого клинкового оружия ближнего и рукопашного боя. Следует отметить, что большая часть предметов вооружения из данного собрания представляет несомненный научный интерес для специалистов по истории оружия и военного дела средневековых кочевых народов Центрально-Азиатского историко-культурного региона [1, с. 198–201].

ОПИСАНИЕ И АНАЛИЗ КИНЖАЛА

В составе коллекции предметов оружия из собрания музейного комплекса «Манас Ордо» в результате целенаправленных поисков была выявлена, осмотрена и исследована довольно редкая находка железного

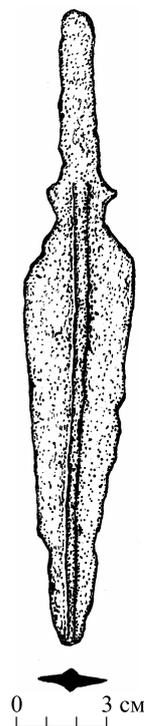
кинжала с оригинальным, двухлопастным сечением клинка. У кинжала выделяется слегка затупленное, вероятно поврежденное, острие, удлинненно-ромбическая, вытянутая форма двухлопастного в сечении клинка с приостренными, треугольными в сечении выступающими полосами по вертикальной оси в центральной части клинка. Клинок плавно расширяется от острия к укороченным треугольным уступам при подходе к шипастым выступам, расположенным в месте подхода клинка к черену рукояти. Черен рукояти прямой, прямоугольной формы, уплощенный, без отверстий для крепления обкладки. Лезвия с обеих сторон клинка имеют некоторые механические повреждения, небольшие выбоины, вероятно, образовавшиеся от нанесения ударов клинком кинжала по какой-то твердой поверхности. Отсутствие отверстий для крепления обкладки позволяет предположить, что она, вероятно набивалась по всей длине черена с захватом треугольных выступов. Вполне возможно, что специальная обкладка из выделанной кожи обматывалась вокруг черена и закреплялась вокруг данной прямоугольной железной пластины. По имеющимся формальным признакам данный кинжал может быть выделен в отдельную группу, а также в самостоятельный тип короткого клинкового оружия.

Г р у п п а I. Кинжалы с двулезвийным, обоюдоострым, двухлопастным в сечении клинком. По форме клинка найденный кинжал должен быть отнесен к отдельному типу кинжалов.

Т и п I. Кинжалы с удлинненно-ромбическим клинком и боковыми выступами при подходе к рукояти. Включает один экземпляр из собрания «Манас Ордо». Аналогии в археологических памятниках хуннского и средневекового времени на территории Кыргызстана не прослеживаются. Длина клинка – 14, 8 см, наибольшая ширина клинка при подходе к черену рукояти – 3, 5 см. Длина черена рукояти – 5,5 см, его ширина – 1,2 см (рисунок).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поиск аналогий данной достаточно редкой находке среди подобных по конструктивным особенностям образцов короткого клинкового оружия позволил выявить на территории Таласской долины и соседних районов Тянь-Шаня и Семиречья до некоторой степени похожие биметаллические и железные короткие мечи-акинаки с выступающим с обеих сторон ребром по вертикальной оси клинка, имеющиеся в составе предметного комплекса культуры ранних кочевников на территории Памира [12, с. 305; рис. 132, 7; 13. С. 96–97; табл. 36, 5, 8]. Вполне вероятно, что находку железного кинжала из Таласской долины также можно отнести к предметам короткого клинкового оружия из памятников культур раннего железного века, хотя по своей сохранности она заметно превосходит довольно сильно коррозированные и не всегда полностью сохранившиеся железные клинки некоторых коротких сакских мечей-акинаков, которые применялись

Кинжал из Таласской долины.

The dagger from the Talas Valley.

воинами для нанесения колющих ударов противнику. Использовалось ли подобное короткое клинковое оружие с двулезвийным, обоюдоострым клинком на территории Тянь-Шаня и Семиречья в течение последующих исторических периодов (хуннское время и раннее Средневековье), утверждать со всей определенностью мы пока не можем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Коллекция средневекового оружия из музея «Манас Ордо» в Таласской долине Кыргызстана // Вестн. Новосиб. гос.ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 197–208.
2. Абрамзон С.М. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас») // Труды Ин-та языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР. Фрунзе, 1944. Вып. I. С. 167–180.
3. Мусаев С. Эпос «Манас»: науч.-популяр. очерк. Фрунзе: Илим, 1979. 205 с.
4. Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль в 1856 г. // Собрание сочинений: в 5 т. Алма-Ата: Гл. ред. Казахской сов. энциклопедии, 1984. Т.1. С. 306–357.
5. Семенов П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856 – 1857 годах. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1946. 256 с.
6. Абрамзон С.М. Этнографический альбом художника П.М. Кошарова (1857 г.) // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1953. Т. XIV. С. 148–167.
7. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
8. Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 480 с.

9. Бейбутова Р.А. К истории названий оружия киргизского воина в эпосе «Манас» // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 125–137.

10. Худяков Ю.С. Кыргызы в боях и походах: науч.-популяр. изд. Прага: Азиатско-Чешская торговая палата; Государственная типография ценных бумаг, 2017. 150 с.

11. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Наконечники копий кыргызов Тянь-Шаня из музейных собраний «Манас Ордо» и «Раритет» в Кыргызстане // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. С. 164–170.

12. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. № 26. 346.

13. Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Памира // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 95–100.

REFERENCES

1. Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. The collection of medieval arms of “Manas Ordo” museum in the Talas Valley, Kyrgyzstan. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2014, vol. 13, no. 5, pp. 197–208. (In Russ.)

2. Abramson S. M. Features of military organization and technique of the Kyrgyz people (based on historical and ethnographical data and «Manas» heroic epos). *Trudy Instituta yazyka, literature i istorii Kirgizskogo filiala AN SSSR*. Frunze, 1944, iss. 1, pp. 167–180. (In Russ.)

3. Musaev S. «Manas» epos. A popular scientific essay. Frunze, Ilim, 1979, 205 p. (In Russ.)

4. Valikhanov Ch. Ch. A trip dairy to Lake Issyk-Kul in 1856. *Sobranie sochineniy*. In 5 vols. Alma-Ata, 1984, vol. 1, pp. 306–357. (In Russ.)

5. Semenov P. P. The travelling to Tien Shan in 1856–1857. Moscow, Gos. izd-vo geograf. lit., 1946, 256 p. (In Russ.)

6. Abramson S. M. The ethnographical album of artist P.M. Kosharov (1857). *Sbornik Muzeia antropologii i ethnografii. Leningrad*, 1953, vol. 14, pp. 148–167. (In Russ.)

7. Radlov V. V. From Siberia. The diary pages. Moscow, Nauka, 1989, 749 p. (in Russ.)

8. Abramson S. M. The Kyrgyz and their ethnogenetic and historical-cultural connections. Frunze, Kyrgyzstan, 1990, 480 p. (In Russ.)

9. Beibutova R. A. On the history of weapon names used by Kyrgyz warriors in the epic of Manas. *Voennoe delo i srednevekovaya archeologiya Tsentralnoy Azii*. Kemerovo, 1995, pp. 125–137. (In Russ.)

10. Khudyakov Yu. S. The Kyrgyz in combats and campaigns. Prague: Czech-Mid Asian Chamber of Commerce; State Printing Works of Securities, 2017, 150 p. (in Russ.)

11. Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. Tips of copies of the Kyrgyz Tien Shan from the «Manas Ordo» museum collection and «Rarity» in Kyrgyzstan. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 7, pp. 164–170. (In Russ.)

12. Bernshtam A. N. Historical and archaeological essays of Central Tien-Shan and Pamir-Alai. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1952, 346 p. (In Russ.)

13. Zadneprovskiy Yu. A. The Early nomads of the Pamir Mountains. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arkheologiya SSSR*. Moscow, 1992, pp.95–100. (In Russ.)

Статья поступила
в редакцию 23.01.2020
Статья принята
к публикации 10.02.2020

DOI: 10.15372/HSS20200105
УДК 902/904(571.1)

С.В. ГОРОХОВ

УБИНСКИЙ ПАС: МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИЕ И ПЛАНИГРАФИЯ

Институт археологии и этнографии СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17

Цель настоящего исследования – определение первоначального места расположения Убинского паса (форпоста) и реконструкция его оборонительных сооружений, включая планировку внутреннего пространства укрепления. В качестве источника привлечен путевой дневник И.Г. Гмелина, который посетил форпост в июне 1741 г., следуя из Томска в Тару. В статье приводится авторский перевод текста путевого дневника, касающегося Убинского паса это произведение не издавалось на русском языке. Показано, что первоначально (до переноса в 1746 г.) Убинский пас был расположен на о. Меньшикова, в заболоченной местности на юго-западной оконечности Убинского озера в 2 км к югу от пос. Крещенский. Точное месторасположение форпоста может быть установлено только в ходе археологической разведки. Выполнена графическая реконструкция оборонительных сооружений форпоста и его планировки.

Ключевые слова: Убинский пас (форпост), Новосибирская область, Убинский район, Убинское озеро, И.Г. Гмелин, заплот, ров, вал, рогатки, надолбы, казармы.

S.V. GOROKHOV

UBINSKY PAS: LOCATION AND PLANIGRAPHY

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS
17, Ak. Lavrentieva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The study objective encompasses two components: to determine an initial location of Ubinsky Pas (outpost) and reconstruct its fortifications including planning of the fortress' internal space. The research source base is represented by the travel diary of I. G. Gmelin who visited the outpost in June 1741 on his way from Tomsk to Tara. The article includes an author's translation of the itinerary text related to Ubinsky Pas as this work has not been published in Russian. The researchers have repeatedly referred to I. G. Gmelin's itinerary as an information source to determine its location, layout of fortifications and plan of the fortress yard. However, the location determination was limited to general indications, which considerably distorted the source data. The same is true for characteristics of the fortress wall structure and buildings in the outpost territory. Ubinsky Pas' location was determined by searching for landmarks specified in the itinerary, on modern maps and ensuring alignment thereof. The fortifications were reconstructed in strict accordance with the source text by interpreting it through the lens of modern historical and archeological data on homogeneous objects located in Siberia and the Far East. The reconstruction of the fortification inner yard plan was carried on based on I. G. Gmelin's description, by reconciliation of the object's planigraphic dimensions and garrison's size. The study showed that Ubinsky Pas used to be located (till its translocation in 1746) on the Menshikov Isle, in the moorland, at south-western margin of the Ubinskoe Lake, two kilometers south of Kreshchensky town. The exact location can be determined only during archeological exploration. The author made graphical reconstruction of the outpost's fortifications and its plan.

Keywords: Ubinsky Pas (forpost), Novosibirsk region, Ubinsky district, Ubinskoe Lake, I. G. Gmelin, fence, ditch, chevaux de frise, block obstacles, barracks.

ВВЕДЕНИЕ

В 1722 г. для обеспечения устойчивого функционирования сухопутного пути от Чаусского острога до Бергамакской слободы через Барабинскую степь были основаны три паса (форпоста) – Убинский, Ка-

инский и Усть-Тартасский (Тартасский) [1, с. 46; 2, с. 237]. О начальном периоде функционирования этих объектов почти ничего не известно, так как сведений о них в письменных источниках содержится немного. При этом исследователями не в полной мере за-

Сергей Валерьевич Горохов – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: gorokhov.sv@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

Sergey V. Gorokhov – Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS.

действован потенциал путевого дневника И.Г. Гмелина, в котором наиболее полно освещены особенности локализации форпостов на местности, их планиграфии и архитектуры, а также некоторые другие аспекты их истории.

Цель настоящего исследования состоит в решении проблемы локализации Убинского паса (до его переноса на р. Каргат в 1746 г.) и реконструкции его планиграфии. Для решения поставленных задач необходимо: 1) выявить в путевом дневнике И.Г. Гмелина существенные признаки, указывающие на месторасположение форпоста; 2) установить соответствие между выявленными признаками и существующими в настоящее время географическими объектами; 3) выполнить графическую реконструкцию планиграфии паса.

Основным источником для исследования является фрагмент путевого дневника И.Г. Гмелина за июнь 1741 г., в котором автор подробно описал свой путь из Томска до Тары [3, с. 104–107].

Первое русское укрепленное поселение в районе Убинского озера возникло в первой половине XVII в. Единственное упоминание об этом содержится в отписке атамана Поспела Голубина, в которой он сообщает о бое с калмыками в Барабинском остроге и о приходе подкрепления из летнего острожка на Убинском озере (отписка получена в Таре 5 сентября 1626 г.) [4, с. 17; 5, с. 25]. Место расположения этого объекта не установлено. Не исключено, что этот острожек располагался там же, где в 1722 г. был устроен Убинский пас, так как в условиях сильно заболоченной местности выбор мест для создания укрепленных пунктов был весьма ограничен. С 1729 г. годовальщики из Убинского паса стали добиваться переноса его на р. Каргат, где есть лес, хорошая вода и корм для лошадей. В 1746 г. их просьба была удовлетворена. На месте паса остался почтовый станец [4, с. 33; 6, с. 15; 7, с. 91].

В 1725 г. через Убинский форпост проследовало посольство в Китай во главе с С.Л. Владиславичем-Рагузинским, который оставил в своем путевом дневнике краткую характеристику этого объекта: Убинский острог, «которой таким же образом, как и первой (Усть-Тартасский пас. – С.Г.), на Барабе построен для караулу, 50 человек служилых людей, острог называют сибиряки, где построена из маленьких избушек землянки, будто крепость для дефенсии, хотя оные дефенсии ни к чему не угодны» [8, с. 194].

Некоторые подробности относительно конструкции Убинского паса опубликованы в книге «Летопись сибирских городов»: «Четырехугольный в плане, он был обнесен валом, на котором стоял березовый палисад. По углам были открытые “роскаты” для артиллерии» [9, с. 275]. Данная публикация носит научно-популярный характер и лишена ссылок на источники, поэтому остается неясным происхождение этого описания.

А.В. Шаповалов в автореферате диссертации без ссылки на источник (формат автореферата не предполагает наличие библиографического аппарата) отме-

чает, что на Убинском паса проводились небольшие разведочные работы и сбор подъемного материала [10, с. 6]. Эти же данные приведены А.Р. Артемьевым со ссылкой на «Археологическую карту Новосибирской области» [11, с. 129–130; 12, с. 178]. Нам представляется данное утверждение ошибочным, так как до настоящего времени Убинский пас не был локализован на местности. Источник этой ошибки заключается в неточности формулировок, допущенных в «Археологической карте Новосибирской области».

ЛОКАЛИЗАЦИЯ УБИНСКОГО ПАСА НА МЕСТНОСТИ

Наиболее подробное описание Убинского форпоста составлено И.Г. Гмелиным в июне 1741 г. и опубликовано в Геттингене в 1752 г. на немецком языке. Здесь мы приведем наш перевод фрагмента текста И.Г. Гмелина (впервые на русском языке):

«18 числа с наступлением дня я продолжил путь и должен был примерно на расстоянии шестнадцать верст от моего ночного лагеря проехать через березовый лес¹, который не более пятидесяти саженей в ширину, и от озера Убу, откуда я должен составить рапорт, ехать прямо на юг по направлению к реке Каргат². Татары сравнивали его (озеро Убу. – С.Г.) с гривой жеребца – из-за его длины и узости и поэтому называли его Люгари-ял. Через тринадцать с половиной верст я прибыл к западной оконечности большого озера Убу. Это озеро простирается с запада-юго-запада на восток-северо-восток на пятьдесят верст и в ширину около двадцати саженей³. Озеро находилось в одной версте справа, и зимний путь шел ближе к нему и прямо на Убинский пас, который был на расстоянии двух с половиной верст отсюда. Многочисленные болота, которые там есть, не позволяют этого в летнее время. Мы должны были ехать вокруг, пока не прибыли в Убинский пас – около девяти часов утра. Этот пас по прямой дороге расположен в восьмидесяти четырех верстах от речки Джулим (Чулым. – С.Г.) и в двухстах семи верстах от Чаусского острога. Это круглый пас⁴, в окружности семьдесят три сажени, который снабжен узким и неглубоким рвом по кругу, вне которого расположены надолбы и вокруг них рогатки. К этому пасу сделан въезд с востока и другой с юго-запада. Внутри рвов расположен острог в виде четырехугольника высотой с человеческий рост из совсем тонких лежащих бревен, в котором к южной и восточной стенам пристроены пять жалких казарм. В них содержится гарнизон из пятидесяти человек – частью русских, частью татар. Он подчиняется Каинскому пасу, так как командующий живет не здесь, а в Каинском паса. Он располо-

¹ И.Г. Гмелин двигался с востока на запад из Томска в Тару.

² Это одна из редких ошибок И.Г. Гмелина, так как р. Каргат уже осталась позади и ехать нужно было на запад.

³ Должно быть двадцать верст.

⁴ Имеется в виду не круглая форма, а то, что пас со всех сторон окружен стенами.

Сведения И.Г. Гмелина о расположении Убинского паса и их интерпретация
I.G. Gmelin's Data on Location of Ubinskiy Pas and Interpretation

№ пп	Сведения И.Г. Гмелина	Интерпретация
1	Оз. Убинское было в одной версте справа от того места, где начинался объезд болот	На современных крупномасштабных топографических картах это место уверенно идентифицируется в точке с координатами N55.38199 E79.82735 (WGS84). Данная точка расположена в 0,7–1 версте от Убинского озера (уровень воды в озере колеблется). В этом месте современная проселочная дорога поворачивает налево и огибает болото
2	Зимний путь шел ближе к оз. Убинскому, чем летний, и вел прямо на пас	Зимой нет необходимости объезжать болото и можно преодолеть его, продолжая двигаться вдоль Убинского озера
3	Пас располагался в 2,5 версты (около 2,7 км) по прямой от места, где начинался объезд болот	Если построить окружность радиусом 2,7 км с центром в месте поворота для объезда болот, то по ходу движения И.Г. Гмелина данная окружность накладывается на о. Меньшикова, находящийся среди болот. Этот остров представляет собой серию небольших возвышенностей, разделенных заболоченными участками
4	Многочисленные болота не позволяют в летнее время проехать к пасу напрямую	Болота, которые расположены севернее поворота на объездную дорогу, до настоящего времени остаются непроходимыми для колесного транспорта
5	И.Г. Гмелин вынужден был ехать вокруг болот	Дорога-объезд болот огибает болото с юга и запада, идет вокруг болот
6	Строительный лес (береза) нужно было доставлять на пас за восемь верст	В настоящее время окрестности о. Меньшикова лишены древесной растительности в радиусе нескольких километров
7	При продолжении пути из Убинского паса на расстоянии 2 верст (2,1 км) справа от дороги расположено оз. Кара-Кал, которое в поперечнике достигает 50 сажений (100 м) и которое соединено с Убинским озером речкой Кара-Ойре	Озеро Кара-Кал – это, вероятно, современное оз. Левые Полои (Крещенские Полои), так как это было первое озеро, которое должен был встретить И.Г. Гмелин после того, как покинул Убинский пас. Озеро отличается сильными колебаниями площади водной поверхности, так как связано с Убинским озером несколькими протоками, поэтому указание И.Г. Гмелина на его ширину (100 м), вероятно, носит сезонный характер и не может служить надежным ориентиром. Дополнительным аргументом в пользу такой идентификации озера служит р. Кара-Ойре (кара – «черный» в тюркских языках), которая соединяет оз. Кара-Кал с Убинским озером – до настоящего времени сохранилась р. Черная, которая соединяет эти два озера. Если построить окружность радиусом 2,1 км с центром на южной оконечности оз. Левые Полои, то данная окружность накладывается на о. Меньшикова

жен на открытом и ровном поле, только при этом нет другой воды, кроме получаемой из колодца с журавлем, который был устроен после того, как был прокопан не глубже, чем на сажень. Вода из него, однако, пахнет серой и имеет немного солоноватый вкус, как и вода из многочисленных болот, через которые мы недалеко от острога проехали. Строительный лес не что иное как береза; но его нужно доставлять сюда примерно за восемь верст. Из-за этого казаки уже пять лет подают прошение, чтобы им разрешили этот пас на реку Каргат перенести, где вода хорошая и больше древесины поблизости, а также больше удобства для службы. Они еще не получили ответа, и те, которые здесь находятся уже шесть лет, живут без жен и детей, а также без всего скота и летом не едят ничего, кроме карасей, а зимой питаются тем, что даст щедрая природа и в случае удачи дичью из окрестностей. <...> В двух верстах оттуда я проехал озеро, называемое Кара-Кал, которое осталось справа от меня, которое в поперечнике составляет пятьдесят сажений. На вос-

точном конце в него впадает река Кара-ойре, которая полторы версты из Убю течет⁵ [3, с. 104–107, 110]».

И.Г. Гмелин сообщает ряд сведений о расположении паса (таблица, рис. 1).

Анализ данных И.Г. Гмелина и их интерпретация указывают на о. Меньшикова на юго-западной оконечности Убинского озера как на место расположения Убинского паса.

ПЛАНИГРАФИЯ УБИНСКОГО ПАСА

Автор путевого дневника зафиксировал ряд характеристик конструкции паса: его форма – четырехугольник, протяженность периметра стен – 83 сажени (протяженность одной стены – 45 м), тип стен – заплот (лежащие бревна), материал стен – береза, высота стен – в человеческий рост (1,6–1,7 м); имелось два

⁵ Перевод намеренно не подвергался литературной обработке, чтобы максимально точно передать содержание путевого дневника И.Г. Гмелина.

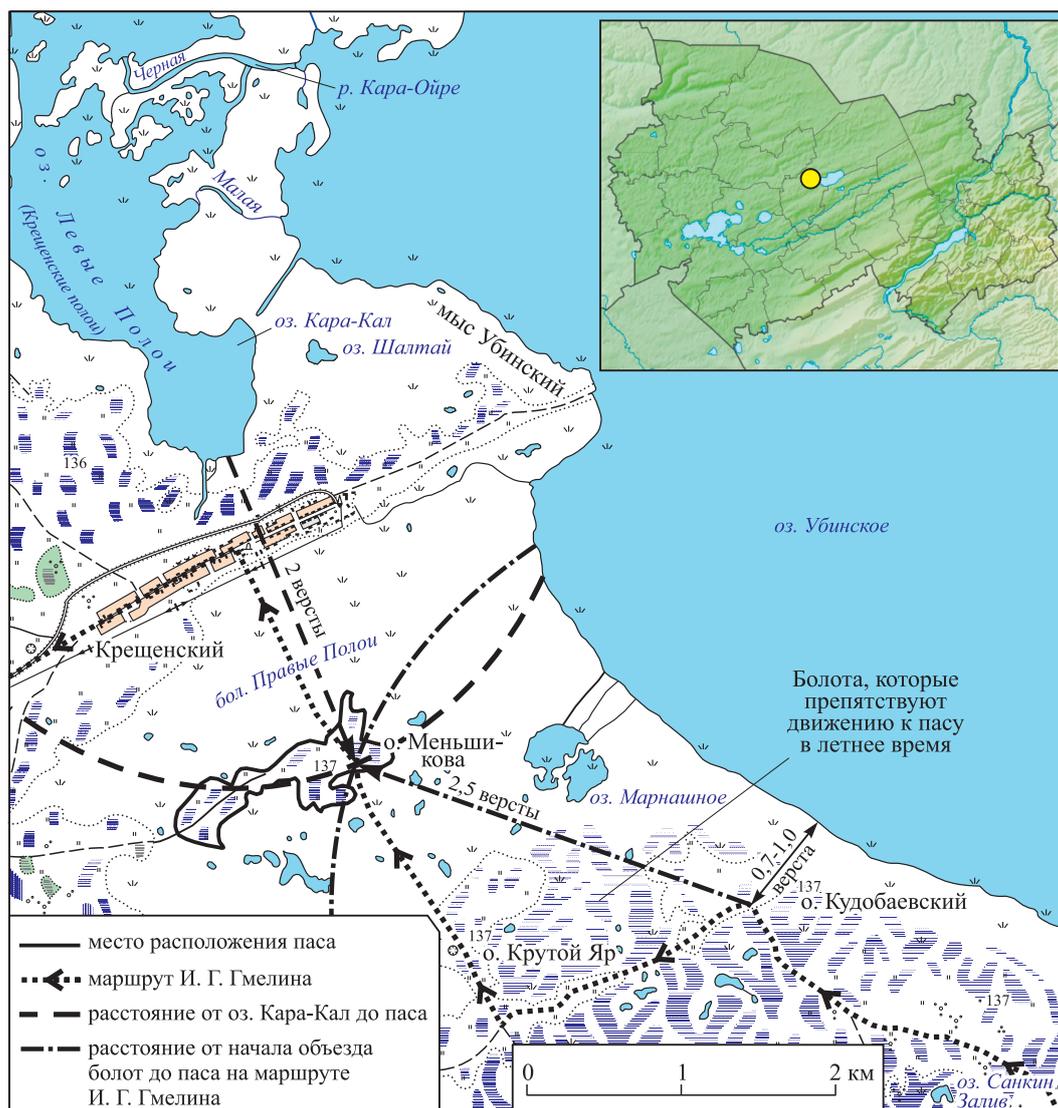

Рис. 1. Карта-схема месторасположения Убинского паса с указанием географических ориентиров из путевого дневника И.Г. Гмелина.

Fig. 1. Map of the location of the Ubinsky pass with the indication of geographical landmarks from the travel diary of I.G. Gmelin.

выезда – с востока и юго-запада; вдоль южной и восточной стен размещались пять казарм; на территории паса был колодец с «журавлем», пас окружен узким и неглубоким рвом, надолбами и рогатками (рис. 2). Вероятно, южная и восточная стены паса были образованы стенами казарм. В нашей реконструкции мы заложили максимально возможную (сообразно с планировкой внутреннего двора паса) площадь казарм, которая составляла около 520 м². То есть на одного годовальщика (всего 50 чел.) приходилось около 10 м². С учетом того, что какое-то относительно просторное помещение занимал командир, а часть площади была занята печами, а также под складирование имущества и содержание скота, можно констатировать, что рядовые годовальщики жили в весьма стесненных усло-

виях. Это обстоятельство не позволяло им перевезти к месту службы семьи, о чем и сообщает И.Г. Гмелин. Впрочем, есть данные, которые указывают на иную численность гарнизона Убинского паса. В докладе командира Каинского и Убинского форпостов Василия Лунеева говорится, что в двух пасах находятся всего 80 чел. вместо 200 чел. [13, с. 600].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследователи неоднократно обращались к путевому дневнику И.Г. Гмелина для локализации его на местности и характеристики конструкции. В 1921 г. вышла монография А.Д. Григорьева, в которой автор в самых общих чертах описал месторасположение паса, но ничего не сообщил о его конструкции [14,

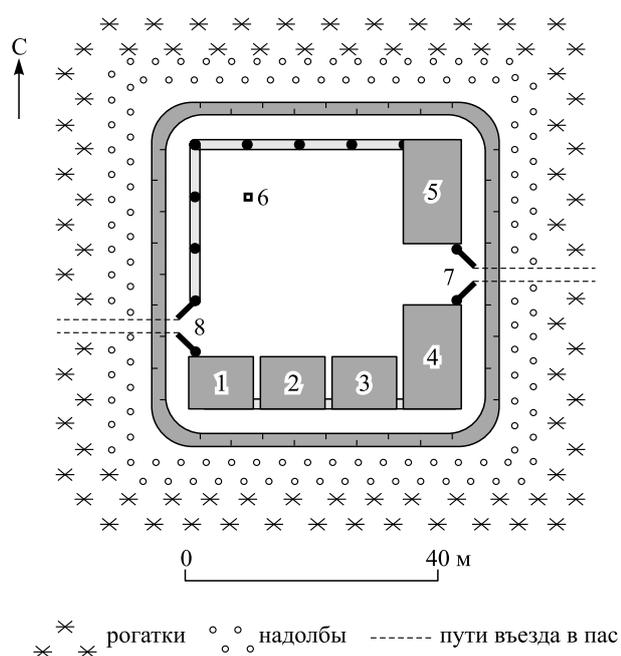

Рис. 2. Реконструкция планиграфии Убинского паса по данным из путевого дневника И.Г. Гмелина. 1–5 – казармы; 6 – колодец; 7–8 – ворота.

Fig. 2. Reconstruction of the planography of Ubinsky pass according to the data from the travel diary of I.G. Gmelin. 1–5 – barracks; 6 – well; 7–8 – the gate.

с. 19]. Работа И.Г. Гмелина была известна Н.А. Миненко, которая лишь констатировала расположение паса к юго-западу от Убинского озера [4, с. 32].

Более обстоятельное описание форпоста в 1997 г. представили О.Н. Катионов и Ф.С. Кузнецова: «Убинский пас находился в двух с половиной верстах от западного берега оз. Убинского среди болот. Он был построен в форме четырехугольника из стоящих бревен на площадке окружностью 83 сажени, обнесенной узким глубоким рвом и надолбами. В пас вели два входа: один с востока, другой с юго-запада» [15, с. 48, 49]. Это описание содержит ряд досадных неточностей, которые существенно искажают описание И.Г. Гмелина: пас располагался в 2,5 версты от начала объезда болот, а не от Убинского озера; укрепление было сделано из лежащих, а не стоящих бревен (заплот, а не тын); 83 сажени составлял периметр стен паса, а не окружность площадки, на которой он расположен; ров был мелким, а не глубоким.

В «Исторической энциклопедии Сибири» отдельная статья посвящена Убинскому форпосту. К сожалению, она изобилует фактологическими ошибками. Так, указано, что пас располагался на р. Убинка и что на его месте впоследствии образовалось с. Убинское. Но это не соответствует действительности [16].

В 2017 г. описание Убинского паса из путевого дневника И.Г. Гмелина опубликовала А.Л. Автушкова: «... пас располагался в двух с половиной верстах

от Убинского озера <...>. В плане – это круг, окруженный узким и глубоким рвом, укрепленным надолбами и рогатками. Форпост имел два входа – с востока и с юго-запада. В южную и восточную стены встраивались пять казарм <...>. Убинский форпост располагался на открытом и ровном поле, где не было никакой воды, кроме колодца <...>. Лес отстоял от форпоста на восемь верст, поэтому дров постоянно не хватало» [17]. Это описание также содержит большое количество ошибок: пас располагался в 2,5 версты от начала объезда болот, а не от Убинского озера; форма паса – четырехугольник, а не круг; ров мелкий, а не глубокий; казармы пристраивались к стенам паса, а не встраивались в них; на расстоянии 8 верст располагался строевой лес, а не лес, используемый на дрова⁶.

В 2018 г. вышли две небольших статьи А.П. Корчагина, в которых автор повторил общую ошибку о том, что Убинский пас располагался в 2,5 версты от Убинского озера, но верно указал, что форпост находился где-то в районе оз. Марнашное [19, с. 164; 20, с. 78].

Опыт анализа текста путевого дневника И.Г. Гмелина в рамках настоящего исследования показал, что качественный перевод текста на русский язык, изучение ландшафтной ситуации, знание истории и археологии русских острогов в Сибири и на Дальнем Востоке являются необходимыми условиями для решения проблем месторасположения барабинских паса, архитектуры их оборонительных сооружений и планировки внутреннего двора укреплений.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-09-42058 «Основные особенности развития оборонного зодчества в Сибири в эпоху Петра I»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. 372 с.
2. Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 512 с.
3. Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen: verlegt Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752. 700 s.
4. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1990. 184 с.
5. Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.
6. Миненко Н.А. Первые русские деревни и города на территории Барабы и Новосибирского Приобья // Город и деревня Сибири в досоветский период. Бахрушинские чтения 1984 г. Новосибирск: [Б. и.], 1984. С. 3–32.
7. Миненко Н.А. Русские остроги и форпосты на территории Новосибирского Приобья и Барабы // Памятники Новосибирской

⁶ Данная статья А.Л. Автушковой изобилует ошибками перевода текста И.Г. Гмелина, где он описывает Умревинский и Чаусский остроги, Убинский, Каинский и Усть-Тартасский форпосты. Ошибки в описании планиграфии Чаусского острога разобраны в [18].

области. Памятники археологии. Памятники истории. Памятники архитектуры. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. С. 80–91.

8. Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. (1725–1727). М.: Главная редакция вост. литературы, 1990. Т. 2. 668 с.

9. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. 304 с.

10. Шаповалов А.В. Саянский острог – памятник материальной культуры русских первопроходцев Южной Сибири XVIII века: автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск: [Б. и.], 1997. 22 с.

11. Артемьев А.Р. Памятники истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока на современном этапе археологического изучения // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования). Владивосток: Дальнаука, 2007. Т. 5. Ч. 1. С. 124–171.

12. Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. 184 с.

13. Романов П.И. Башни Умревинского острога по материалам письменных источников // Баландинские чтения. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018. Т. XIII. С. 598–600.

14. Григорьев А.Д. Известия Института исследования Сибири. № 6. Труды Историко-Этнографического Отдела. № 1. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. Томск: Изд. Том. губ. отд-ния Государственного издательства, 1921. 120 с.

15. Катионов О.Н., Кузнецова Ф.С. Московский тракт и его эксплуатация на территории Новосибирской области // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. Новосибирск: Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГГМ, 1997. С. 48–58.

16. Раев Д.В. Убинский форпост // Историческая энциклопедия Сибири: С–Я. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 343.

17. Автушкова А.Л. Русские остроги и форпосты на территории современной Новосибирской области в описании Иоганна Готлиба Гмелина // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд. дом «Наука», 2017. С. 110–114.

18. Горюхов С.В. Сведения из путевого дневника И.Г. Гмелина о планиграфии Чаусского острога // Баландинские чтения. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018. С. 132–136.

19. Корчагин А.П. Первые укрепленные пункты русских на территории современной Новосибирской области // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. Омск: Издатель-Полиграфист, 2018а. С. 163–164.

20. Корчагин А.П. Остроги и форпосты Барабы и Новосибирского Приобья на картах середины XVIII в. // МНСК-2018: Археология. Новосибирск: Новосиб. нац. исслед. гос. ун-т, 2018б. С. 77–78.

REFERENCES

1. Kationov O.N. Moscow-Siberian highway as the main land transport communication of Siberia of the XVIII-XIX centuries. Novosibirsk, Izd-vo NGPU, 2008, 372 p. (In Russ.)

2. Slovtsov P.A. History of Siberia. From Ermak to Catherine II. Moscow, Veche, 2006, 512 p. (In Russ.)

3. Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen: verlegt Abram Vandenhoeks seel. Wittwe, 1752, 700 p. (In Germany)

4. Minenko N.A. Along the old Moscow highway. Novosibirsk, Novosib. kn. izd-vo, 1990, 184 p. (In Russ.)

5. Borodaev V.B., Kontev A.V. Forming the Russian border in the Irtysh-Yenisei interfluvium in 1620–1720. Barnaul, AltGPU, 2015, 416 p. (In Russ.)

6. Minenko N.A. The first Russian villages and cities in the territory of Baraba and Novosibirsk Priobie. *Gorod i derevnya Sibiri v dosovetskiiy period. Bakhruzhinskiye chteniya 1984 g.* Novosibirsk, 1984, pp. 3–32. (In Russ.)

7. Minenko N.A. Russian forts and outposts in the territory of Novosibirsk Priob region and Baraba. *Pamyatniki Novosibirskoy oblasti. Pamyatniki arkheologii. Pamyatniki istorii. Pamyatniki arkhitektury.* Novosibirsk, 1989, pp. 80–91. (In Russ.)

8. Russian-Chinese relations in the XVIII century. Materials and documents. Moscow, Nauka, 1990, vol. 2: (1725–1727), 668 p. (In Russ.)

9. Rezun D.Ya. *Vasilevskiy R.S.* The chronicle of Siberian cities. Novosibirsk, Novosib. kn. izd-vo, 1989, 304 p. (In Russ.)

10. Shapovalov A.V. Sayan Burg is a monument to the material culture of the Russian pioneers in Southern Siberia of the XVIII century: diss. abstr. Novosibirsk, 1997, 22 p. (In Russ.)

11. Artemev A.R. Monuments of the history of exploring Siberia and the Far East by Russians at the present stage of archaeological study. *Russkie pervoprokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. (istoriko-arkheologicheskie issledovaniya).* Vladivostok, 2007, vol. 5, pt. 1, pp. 124–171. (In Russ.)

12. Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. Archaeological map of Novosibirsk Region. Novosibirsk, Nauka, 1980. 184 p. (In Russ.)

13. Romanov P.I. Umrevinsky fortress towers by written sources. *Balandinskiye chteniya.* Novosibirsk, 2018, vol. 13, pp. 598–600. (In Russ.)

14. Grigorev A.D. Proceedings of the Institute for Siberian Study. № 6. Proceedings of the Historical and Ethnographic Department. N 1. The structure and settlement of Moscow highway in Siberia from the point of view of studying Russian dialects. Tomsk, Izd. Tom. gubern. otd-niya gos. izd-va, 1921, 120 p. (In Russ.)

15. Kationov O.N., Kuznetsova F.S. Moscow highway and its exploitation in the territory of the Novosibirsk Region. *Voprosy kraevedeniya Novosibirskaya i Novosibirskoy oblasti.* Novosibirsk, 1997, pp. 48–58. (In Russ.)

16. Raev D.V. Ubinsky outpost. *Istoricheskaya ehntsiklopediya Sibiri. S-Ya.* Novosibirsk, 2009, pp. 343. (In Russ.)

17. Avtushkova A.L. Russian forts and outposts in the territory of modern Novosibirsk Region described by Johann Gotlib Gmelin. *Kultura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh.* Omsk, 2017, pp. 110–114. (In Russ.)

18. Gorohov S.V. Information from the travel diary by I. G. Gmelin on Chaus Ostrog's planigraphy. *Balandinskiye chteniya.* Novosibirsk, 2018, vol. 13, pp. 132–136. (In Russ.)

19. Korchagin A.P. The first fortified Russian points in the territory of modern Novosibirsk Region. *Drevnie i traditsionnye kultury Sibiri i Dal'nego Vostoka: problemy, gipotezy, fakty.* Omsk, 2018, pp. 163–164. (In Russ.)

20. Korchagin A.P. Ostrog and outposts of Baraba and Novosibirsk Priob Region on the maps of the mid XVIII century. *MNSK-2018: Arkheologiya.* Novosibirsk, 2018, pp. 77–78. (In Russ.)

Статья поступила
в редакцию 14.01.2020
Статья принята
к публикации 10.02.2020

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20200106
УДК 930(571.1/1/5)"1850/1917"

Д.А. АНАНЬЕВ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ПРИАМУРЬЯ И ПРИМОРЬЯ К РОССИИ (СЕРЕДИНА XIX в.) В ОЦЕНКАХ АНГЛО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Институт истории СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8

В настоящей статье содержится обзор основных работ англо- и немецкоязычных исследователей, писавших о присоединении Приамурья и Приморья к России в 1850-х гг.; оценивается их вклад в изучение темы. Установлено, что в своих работах западные исследователи, использовавшие теории и концепции «русской восточной экспансии», «колонизации» и «колониализма», «новой культурной истории», рассмотрели широкий круг вопросов, связанных с заявленной темой; в частности, анализировали причины, предпосылки и последствия российской экспансии на Дальнем Востоке; оценивали роль различных участников процесса. По мнению большинства западных авторов, столь обширные территориальные приобретения способствовали окончательному превращению России в тихоокеанскую державу, что усиливало международные противоречия, которые в итоге привели к Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Ключевые слова: западная историография, российский Дальний Восток, Приамурье, Приморье, Н.Н. Муравьев-Амурский, Айгунский договор 1858 г., Пекинский договор 1860 г.

D.A. ANAN'EV

THE ACCESSION OF THE AMUR AND MARITIME REGIONS TO RUSSIA (MID-XIX CENTURY) AS EVALUATED BY THE ENGLISH- AND GERMAN-LANGUAGE RESEARCHERS

Institute of History SB RAS
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The paper provides an overview of key works of English- and German-language researchers who wrote about the territorial acquisitions of Russia in the Far East in the 1850s; evaluates their contribution to the study of the topic. It is established that in the second half of the XIX – early XX century Western scholars analyzed the issues of Russia's expansion in the Far East in the context of international (above all, Russo-British) rivalry (E.G. von Ravestein, A. Krausse, C. von Zepelin). In the XX century historians-emigres significantly contributed to the study of Russian-language materials associated with the topic. In their works Western researchers used theories and concepts of «Russian eastward expansion» (F.A. Golder, R.J. Kerner, T. Lin); «colonization» and «colonialism» (Yu.N. Semyonov, J. Stephan, J. Gibson); methods of «new cultural history» (M. Bassin, C. Weiss). Diplomatic aspects of the history of Russia's expansion to the Amur region were studied by P. Tompkins, R. Quedstedt, S. Paine; military aspects – by J. Stephan, J. Grainger, A. Rath.

Investigating the reasons for which Russia entered the Amur region, historians noted the empire's constant urge to the sea (A. Krausse, T. Lin); wrote about dominant political reasons related to the imperial expansion (E.G. Ravenstein, D. Dallin, S. Paine etc.), the necessity of expanding the

Ананьев Денис Анатольевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: denis.ananyev@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0001-9448-8454>

Anan'ev Denis Anatolyevich — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

merchant ties (F.A. Golder, R.J. Kerner, T. Lin, M. Mancall, H. Salisbury, J. Gibson). Military and strategic reasons were described by E.G. Ravenstein, A. Krausse, J. Stephan, J. Grainger.

Historians commend the role of various participants of the “Amur venture” such as A.F. Middendorf (D. Landgraf), G.I. Nevelskoy (A.A. Lobanov-Rostovskiy), N.P. Ignatyev, A.M. Gorchakov (R. Quedstedt), however, most researchers believe that the most significant role was played by the Governor-General of Eastern Siberia, Count N.N. Muravyov-Amursky.

Evaluating consequences of acquisition of the Amur and Maritime regions provided by the Treaties of Aigun and Peking, Western authors believe that such vast territorial gains eventually helped turn Russia into a Pacific power; changed the vector of its Far Eastern policy from the North-Eastern to the South-Eastern direction. However, they also made international rivalry more acute, which finally led to the Russo-Japanese war of 1904–1905.

Keywords: Western historiography, Russian Far East, Amur Region, Maritime Region, N.N. Muravyov-Amursky, Treaty of Aigun (1858), Convention of Peking (1960).

ВВЕДЕНИЕ

В середине XIX в. живой интерес западной общественности вызвали активные действия России на Дальнем Востоке, обусловленные, в свою очередь, обострением международных противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По заключению А.В. Ремнева, после поражения России в Крымской войне началась новая «евразийская» фаза, включавшая мощный прорыв империи на Дальний Восток и в Центральную Азию и закончившаяся поражением в войне с Японией [1, с. 29].

В ряду событий и проблем, связанных с историей этого полувекового периода, наиболее обстоятельно зарубежными исследователями (в первую очередь представителями англо- и немецкоязычной историографии) освещалась история присоединения к России Приамурья и Приморья. Несмотря на довольно обширную литературу, посвященную данной теме, специальные историографические исследования на Западе почти не публиковались. В настоящей статье содержится обзор основных работ англо- и немецкоязычных исследователей (второй половины XIX – начала XXI в.), писавших о территориальных приобретениях России на Дальнем Востоке в 1850-х гг.; оценивается их вклад в изучение темы.

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Авторы первых специальных работ, опубликованных в Великобритании и посвященных истории освоения российского Дальнего Востока, не были профессиональными историками. В 1861 г. в Лондоне вышла в свет монография британского исследователя Эрнеста Георга Равенштейна (1834–1913) «Русские на Амуре. Его открытие, покорение и колонизация» [2]. Автор — выходец из Германии, чл.-кор. Франкфуртского географического общества и одновременно сотрудник топографического отдела британского военного министерства. По сути, его исследование явилось откликом на плодотворную деятельность графа Н.Н. Муравьева-Амурского по укреплению позиций России на Дальнем Востоке. Вместе с тем, как подчеркивал сам Э.Г. Равенштейн, его работа «написана не наспех, с целью удовлетворения запросов публики». В течение нескольких лет автор не только собирал и анализировал все доступные публикации по указанной теме (в том числе материалы, изданные в «Вест-

нике» и «Записках» Императорского Русского географического общества (ИРГО)), но и лично общался с непосредственными свидетелями событий в Приамурье и Приморье — как с иностранцами, так и русскими офицерами.

Равенштейн достаточно подробно, по годам, рассказывает об истории Амурской экспедиции и ее участниках (Г.И. Невельском, Д.И. Орлове, Н.К. Бошняке и др.); обороне Петропавловска и маневре русской эскадры в заливе Де-Кастри; подписании Айгунского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров. Он убежден, что действия англо-французских войск в Китае чрезвычайно облегчили русским подписание Айгунского договора и избавили от необходимости прибегнуть к силе оружия. Исследователь называет маловероятными сообщения о том, что российская сторона во время переговоров требовала уступки едва ли не всей территории Маньчжурии. По его мнению, зйти так далеко русские не могли, поскольку не располагали достаточными силами для возможного военного столкновения с Цинской империей. Впрочем, с точки зрения исследователя, в 1859–1860 гг. война была бы неминуема, если бы союзники не заняли Пекин. Э.Г. Равенштейн также высказал предположение, что в будущем, когда слабеющий Китай окончательно распадется на части, Россия сможет заполучить и всю Маньчжурию. Тем самым автор довольно точно определил вектор дальневосточной политики Российской империи на несколько десятилетий вперед.

На рубеже XIX – XX в. в Великобритании издавались публицистические и исторические работы, авторы которых писали о русской экспансии и о «дальневосточном вопросе» (в дополнение к «ближневосточному» или просто «восточному»), воспринимая возвышение России в Азии как прямую угрозу британским интересам [3, р.7]. Так, известный журналист А.С. Краузе (1859 – 1904) опубликовал в 1900 г. в Лондоне книгу «Россия в Азии. Хроника и исследование (1588 – 1899)», где утверждал, что история России состояла из почти непрерывных завоеваний, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке.

По его мнению, Россия, лишившись с подписанием Нерчинского договора выхода к Тихому океану, в течение полутора веков безуспешно пыталась добиться от Китая разрешения на закрепление в устье Амура — до тех пор, пока граф Н.Н. Муравьев-Амурский «самовольно не вторгся на заветную территорию». Автор не склонен оценивать его действия лишь как наруше-

ние Нерчинского договора, поскольку генерал-губернатор Восточной Сибири взялся за обустройство региона, в котором уже де-факто проживали российские подданные. Не видя среди азиатских народов серьезного противника, способного встать на пути русской экспансии, А.С. Краузе полагал, что вопрос о влиянии в Азии фактически решался между славянами и англосаксами.

В отличие от Э.Г. Равенштейна, А. Краузе высказал убеждение, что Е.В. Путятин действительно стремился установить контроль над всей территорией Маньчжурии в обмен на содействие в подавлении восстания тайпинов. Британский исследователь не считал военную угрозу со стороны англо-французских войск решающим фактором, побудившим китайское правительство окончательно уступить России Приамурье и Приморье, и полагал, что угроза со стороны самой России имела не меньшее значение [4, p.19–20].

Если А.С. Краузе вполне искренне восторгался успехами России на пути создания «колониальной империи» в конце XIX в., то американский историк Ф.А. Голдер, наблюдавший резкие изменения в мире и в самой Российской империи в первые десятилетия XX в., был достаточно осторожен в оценках. В своей известной монографии, опубликованной в 1914 г. и посвященной истории «русской экспансии» в Тихоокеанском регионе в 1640-х — 1850-х гг [5], он утверждал, что поначалу русские не осознавали действительного значения Приамурья, поскольку их главный интерес заключался в торговле пушниной. По мнению Ф.А. Голдера, до середины XIX в. освоение Дальнего Востока было довольно хаотичным, однако в 1850-х гг. отношение русских к экспансии в Тихоокеанском регионе существенно изменилось. Отныне Россия не полагалась на одну только силу. Считая неизбежным скорый уход из Северной Америки, царское правительство сконцентрировалось на присоединении территорий, расположенных южнее Амура, в поисках незамерзающего порта. Начиная с этого времени дальневосточная политика империи отличалась прозорливостью, а на местах ее проводили в жизнь наиболее способные государственные деятели.

По словам Ф.А. Голдера, «своими успехами в Приамурье Россия в значительной мере была обязана великому государственному деятелю Н.Н. Муравьеву-Амурскому» [5, p. 263]. Именно он взялся за решение задачи распространения влияния России в Тихоокеанском регионе. Показательно, что сведения, полученные в ходе экспедиции Г.И. Невельского, держались властями в строгом секрете, чтобы не вызывать обеспокоенность Цинской империи и враждебность со стороны других стран, в первую очередь Англии.

В отличие от Ф.А. Голдера, основатель Калифорнийской исторической школы Р.Дж. Кернер полагал, что ценность Приамурья с самого начала осознавали как в Пекине, так и в Москве, поскольку с подписанием Нерчинского договора в конце XVII в. русские лишились не только продовольственной базы, но и возможности установления прочных торговых связей

с Китаем и Японией [6]. В начале 1930-х гг. ученик Р.Дж. Кернера и участник организованного им семинара по истории Северо-Восточной Азии Тун-чи Лин по совету своего учителя приступил к работе над многотомным трудом по истории приграничных территорий Китая после Опиумной войны 1840 г. В 1934 г. Тун-чи Лин опубликовал статью, в которой рассмотрел историю решения «амурского вопроса» в 1850-х гг. [7]. Автор опирался на работы китайских и японских историков, официальные китайские издания, содержавшие тексты дипломатических документов, а также труды западных исследователей.

По заключению Тун-чи Лина, увеличение числа русских поселений на Камчатке, развитие торговли пушниной в Русской Америке, частое появление иностранных китобоев в Охотском и Беринговом морях заставили российские власти задуматься об упрочении своего положения в Тихоокеанском регионе и, в частности, искать удобную транспортную артерию, соединяющую Сибирь и Дальний Восток. Амур представлялся оптимальным водным путем, ведущим из Забайкалья к Тихому океану.

Тун-чи Лин признает, что за время, прошедшее после заключения Нерчинского договора, Китай не колонизовал Приамурье, поскольку родовые владения императорской династии должны были оставаться нетронутыми и незаселенными, а добыча женьшеня и пушнины в регионе являлась монополией императорского дома.

Политику Российской империи в Северной Маньчжурии историк характеризует как довольно агрессивную, а ее успешность объясняет крайне неблагоприятным для цинского правительства стечением обстоятельств, прежде всего, восстанием тайпинов и вторжением англо-французских войск во время Второй Опиумной войны. Исследователь отмечает заслуги Г.И. Невельского, Е.В. Путятина, Н.П. Игнатьева в «амурской эпопее», но главным ее героем называет Н.Н. Муравьева, который в течение нескольких лет готовился к тому, чтобы «защищать Камчатку, используя Амур». Начавшаяся Крымская война, по словам Тун-чи Лина, «развязала руки» генерал-губернатору Восточной Сибири, который теперь мог не принимать во внимание все, что выходило за рамки «военных нужд».

Автор описывает отчаянные попытки цинских властей противостоять натиску северного соседа, дезавуировать Айгунский договор или его отдельные положения. Тун-чи Лин доказывает, что с самого начала китайское правительство давало свое согласие только на уступку свободных (еще не заселенных) территорий на левом берегу Амура — на участке от устья р. Аргуни до устья р. Сунгари. Из китайского текста Айгунского договора явствует, что совместное владение Китаем и Россией предусматривалось только для правого берега Амура от устья р. Усури до моря, тогда как российская сторона распространила действие этого положения на весь Усурийский край. Когда стало известно, что русские строят дома и дороги по обоим берегам Усури, Пекин потребовал от местных властей оказы-

вать «жесткое сопротивление», однако реализовать это требование было невозможно вследствие явного военного превосходства России.

В 1920 – 1940-х гг. проблемы истории присоединения Приамурья и Приморья анализировали в своих публикациях русские исследователи-эмигранты — А.А. Лобанов-Ростовский [8], М.Н. Павловский [9], В.А. Яхонтов [10], И.И. Гапанович [11, 12], Д.Ю. Далин (Д. Даллин) [13]. В отличие от западных исследователей, полагавших, что во взаимоотношениях с соседями (в том числе в Азии) Россия предпочитала полагаться на силу оружия, А.А. Лобанов-Ростовский и М.Н. Павловский утверждали, что до конца XIX в. Россия и Китай поддерживали преимущественно дружественные отношения, основанные на взаимном уважении, а события 1850-х гг. следует считать редким исключением.

Примечательно, что главным героем «амурской эпопеи» А.А. Лобанов-Ростовский называл Г.И. Невельского, в то время как Н.Н. Муравьев-Амурский, по его мнению, лишь дальновидно поддержал инициативу своего подчиненного. Историк также настаивал на том, что вопреки распространённым в англоязычной историографии представлениям суверенные права Китая на эти почти незаселённые территории были лишь номинальными. В свою очередь, В.А. Яхонтов и Д.Ю. Далин утверждали, что дальневосточная политика России носила империалистический характер, а противоречия между Россией и Китаем разрешались отнюдь не на равноправной основе.

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI в.

В работах американских исследователей, опубликованных в послевоенный период и посвящённых истории международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как правило, воспроизводился традиционный тезис об агрессивной политике, проводившейся Россией на Дальнем Востоке в середине XIX в. [14, 15, 16]. Так, Паулина Томпкинс считала решающим фактором, обусловившим территориальные уступки со стороны Китая, военное превосходство России [14]. На это же указывал в своей монографии «Война между Россией и Китаем» американский журналист Г. Сэлисбери, усматривавший в продвижении России в Приамурье реванш за вынужденный уход из региона в конце XVII в. [15].

Более сдержанную позицию занял американский историк Марк Мэнколл. Вслед за Р.Дж. Кернером он признавал большое значение торговых интересов России на Дальнем Востоке, полагая при этом, что Нерчинский договор вполне устраивал обе стороны и не должен рассматриваться как исключительная победа Китая. По мнению историка, следует учитывать, что продолжительные и сравнительно мирные по своему характеру русско-китайские отношения, складывавшиеся на протяжении полутора столетий, повлияли на восприятие России в самом Китае. Цинское правитель-

ство привыкло считать Россию более слабой страной, даже в конце 1850-х гг. отношение к ее действиям разительно отличалось от восприятия действий англичан и французов [17].

«Главным архитектором» оборонной стратегии России на Дальнем Востоке назвал Н.Н. Муравьева-Амурского в одной из своих ранних публикаций известный американский историк Дж. Стефан [18]. Он признавал, что первоначально планы Н.Н. Муравьева относительно закрепления в Приамурье были холодно встречены в Санкт-Петербурге, однако история Петропавловской обороны доказала правоту Н.Н. Муравьева и продемонстрировала стратегическое значение обладания устьем Амура для коммуникаций с Камчаткой и обороны Восточной Сибири.

В монографии по истории российского Дальнего Востока, опубликованной в 1994 г. [19], Дж. Стефан в меньшей степени акцентировал внимание на событиях Крымской войны, заметив, что Санкт-Петербург проявил интерес к Дальнему Востоку значительно раньше — в середине 1840-х гг. — после Первой Опиумной войны. Дж. Стефан показал, что присоединение Приамурья и Приморья стало возможным благодаря усилиям не только генерал-губернатора Восточной Сибири, но и ряда энергичных и инициативных деятелей, его предшественников и соратников, в том числе А.фон Миддендорфа, Г.И. Невельского (и других участников Амурской экспедиции), Е.В. Путятина, Н.П. Игнатьева.

Успешной реализации экспансионистских планов Н.Н. Муравьева способствовали не только активность англичан и французов, но и бездействие цинского правительства. Анализируя ход российско-китайских переговоров, Дж. Стефан указывает на невнимание китайской стороны к смысловым нюансам в тексте договоров. Так, под неразграниченными территориями цинское правительство подразумевало участки территории, непосредственно прилегавшие к рекам и Татарскому проливу, тогда как в русскоязычном варианте это можно было интерпретировать как всю территорию между Уссури и Японским морем, чем и не преминул воспользоваться Н.Н. Муравьев-Амурский. Дж. Стефан резюмирует, что процесс «поглощения» России Приамурья и Приморья явился результатом «захватнических действий, дипломатии и везения».

В 1968 г. британская исследовательница Розмари Квестид опубликовала монографию, в которой впервые в англоязычной историографии подробно осветила историю подписания Айгунского и Пекинского договоров [20]. Не имея свободного доступа к советским архивам, автор активно использовала документальные источники, хранящиеся в США, Великобритании, Франции. Она изучала автобиографии, мемуары, дневники зарубежных дипломатов и торговых представителей, рассматривая повествовательные источники как важное дополнение к официальным российским и китайским документам.

Присоединяясь к мнению большинства китайских историков, Р. Квестид резюмировала, что уступка При-

амурья и Приморья явилась одной из наиболее драматичных страниц в истории Китая в период его ослабления. Для России следствием этого приобретения стало превращение ее в тихоокеанскую державу, а дальнейшее ее участие в маньчжурских делах и в войне с Японией повлияло на внутривосточную ситуацию в империи и развитие революционных событий.

Подробно описывая историю дипломатических миссий Е.В. Путятина и Н.П. Игнатьева, подготовку и подписание Айгунского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров в 1858–1860 гг., исследовательница объясняет успехи российской дипломатии не столько прозорливостью и мудростью Н.Н. Муравьева-Амурского [21], сколько эффективностью внешней политики, проводимой в тот исторический период канцлером А.М. Горчаковым и главой Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевским. Р. Квестид также отметила большую роль сотрудников Российской духовной миссии в Китае (в частности, архимандрита Палладия и А. Татаринова) [22]. Британская исследовательница признала, что Англия и Франция своими действиями невольно помогли России, и хотя европейские державы впоследствии осознали, что именно России достанется «львиная доля» территориальных приобретений в Китае, оказать противодействие политике Петербурга на Дальнем Востоке им не удалось.

В более поздней работе Р. Квестид проанализировала документы из тайваньских архивов, опубликованные специалистами из Академии Синика (Тайбэй) [23]. По ее мнению, эти источники не меняют картину русско-китайских переговоров радикально, но содержат важную информацию. Так, дипломатическая переписка между российским правительством и Лифаньюанем показывает, что Е.В. Путятин действовал в нарушение инструкций, данных ему в Санкт-Петербурге, когда провел секретные переговоры в Тяньцзине по вопросу об амурской и уссурийской границах, поскольку вся полнота ответственности за переговоры о границах была возложена исключительно на генерал-губернатора Восточной Сибири.

Особого внимания исследовательницы заслужило послание, переданное в ноябре 1858 г. Н.Н. Муравьевым китайскому императору через амбана Урги и содержавшее, в частности, предложение в случае оккупации Китая англичанами «взять под защиту народы Монголии и Маньчжурии и позволить им продолжать жить так, как они жили ранее». По мнению Р. Квестид, данный источник отчасти подтверждает правоту тех современников описываемых событий, кто предполагал, что Россия намеревалась взять под свой контроль всю территорию Маньчжурии.

Р. Квестид не удалось обнаружить признаков существования в Китае «пророссийской партии». По ее заключению, лишь некоторые представители правящих кругов Дайцинского государства периодически высказывались в пользу «умиротворения» России. Вместе с тем документы из тайваньских архивов позволили сделать вывод о существовании антироссийской группировки, в которую входили маньчжурские

аристократы и сановники. Р. Квестид цитирует письмо одного из них, где говорится о «ненасытности русских варваров»; о невозможности описать меру опасности, которую они представляют для Китая и о необходимости «использовать яд против яда», разрешив китайским крестьянам переселяться в Маньчжурию и предоставив колонистам право самим организовать оборону заселенных ими территорий.

В 1960 – 1980-х гг. историей освоения русскими Приамурья и Приморья продолжали интересоваться представители Калифорнийской школы. Так, в работах канадского историка Дж. Гибсона развивался тезис Р.Дж. Кернера об «амурском вопросе» как «ключе к объяснению русской экспансии на Дальнем Востоке и в Америке» [24, 25]. В 1980 – 1990-х гг. выпускник Университета Беркли Марк Бассин опубликовал серию статей и монографию [26], в которых исследовал социокультурные процессы, определившие характер и ход дальневосточной колонизации в середине XIX в. Своей главной целью автор считал реконструкцию того образа Дальнего Востока, который существовал в восприятии русских; изучение их представлений о географии региона в рассматриваемый исторический период. По замыслу автора, все это должно было способствовать более глубокому пониманию культуры и образа мыслей отдельных людей, социальных групп и всего общества.

Исследования М. Бассина оказались во многом созвучны тенденциям развития исторической науки последней трети XX в., связанным с «культурным» или «антропологическим поворотом», проблематикой «воображаемой географии» и «ментальных карт». По его мнению, исследуя, каким образом тот или иной социум воспринимает, оценивает и обозначает чужое пространство, мы начинаем лучше понимать, как этот социум воспринимает и оценивает себя.

М. Бассин выделил две доминирующие тенденции развития общественной мысли и культуры России в середине XIX в. С одной стороны, происходило стремительное укрепление националистических настроений, а с другой — расширение еще более мощного и всеохватывающего оппозиционного течения, противостоявшего режиму Николая I. Под воздействием этих факторов формировались и представления русских о Дальнем Востоке. В частности, обеспечение безопасного и надежного выхода в Тихий океан в восприятии современников должно было способствовать возрождению России.

Впрочем, вскоре стало ясно, что Амур — не самая надежная водная артерия. Далее начался поиск на географических картах точного места, которое олицетворяло бы для России ценность территориальных приобретений на дальневосточных рубежах. И вновь поначалу это была сама река Амур, затем взор русских устремился к более южным территориям — к берегам Татарского пролива или же внутренним районам Маньчжурии. Сама же необходимость выбора между этими двумя вариантами вызвала споры о будущем России как морской или континентальной державы.

В 1990-х гг. наряду с исследованиями М. Бассина, отмеченными во многом новаторским подходом к изучению истории дальневосточной колонизации, в ряде работ (например, в монографиях У.Б. Линкольна [27], С. Пэйн [28], Дж.Л. Эванса [29]) воспроизводились вполне традиционные выводы и оценки. Так, американская исследовательница С. Пэйн, анализирувшая эволюцию «российского империализма и китайской гегемонии» в середине XIX в., пришла к выводу о том, что обе империи изначально неверно оценивали собственные интересы, сильные и слабые стороны. Стремясь к мирному сосуществованию и успешному развитию, ни Россия, ни Китай в итоге не достигли желаемого [30]. Впрочем, как справедливо заметила в своей рецензии Дж. Уилсон, предсказание С. Пэйн о том, что российско-китайская граница всегда будет предметом столкновений между странами, не сбывается, хотя демографические процессы в России, Китае и Корее со временем могут привести к определенным подвижкам в этом регионе [31].

В контексте событий Крымской войны анализирует дальневосточную политику России современный английский историк Дж. Грейнджер [32]. Историк называет Н.Н. Муравьева-Амурского «империалистом», стремившимся к расширению влияния России любыми методами, а его риторику, обосновывавшую «возвращение» Приамурья как региона, некогда «принадлежавшего» России, сравнивает с риторикой, характерной для его современника – американского президента Дж. Полка, осуществлявшего экспансию в Орегон и Техас. Схему, изложенную в работе Дж. Д. Грейнджера, в общих чертах повторяет канадский историк А. Рат (университет Макгилла) в своей монографии, анализирующей ход и итоги Крымской войны в глобальной перспективе [33].

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

К изучению истории присоединения к России Приамурья и Приморья обращались и немецкие исследователи, которые, как замечает С. Коткин, уделяли повышенное внимание азиатским владениям России еще со времен академических экспедиций XVIII в. По наблюдениям американского историка, на рубеже XIX – XX вв. немецкие авторы анализировали перспективы российского присутствия в Азии во многом по той же причине, что и британцы, учитывая амбициозные планы Германии в Китае. Так, в начале XX в. о преобладании политических целей имперской экспансии России на Дальнем Востоке писал К. фон Цепелин (1841 – 1913). В работе «Дальний Восток, его история, его развитие в Новейшее время ...» автор изложил историю попыток России присоединить Приамурье [34, С. 6 – 10]. Вслед за А. Краузе, К. фон Цепелин разделял взгляд на Нерчинский договор 1869 г. как дипломатическую неудачу России. Соответственно Айгунский и Пекинский договоры, как и деятельность Н.Н. Муравьева-Амурского в 1850-х гг., обеспечившая установление контроля над При-

амурьем, расценивались как безусловный успех дальневосточной политики России.

В монографии Ю.Н. Семенова (выходца из России, выпускника Московского университета), опубликованной в 1937 г. в Берлине и познакомившей западных читателей в научно-популярной форме с историей присоединения и освоения русскими Сибири и Дальнего Востока, один из разделов посвящен описанию «амурской эпопеи» [35]. Анализируя ход переговоров, завершившихся подписанием Айгунского договора, автор поддержал выводы тех историков, кто объяснял успехи России ее военным превосходством.

Точку зрения Ю.Н. Семенова во многом разделял западногерманский историк Д. Ландграф. В 1989 г. он защитил диссертацию, в которой анализировал ход и итоги русской колонизации Приамурья, Приморья и Сахалина во второй половине XIX – начале XX в. [36] Основное внимание автор уделяет событиям конца 1840-х – начала 1860-х гг. Немецкий историк не ссылается на работу Тун-чи Лина, но также приходит к выводу о том, что участники переговоров в Айгуне столкнулись с трудностями языкового перевода, поскольку использовали сразу три языка (русский, маньчжурский и китайский) и в дальнейшем по-разному интерпретировали ключевые положения, зафиксированные в русском и маньчжурском текстах договора. По заключению Д. Ландграфа, подписавший договор цинский сановник И Шань в действительности не намеревался уступать России левый берег Амура и не соглашался на русско-китайский кондоминиум (совместное владение) в Уссурийском крае, рассчитывая, что до ратификации договора Цинское правительство сумеет отразить и натиск России, и наступление англо-французских войск.

Теоретический и методологический инструментарий «новой культурной истории» применяет в своих исследованиях выпускница Гамбургского университета Клаудиа Вайсс [37], которая в 2006 г. защитила диссертацию (а годом позже опубликовала монографию [38]), посвященную проблеме «ментальной интеграции» Сибири и Дальнего Востока в общеимперское культурное пространство в XIX в. В процессе работы над диссертацией К. Вайсс опиралась на материалы из российских архивов (РГИА, ГАИО, Научного архива Русского географического общества), а также на результаты, полученные современными российскими исследователями (Н.П. Матхановой [39], Л.М. Дамешко [40], М.В. Кузнецовой [41], Т. Н. Оглезневой [42] и др.).

Значительное внимание в книге уделено истории присоединения Приамурья. По словам К. Вайсс, для того чтобы прочно обосноваться в регионе, необходимо было основательно его исследовать. Именно по этой причине Н.Н. Муравьев откликнулся на предложение своего родственника М.Н. Муравьева, ставшего вице-президентом ИРГО, содействовать научному освоению Сибири. Первым и решительным шагом на этом пути К. Вайсс называет учреждение Сибирского отдела ИРГО, в деятельности которого проявилось плодотворное «сотрудничество политики и науки». По

мнению исследовательницы, научная и общественная деятельность ИРГО с самого начала служила не националистическим настроениям русской элиты, а имперским целям Российского государства, способствуя его территориальной и военной экспансии (с соответствующим научным подкреплением).

Выводы, изложенные в работах М. Бассина, К. Вайсс, Н.П. Матхановой, А.В. Ремнева, поддержал современный немецкий историк Д. Дальман – автор известного обобщающего труда по истории Сибири. Он указал на значение Амура для развития торговли и решения военно-стратегических задач, подчеркнул роль в присоединении Приамурья Н.Н. Муравьева, являвшегося «представителем новых сил», которые пришли в Сибирь в середине XIX в. [43].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, теме присоединения Приамурья и Приморья к России посвящена довольно обширная англо- и немецкоязычная историография, в развитии которой, несмотря на разнообразие подходов и концепций, можно усмотреть некоторые общие тенденции. Во второй половине XIX – начале XX в. как британские, так и немецкие авторы, зачастую не являвшиеся профессиональными историками, рассматривали данную тему в контексте международного (прежде всего, российско-британского) соперничества (Э. Равенштейн, А. Краузе, К. фон Цепелин). В своих работах они обозначили основные проблемы, к которым западные исследователи темы (например, С. Пэйн, Дж. Грейнджер) обращались и в дальнейшем: экспансионистские устремления России и других колониальных держав на Дальнем Востоке; проблемы управления дальневосточными территориями России и перспективы их хозяйственного освоения.

С 1930-х гг. под влиянием историков Калифорнийской школы американские и канадские исследователи (Р. Кернер, Тун-чи Лин, М. Мэнколл, Г. Сэлисбери, Дж. Гибсон) уделяли особое внимание социально-экономическим факторам, обусловившим присоединение и освоение русскими дальневосточных территорий. На рубеже XX – XXI в. американские и немецкие историки (М. Бассин, К. Вайсс) использовали методы «новой культурной истории», изучая проблемы «ментального картографирования», «ментальной интеграции» региона в общеперское пространство, развития националистической и имперской идеологий.

В своих работах западные исследователи рассмотрели широкий круг вопросов, связанных с историей присоединения к России Приамурья и Приморья. Выясняя причины продвижения русских на Амур, историки указывали на постоянное стремление России получить выход к морю, в данном случае – найти удобную транспортную артерию, соединяющую Сибирь с тихоокеанским побережьем (А. Краузе, Тун-чи Лин). Многие авторы писали о преобладании причин политического характера, связанных с процессами имперской экспансии, упрочением позиций России на Дальнем

Востоке (Э.Г. Равенштейн, Д. Даллин, С.Пэйн и др.). О необходимости расширения торговых отношений и в целом о причинах экономического характера, вызванных с задачами колонизации региона, писали Ф.А. Голдер, Р. Дж. Кернер, Тун-чи Лин, М. Мэнколл, Г. Сэлисбери, Дж. Гибсон. Военно-стратегическими соображениями объясняли присоединение Приамурья Э. Равенштейн, А. Краузе, Дж. Стефан, Дж. Грейнджер, А. Рат.

В англо- и немецкоязычной историографии высоко оценивается роль различных участников «амурской эпопеи»: А.Ф. Миддендорфа (Д. Ландграф), Г.И. Невельского, Н.П. Игнатьева и даже канцлера А.М. Горчакова (Р. Квестид), но для абсолютного большинства западных исследователей очевидно, что выдающуюся роль, при всех его противоречивых личных качествах, сыграл генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский. Оценивая последствия закрепления за Россией Приамурья и Приморья, западные авторы полагают, что столь обширные территориальные приобретения окончательно превратили Россию в тихоокеанскую державу, обусловили смену вектора ее дальневосточной политики – с северо-восточного на юго-восточное направление, способствовали дальнейшему обострению международных противоречий, которое в итоге привело к Русско-японской войне 1904 – 1905 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 552 с.
2. *Ravenstein E.* Russians on the Amur: its Discovery, Conquest and Colonization. London: Truebner and Co., 1861. 496 p.
3. *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East / Ed. by Stephen Kotkin and David Wolff.* N.Y.: M.E.Sharpe, Inc., 1995. 355 p.
4. *Krausse A.* Russia in Asia: A Record and a Study, 1588–1899. L.: G.Richards, 1899. 476 p.
5. *Golder F.A.* Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions. Cleveland: Kessinger Publishing, LLC, 1914. 384 p.
6. *Kerner R.J.* Russian Expansion to America: Its Bibliographical Foundations // *The Papers of the Bibliographical Society of America.* New York, 1931. Vol.25. P.111–129.
7. *Lin T.C.* The Amur Frontier Question Between China and Russia, 1850–1860 // *Pacific Historical Review.* 1934. Vol. 3, N 1. P. 1–27.
8. *Lobanov-Rostovsky A.* Russian Imperialism in Asia: its Origin, Evolution and Character // *Slavonic and East European Review.* 1929–1930. Vol. 8. P.28–47.
9. *Pavlovsky M.N.* Chinese-Russian Relations. N.Y.: Philosophical Library, 1949. 194 p.
10. *Yakhontoff V.A.* Russia and the Soviet Union in the Far East. N.Y.: Coward-McCann, Inc., 1931. 454 p.
11. *Ковалев М.* От Петербурга до Канберры: жизнь и научные труды профессора И.И. Гапановича // *Acta Slavica Iaponica.* Vol. 34. P.69–93.
12. *Gapanovich J.J.* Russian Expansion on the Amur // *China Journal.* 1931 (October). Vol. XV, N 4. P. 173–182.
13. *Dallin D.J.* The Rise of Russia in Asia. New Haven: Yale University Press, 1949. 308 p.

14. *Tompkins P.* The American-Russian Relations in the Far East. New York: The Macmillan Company, 1949. 426 p.
15. *Salisbury H.* War Between Russia and China. N.Y., 1969. 240 p.
16. *Clubb E.* China & Russia: The "Great Game". N.Y.: Columbia University Press, 1971. 578 p.
17. *Mancall M.* Major-General Ignatiev's Mission to Peking, 1859–60 // *Papers on China*. 1956. N 10. P. 55 – 96.
18. *Stephan J.J.* The Crimean War in the Far East // *Modern Asian Studies*. 1969. Vol.3, N 3. P. 257 – 277.
19. *Stephan J.J.* The Russian Far East: a History. Stanford, 1994. 482 p.
20. *Qvested R.K.I.* The Expansion of Russia in East Asia, 1857 – 1860. Kuala Lumpur: The University of Malaya Press: 1968. 339 p.
21. *Nish I.H.* Rec.ad op.: Qvested R.K.I. The Expansion of Russia in East Asia, 1857–1860. Kuala Lumpur: University of Malaya Press, 1968 // *The Slavonic and East European Review*. Vol.48, N.113 (Oct., 1970). P.609–611.
22. *White J.A.* Rec. ad op.: R.K.I. Qvested. The Expansion of Russia in East Asia, 1857–1860. (N.Y.: Oxford University Press, 1968) // *The Journal of Asian Studies*. 1969 (November). Vol. 29. P. 164–165.
23. *Qvested R.K.I.* Further Light on the Expansion of Russia in East Asia: 1792–1860 // *The Journal of Asian Studies*. 1970. Vol. 29, N 2. P. 327–345.
24. *Gibson J.* Russia on the Pacific: the Role of the Amur // *Canadian Geographer*. 1968. Vol. XVII. N 1, P.15–27.
25. *Gibson J.* The Significance of Siberia to Tsarist Russia // *Canadian Slavonic Papers*, 1972. Vol. 14, N 3. P. 442 – 453.
26. *Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840 – 1865. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 329 p.
27. *Lincoln W.B.* The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. L., 1994. P.190 – 195.
28. *Paine S.C.M.* Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk, N.Y.: M.E.Sharpe, 1996.
29. *Evans J.L.* Russian Expansion on the Amur, 1848 – 1860. The Push to the Pacific. Studies in Russian History. Queenston, Lampeter: The Edwin Mellen Press Lewiston 1999. Vol.1. 245 p.
30. *Foust C.M.* Rec. ad op.: Paine S.C.M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk, N.Y.: M.E.Sharpe. 1996. 417 p. // *The American Historical Review*. Vol.103, N.3 (June, 1998). P. 942.
31. *Wilson J.L.* Rec. ad op.: Paine S.C.M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe. 1996. 417 p. // *China Review International*. Vol.6, N.1 (Spring, 1999). P.223–226.
32. *Grainger J.D.* The First Pacific War: Britain and Russia, 1854–1856. Woodbridge, UK: Boydell Press, 2008.
33. *Rath A.C.* The Crimean war in imperial context, 1854–1856. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2015. 301 p.
34. *Zepelin von, C.* Der Ferne Osten, seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit, seine Lage nach dem Russisch-Japanischen Kriege. II. Teil. Der russische Ferne Osten und seine Besiedlung. Der Amur innerhalb der russischen Grenzen. Die Amurbahn, Schilderung des Amurgebietes. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1909. 183 S.
35. *Semjonow Y.* Die Eroberung Sibiriens, Ein Epos menschlicher Leidenschaften, Der Roman eines Landes. Berlin, 1937. 390 S.
36. *Landgraf D.* Amur, Ussuri, Sachalin: 1847 – 1917. Neuried, 1989. 956 S.
37. Weiss C. Nash: Appropriating Siberia for the Russian Empire // *Sibirica*, Vol. 5, N 1, (Spring 2006). P. 141–155.
38. *Weiss C.* Wie Sibirien unser wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und Ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19. Jahrhundert. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2007. 261 S.
39. *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. В.Я.Руперт, Н.Н.Муравьев-Амурский, М.С.Корсаков. Новосибирск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. 428 с.
40. *Дамешек Л.М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири. XIX – начало XX века. Иркутск: Изд-во СО РАН, 1986. 164 с.
41. *Кузнецова М.В.* Сибирский отдел Русского географического общества: первое 10-летие деятельности // Сибирский архив. Иркутск, 2003. Вып.3. С.61–66.
42. *Оглезнева Т.Н.* Русское географическое общество. Изучение народов северо-востока Азии, 1845 – 1917 гг. Новосибирск: Наука, 1994. 174 с.
43. *Дальман Д.* Сибирь с XVI в. и до настоящего времени. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 559 с.

REFERENCES

1. *Remnev A.V.* Russia of the Far East. Imperial Geography of Power of the XIX – Early XX Century. Omsk, izd-vo OmGU, 2004, 552 p. (In Russ.)
2. *Ravenstein E.* Russians on the Amur: its Discovery, Conquer and Colonization. L.: Truebner and Co., 1861, 496 p.
3. *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East.* Ed. by Stephen Kotkin and David Wolff. N.Y, M.E. Sharpe, Inc., 1995, 355 p.
4. *Krausse A.* Russia in Asia: A Record and a Study, 1588 – 1899. L., G. Richards, 1899, 476 p.
5. *Golder F.A.* Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions. Cleveland, Kessinger Publishing, LLC, 1914, 384 p.
6. *Kerner R.J.* Russian Expansion to America: Its Bibliographical Foundations. *The Papers of the Bibliographical Society of America*. 1931. N.Y., 1931, vol.25, pp.111–129.
7. *Lin T.C.* The Amur Frontier Question Between China and Russia, 1850–1860. *Pacific Historical Review*. 1934, vol. 3, no 1. pp. 1–27.
8. *Lobanov-Rostovsky A.* Russian Imperialism in Asia: its Origin, Evolution and Character. *Slavonic and East European Review*. 1929–1930, vol. 8, pp.28–47.
9. *Pavlovsky M.N.* Chinese-Russian Relations. N.Y.: Philosophical Library, 1949, 194 p.
10. *Yakhontoff V.A.* Russia and the Soviet Union in the Far East. N.Y., Coward-McCann, Inc., 1931, 454 p.
11. *Kovalev M.V.* From Petersburg to Canberra: life and scientific works of Professor I.I. Gapanovich. *Acta Slavica Iaponica*. 2014, vol. 34. pp. 69–93. (In Russ.)
12. *Gapanovich J.J.* Russian Expansion on the Amur. *China Journal*. 1931 (October), vol. XV, no 4. pp. 173–182.
13. *Dallin D.J.* The Rise of Russia in Asia. New Haven, Yale University Press, 1949, 308 p.
14. *Tompkins P.* The American-Russian Relations in the Far East. N.Y., The Macmillan Company, 1949, 426 p.
15. *Salisbury H.* War Between Russia and China. N.Y., 1969, 240 p.
16. *Clubb E.* China & Russia: The "Great Game". N. Y., Columbia University Press, 1971, 578 p.
17. *Mancall M.* Major-General Ignatiev's Mission to Peking, 1859–1860. *Papers on China*. 1956, no 10, pp. 55–96.
18. *Stephan J.J.* The Crimean War in the Far East. *Modern Asian Studies*. 1969, vol.3, no.3, pp. 257–277.
19. *Stephan J.J.* The Russian Far East: a History. Stanford, 1994, 482 p.
20. *Qvested R.K.I.* The Expansion of Russia in East Asia, 1857 – 1860. Kuala Lumpur, The University of Malaya Press, 1968, 339 p.
21. *Nish I.H.* Rec.ad op.: Qvested R.K.I. The Expansion of Russia in East Asia, 1857–1860. Kuala Lumpur, University of Malaya Press, 1968. *The Slavonic and East European Review*. Vol.48, no.113 (Oct., 1970), pp.609–611.
22. *White J.A.* Rec. ad op.: R.K.I. Qvested. The Expansion of Russia in East Asia, 1857–1860. (New York, Oxford University Press, 1968). *The Journal of Asian Studies*. 1969 (November), vol. 29. pp. 164–165.

23. *Questaed R.K.I.* Further Light on the Expansion of Russia in East Asia: 1792 – 1860. *The Journal of Asian Studies*. 1970. vol. 29, no. 2, pp. 327–345.
24. *Gibson J.* Russia on the Pacific: the Role of the Amur. *Canadian Geographer*. 1968, vol. XVII. no 1, pp.15–27.
25. *Gibson J.* The Significance of Siberia to Tsarist Russia. *Canadian Slavonic Papers*, 1972, vol. 14. no 3. pp. 442- 453.
26. *Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840 – 1865. New York and Cambridge, Cambridge University Press, 1999, 329 p.
27. *Lincoln W.B.* The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. London, 1994, pp.190–195.
28. *Paine S.C.M.* Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk, N.Y., M.E. Sharpe, 1996.
29. *Evans J.L.* Russian Expansion on the Amur, 1848 – 1860. The Push to the Pacific. Studies in Russian History. Vol.1. The Edwin Mellen Press Lewiston, Queenston, Lampeter, 1999, 245 p.
30. *Foust C.M.* Rec. ad op.: Paine S.C.M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk, N.Y.: M.E.Sharpe. 1996. 417 p. *The American Historical Review*. (June, 1998). vol.103, no 3, 942 p.
31. *Wilson J.L.* Rec. ad op.: Paine S.C.M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe. 1996. 417 p. *China Review International*. (Spring, 1999), vol.6, no.1, pp. 223–226.
32. *Grainger J.D.* The First Pacific War: Britain and Russia, 1854–1856. Woodbridge, UK, Boydell Press, 2008.
33. *Rath A.C.* The Crimean war in imperial context, 1854–1856. New York: Palgrave MacMillan, 2015, 301 p.
34. *Zepelin von, C.* The Far East, its history, its development during the Modern Age, its situation after the Russo-Japanese War. Part 2. The Russian Far East and its Settlement. The Amur within the Russian borders. The Amur railroad, description of the Amur region. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1909, 183 p. (In Germ.).
35. *Semjonow Y.* The Conquest of Siberia. The Epos of Human Passions. The Novel of a Land. Berlin, 1937, 390 p.
36. *Landgraf D.* Amur, Ussuri, Sachalin: 1847–1917. Neuried, 1989, 956 p. (In Germ.).
37. *Weiss C.* Nash: Appropriating Siberia for the Russian Empire. *Sibirica*, Spring 2006, vol. 5. no. 1, pp. 141–155.
38. *Weiss C.* How Siberia Became “Ours”: The Russian Geographical Society and Its Impact Upon the Images and Views of Siberia in the XIX Century. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2007, 261 p. (In Germ.)
39. *Matkhanova N.P.* Governors-General of the Eastern Siberia in the Mid-XIX Century. V.Ya. Rupert, N.N. Muravyov-Amurskiy, M.S. Korsakov. Novosibirsk, Izd-vo Irkut. Un-ta, 1998, 428 p. (In Russ.)
40. *Dameshek L.I.* Domestic policy of Tsarism and the Peoples of Siberia. XIX – Early XX Century. Irkutsk, Izd-vo Irkut. Un-ta, 1986, 164 p.
41. *Kuznetsova M.V.* Siberian Branch of the Russian Geografic Society: the first 10 years of activities. *Sibirskiy Arkhiv*. Irkutsk, 2003, issue 3. pp.61–66.
42. *Oglezneva T.N.* Russian Geographical Society. The Study of the Peoples of North-Eastern Asia, 1845 – 1917. Novosibirsk, Nauka, 1994, 174 p.
43. *Dahlmann D.* Siberia from the XVI century to the Present. Moscow: Political Encyclopedia, 2016, 559 p.

Статья поступила
в редакцию 12.01.2020
Статья принята
к публикации 23.01.2020

DOI: 10.15372/HSS20200107
УДК 94(47)06+344.3

А.В. ДМИТРИЕВ

ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ РОССИИ XVIII в. С ПОЗИЦИЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Новосибирский государственный университет
РФ., 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

Статья посвящена рассмотрению нескольких судебно-следственных дел в отношении военнослужащих русской регулярной армии XVIII в. по обвинениям в преступлениях против норм семейной жизни. В сфере юрисдикции военных судов находились не только сами военнослужащие, но и члены их семей. При этом виновными, согласно действующему законодательству, признавались не только лица, совершившие преступления, но и пострадавшие от их действий члены семьи. Такие приговоры доказывают, что в повседневной жизни России XVIII в. еще продолжали использоваться правовые нормы, унаследованные от предшествующего периода. Солдаты регулярной армии, являвшейся инструментом осуществления модернизационных процессов в Российской империи, оставались носителями традиционных представлений, санкционированных действующим в рассматриваемый период законодательством.

Ключевые слова: русская армия, XVIII в., повседневность, военнослужащие, семейная жизнь, военные суды.

A.V. DMITRIEV

CRIMES IN THE FAMILY LIFE OF MILITARY PERSONNEL OF THE 18th CENTURY RUSSIAN ARMY FROM THE PERSPECTIVE OF THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Novosibirsk State University
1 Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is devoted to studying the representations and legal rules that were the base of the family life of Russian empire's regular army servicemen in the 18th century. The sphere of family life is one of the most important types of social practices, which are necessary to research the problems of everyday life's history. Due to limited source base for this period the author considered it possible to bring for consideration materials from judicial investigative cases of soldiers' crimes in relation to their family members. These cases stored in the Russian State Military History Archive (RGVIA) allow presenting views that guided the servicemen relationships with their wives, and how the crimes, committed by soldiers, were assessed from the current legislation's point of view. The study of these archive materials led the author to the following conclusions. First, the military courts in Russia during the 18th century used the church law norms valid in previous periods in addition to the special legislation (Military Article) to verdict the family life's crime cases. Second, not only the criminals themselves were convicted, but their victims, who turned out to be soldiers' wives in the cases under consideration. Third, the guilty bore reduced sentences in comparison with the prescribed ones by laws for their committed crimes. These cases show that the rights of servicemen family members in Russia in the 18th century were poorly protected by legislative norms. Besides, we can see that even military servicemen kept traditional views about the style of family life supported and authorized at the legislative level by imperial state powers, although the regular army was used as the main tools for the transition to modern society in the country

Key words: Russian army, 18th century, everyday life, servicemen, family life, military courts.

ВВЕДЕНИЕ

Обращением к истории повседневности, изучаемой на материалах самых различных периодов рос-

сийской истории, сегодня вряд ли можно удивить отечественных исследователей. По меткому выражению В. В. Керова, сейчас мы имеем просто «вал работ

Андрей Владимирович Дмитриев – д-р ист. наук, доцент, Новосибирский государственный университет, e-mail: khaldeus@academ.org. <https://orcid.org/0000-0001-9211-0407>

Andrey V. Dmitriev – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University.

по «истории повседневности», «повседневной истории» [1, с. 52]. Однако во многих случаях приходится сталкиваться с таким эффектом, как, например, «усиление внимания к бытоописательной составляющей истории повседневности в ущерб анализу социально-психологических компонентов» [2, с. 35]. Действительно, в ряде публикаций понятия «быт» и «повседневность» фактически отождествляются, что остро ставит вопрос о методологическом соответствии подобных исследований классической модели немецкой *Alltagsgeschichte* как направления, ориентированного в первую очередь на выявление социальных практик на уровне микроисторического анализа. Другой проблемой оказывается ограниченность источниковой базы для такого рода исследований по мере движения от современности в глубь веков. В частности, это касается и изучения истории повседневности на материалах Российской империи XVIII в.

Нельзя сказать, чтобы для данного периода российской истории совсем отсутствовали работы подобного типа. В частности, следует назвать некоторые диссертационные исследования, посвященные повседневной жизни горожан или государственных служащих (см., напр.: [3; 4; 5]), а также превосходную монографию А. Б. Каменского [6]. Однако до сих пор фактически отсутствуют работы, посвященные повседневной жизни военнослужащих регулярной армии Российской империи XVIII столетия. Единственной известной нам попыткой реконструировать картину «военно-служебной повседневности» является работа С. В. Карпушенко [7]. К сожалению, для нее как раз характерна неразграниченность понятий «быт» и «повседневность», поэтому ее содержание являет собой скорее ряд бытовых очерков-зарисовок, да еще и без ссылок на используемые источники. А между тем именно повседневная жизнь чинов регулярной армии империи не только предоставляет богатый материал для изучения социальных практик на индивидуальном уровне, но и позволяет проникнуть в специфику взаимоотношений государства и общества, верховной власти и ее подданных – ведь люди, носившие военные мундиры, не только оставались представителями той социальной среды, из которой происходили, но и становились «агентами влияния», «верными слугами» имперского государства, т. е. теми, кто должен был исполнять не свою, а чью-то чужую волю. Как соотносились в их сознании эти две ипостаси, до какой степени они могли одновременно сохранять в своем сознании собственные социально-культурные стереотипы и воспринимать навязываемые им поведенческие практики?

По нашему мнению, приблизиться к ответам на эти вопросы может позволить изучение некоторых аспектов семейной жизни военнослужащих в России XVIII в. Поэтому в данной статье мы уделим внимание преступлениям, совершавшимся последними в их личной / семейной жизни, мотивам этих преступлений и вынесенным за них наказаниям. В фонде генерал-аудиторской экспедиции канцелярии Военной

коллегии (ф. 8) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) сохранился значительный массив судебно-следственной документации по самым разнообразным делам, рассматривавшимся судами военного ведомства на протяжении большей части XVIII в. Определенную долю среди них составляют и судебно-следственные дела по преступлениям, совершенным военнослужащими в отношении членов собственных семей, прежде всего жен. Как показал П. П. Щербинин, именно судьбы женщин, выходявших замуж за солдат регулярной армии, наглядно иллюстрируют ситуацию «противостояния административного и человеческого измерения», когда нужды и потребности государства, которому служили их мужья, приводили к конфликтам и даже трагедиям в сфере брачно-семейных отношений [8]. Предвидя возражения относительно того, что в фактах девиантного / криминального поведения вряд ли можно в полной мере усматривать отражение повседневных социальных практик, заметим, что другого рода информацию в сохранившихся источниках встретить практически невозможно – эта ситуация характерна для всего XVIII столетия. Только документы, связанные с обращением отдельных лиц к официальным властям по тем или иным поводам (прежде всего, криминальным), имеют достаточно высокую степень сохранности, позволяя исследователям успешно оперировать ими; источников личного происхождения за данный период, оставшихся от военнослужащих, а тем более от членов их семей, мы почти не находим.

ДЕЛО О ДВОЕЖЕНСТВЕ

Вопрос о семейной жизни солдат регулярной армии, как справедливо указывает П. П. Щербинин, уже с самого начала XVIII в. был одним из «камней преткновения» для имперского государства: «Брачные узы считались священными, и военные, гражданские и церковные власти не решались формально запрещать жене быть при муже» [8]. Однако понятно, что пребывание на службе вместе с супругой оборачивалось комплексом проблем, причем не только для самих солдат и их жен, но и для полкового начальства: «Солдатская жена... не обладала правом самостоятельного выбора профессионального занятия, передвижения, а попадала в зависимость от полкового командира. Такая женщина уже не имела права распоряжаться своей судьбой, как ей заблагорассудится... В середине XVIII в. существовала специальная инструкция для полковников, чтобы они подыскивали работу для солдатских жен в пределах полка» [8]. Это означало, что мужчины, попадавшие в рядовой состав регулярной армии России, фактически лишались возможности что-то изменить в собственной семейной жизни, тем более что в 1764 г. «нижним чинам было запрещено вступать в браки без согласия полковых командиров» [8]. Такая ситуация неизбежно приводила к разнообразным конфликтам с участием супругов, а разрешение этих конфликтов и вынесение наказаний в случае, если

был преступлен закон, переходило в сферу компетенции военных властей, правда, с учетом того, что нормы семейной жизни в России XVIII в., как и ранее, определялись церковными правилами.

Наглядно демонстрирует эту тенденцию одно из изученных нами дел. В 1755 г. сибирский губернатор В. А. Мятлев направил для утверждения в Военной коллегии приговор, вынесенный по делу рядового Якутского гарнизонного пехотного полка Михаила Сторожилова. Дело это тянулось, как минимум, с 1747 г., но только теперь в 1755 г. было доведено до утверждения приговора. А заключалось оно в следующем: Сторожилов, не имея законной возможности расторгнуть брак со своей женой Авдотьей, с которой проживал в Забайкалье (в Удинске), фактически продал ее нерчинскому ясачному Андрею Коротову, а сам женился на другой женщине в Тобольске, объявив властям, что его первая супруга умерла. Более того, за эту «продажу» своей первой жены он взял у Коротова 20 руб. деньгами, коня и воз сена¹. Будучи изобличен, он пытался отпираться, утверждая, что получил указанные выше деньги и товары якобы за оставшийся у его жены Авдотьи рогатый скот, однако, «будучи со оным Коротовым на очной ставке, точно признался, что он показанные денги и прочее взял за то, чтоб оному Коротову жить со оною женою ево в супружестве, а ныне де он Старожилов оную жену свою к себе в супружество взять не желает за старостию и за болезнию своею»².

Военные власти в лице полкового командира и коменданта г. Селенгинска бригадира В.В. Якоби переадресовали разбирательство в Иркутскую духовную консисторию, руководствуясь статьей 171 петровского Артикула воинского, которая гласила: «Кто при живой жене своей на другой браком сочтается, и тако две жены разом иметь будет, онаго судить по церковным правилом»³. Церковные власти при разборе данного дела опирались на содержащиеся в Кормчей книге постановления Шестого Вселенского собора (680–681 гг.): «Яже от мужа пушчена бывши жена за другаго поидет, прелюбодейца есть, и пустивый жену свою и ину по им прелюбы творит... мужеви без вести бывшу, и не уведевши о нем жена ево идет за иного, прелюбы творит, да возвратившуся мужу ея ашче хошет да поимет ее»⁴. В данном случае, как видим, вообще не ставился вопрос о том, добровольно пошла Авдотья на этот шаг или под давлением мужа, исполняя его волю. Относительно же самого Сторожилова духовная консистория посчитала нужным руковод-

ствоваться правилами Василия Великого, предусматривавшими наложение на семь лет епитимьи: «Иже свою жену оставя и другую поял, прелюбодей сын семь лет запрещенное да примет, лето едино да плачет, да два послушая Божественных писании, три лета припадая, и седмое стоя с верными без общения, и потом да причастится святых даров»⁵.

Преосвященный Софроний, епископ Иркутский и Нерчинский, утвердил следующее решение, на которое получил одобрение от Синода из Петербурга: «Означенную женку Овдотью... от сожития ясачного Коротова разлучить вовсе, для того что она Овдотья, не обождав о показанном своем муже Сторожилове подлинного известия, что он подлинно ль умре, вышла за того Коротова от жива мужа, и обявав ее под опасением жестокого наказания подпискою, чтоб она Овдотья показанного Коротова за мужа не признавала, ибо он Коротов не бе ей истинный муж, но прелюбодей, послать для покаяния в Иркутской Знаменской девичь монастырь того монастыря к намеснице монахине Анне Истлентьевой при указе ея императорскаго величества, и чтоб она намесница ее Овдотью содержала в том монастыре в монастырских трудах по приличности ее лет до дне кончины ее неисходно и со оным Коротовым ни под каким образом видется отнюдь не допущала»⁶.

Самому Коротову «за то, что он показанную женку Овдотью у означенного Сторожилова купил в противность правил святых и христианского закона», предписывалось «учинить жестокое плетми наказание и по тому ж взять с него под опасением жестокого наказания подписку, чтоб он Коротов показанную женку Овдотью за жену свою не признавал и на оной отнюдь не женился»⁷. Относительно самого Сторожилова было подтверждено решение об отставке с военной службы и об отправлении его в Киренский Троицкий монастырь для покаяния, «которое покаяние велено исполнять ему публично, дабы на то смотря другие таких противно церкви святой беззаконий чинить имели опасность»⁸. По представлению сибирского губернатора Мятлева этот приговор был утвержден без изменений в Военной коллегии.

Фактически мы видим, что главный виновник – Сторожилов – понес наказание значительно более мягкое, нежели другие обвиняемые по этому делу. С учетом того, что в 1755 г. этому солдату исполнилось уже 56 лет, а на службе он находился более 30 лет (с 1723 г.), такой вариант ухода с военной службы мог, пожалуй, представляться не худшим, ведь и во многих других случаях рядовых солдат, которые в силу возраста или по состоянию здоровья уже не могли продолжать «тянуть лямку», должны были брать на содержание после отставки либо их родственники, либо монастыри и богадельни. Получить в таком возрасте гарантированный источник пропитания, пусть даже

¹ Продажа людей формально в дворовые, а фактически в рабское услужение имела место в стране в течение всего XVIII в., в том числе в Сибири. Правда, большая часть известных здесь фактов такого рода касалась представителей нерусского населения. – См., напр.: [9].

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 8. Оп. 2. Д. 330. Л. 1 об.

³ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 360.

⁴ РГВИА. Ф. 8. Оп. 2. Д. 330. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 2 об., 3.

⁶ Там же. Л. 3, 3 об.

⁷ Там же. Л. 3 об., 4.

⁸ Там же. Л. 4 об.

с семилетним церковным покаянием – вряд ли это давало бы повод жаловаться на судьбу... Участь его супруги выглядит куда печальнее, да и ясачный Коротов, в конечном итоге, понес одни убытки, ничего для себя не выиграв. В данном случае военнослужащий, ставший инициатором совершения преступления против государственных и церковных законов, в глазах властей оказался виноватым в меньшей степени, чем его жена и второй супруг последней.

ДЕЛО О ПОКУШЕНИИ НА УБИЙСТВО СУПРУГИ

Случаи двоеженства, конечно, выглядели явлением скорее экзотическим в российской армии XVIII в. Гораздо более распространенным феноменом семейной жизни военнослужащих оказывалось появление у солдатских жен внебрачных детей в условиях многолетней разлуки с законным супругом. Как отмечал П. П. Щербинин, «отношение мужей-солдат, вернувшихся со службы и обнаруживших незаконных детей у своих жен, в большинстве случаев было резко негативным. Разъяренные мужья по обычному праву могли поступать с такими женами, как им заблагорассудится... а расправы солдат с неверными женами нередко заканчивались убийством» [8]. Как раз такому случаю посвящено другое из изученных нами дел, когда в 1792 г. рядовой 4-го полевого мушкетерского батальона Федор Кондратьев пытался убить свою жену Марию после того, как прибыл домой в отпуск и обнаружил ее с полугодовальным младенцем на руках.

Получив отпуск на два месяца, Кондратьев в начале января 1792 г. приехал в одну из деревень близ г. Сергиевска Уфимского наместничества «в общей с братом его дом и застал у жены своей прижитую незаконно дочь, но не ссорясь за сие прожил с ней недель с пять или шесть»⁹. Единственное, что он хотел сделать перед отъездом обратно в распоряжение своей части, – это подать в местном земском суде просьбу на отца родившейся полгода назад девочки, «новокрещена» Петра Осипова, «в неплатеже им жене его за трехгодичную у него в работе бытность денег» (15 руб.)¹⁰. Однако его якобы отговорил от этого намерения некий вахмистр Оренбургского драгунского полка. Тогда 19 февраля Кондратьев, уезжая в свой батальон, попросил жену проводить его на несколько верст, а она взяла с собой дочь. В дороге он «начал спрашивать, где она в разсуждении его отъезда и разлуки с нею останется жить, на что она отвечала ему, что пойдет опять к тому же новокрещену, у котораго прежде жила», и тогда он, «почувствовав досаду, ударил штыком в голову, отчего ножны с него скинулись, будучи ж в исступлении, начал колотить оным где попало»¹¹. Нанеся Марии 11 ран, он пришел в себя и вернулся в деревню, явившись прямо к старосте с повинной, причем его супруга осталась в живых, а вот младенец погиб. Как предположили чиновники земского суда, «хотя на теле его

никаких ран и знаков, от чего он умер, по свидетельству не оказалось, но по заморанию лица его кровью видно, что задавлен»¹². Сама Мария также подтвердила это предположение, показав при допросе, что ее муж «начал прощаться и, поцеловав ее и робенка по три раза, вдруг вынул бывшей с ним штык и сказал, теперь тебе смерть, ударил штыком в грудь, а потом и где попало колотил, от чего она, защищаясь, младенца бросила под правой свой бок и зделалась сама без чувства»¹³.

Случившееся казалось тем более необъяснимым, что, как заверяла жертва, «во все время бытия того мужа ее с нею он не токмо ее не бил, но и не бранивал ни за что, а обходился всегда ласково»¹⁴. Кондратьев же при допросе в земском суде так изложил мотивы совершенного им поступка: «Как отъехал версты две от села, вдруг вздумав, что уже никогда не будет домой, и жена останется, сказал ей, что разсудил лучше ее заколоть, нежели оставить, и взяв бывшей тогда при нем штык, оным ее колотил где попало... и, подъезжая уже к деревне, опамятовался и, пришед в безмерное сожаление и раскаяние, привез их прямо на двор к старосте... и, пошед в ызбу, о зделанном злодеянии объявил»¹⁵. Правда, он не умолчал и о том, что в этот момент был пьян, чем, вероятно, хотел оправдать вдруг пришедшую ему в голову мысль, что он уже никогда больше не увидит свою жену. Этим же, видимо, можно объяснить и то обстоятельство, что убийца так и не сумел умертвить Марию, а только нанес ей множество ранений: «Опасных пять, неболших шесть, а всего одинатцать ран, в определении ж онаго земскаго суда, того ж числа учиненном, изъяснено, что она от тех ран в жизни опасна»¹⁶.

Рассматривавший дело военный суд в г. Уфе в первую очередь обратил внимание на причину, вызвавшую столь трагический исход, отметил: «Видно, что, когда она, быв в пути в провожании жены, стал ее спрашивать, где в разсуждении отсудствия его останется жить, то она не устыдилась скрыть от него, что намерена по-прежнему взять себе прибежище у того же человека, с коим она доселева прижила дочь, имевшуюся у ней тогда на руках»¹⁷. Подобное намерение в глазах судей выглядело совершенно неприемлемым. Правда, они также задались вопросом: «Соображая таковой жены его поступок с мужем, имеющим на нее законные права, мог ли бы он простить ее слабость?»¹⁸. И сами же ответили на него следующим образом: «В сем огорчительном для нево случае нельзя было ему смотреть на нея равнодушно, и чтоб не иметь досады, которую она таким отзывом ему причинила, но к унятию ее от сего намерения предпринять он должен был не такое оружие, каков штык»¹⁹.

¹² Там же. Л. 8 об.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ Там же. Л. 9, 9 об.

¹⁵ Там же. Л. 8 об., 9.

¹⁶ Там же. Л. 10.

¹⁷ Там же. 10 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

⁹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1757. Л. 8 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 9 об.

Фактически суд признавал, что узнавший об измене жены солдат, к тому же понявший теперь, что она собирается и дальше жить с другим, от которого уже родила дочь, имел все законные права для того, чтобы наказать свою супругу за подобное поведение. Единственное, что должно было ограничить его в выборе возможных поступков – это использование боевого оружия с намерением лишить жизни. А поскольку Кондратьев, как он сам признавался, был пьян, то и последующие его действия можно было списать на состояние аффекта: «В азарте, которой в нетрезвом человеке паче увеличивается, колот ее тем штыком, как и где случилось»²⁰.

Судьи не отрицали тяжести совершенного солдата преступления: «Подверг он себя, яко учинивший злое дело в пьянстве, которое его ни в чем не извиняет, под изображенное в толковании на 163 артикул как умышленный убийца наказание, и хотя он, апамятовавшись и познав свою вину, без доказательств на него сам добровольно, приехав в деревню, старосте о том объявил, однако ж сим поступком еще не заслужил никакова уважения, ибо сделанные им жене своей штыком раны, по свидетельству Сергиевского нижняго земскаго суда оказались опасны, из коих пять почтены быть могут за смертныя»²¹. Однако любопытно, какую формулировку содержало толкование 163-й статьи Артикула воинского, на которую они в данном деле решили сослаться. Толкование гласило: «Ежели убийство учинитца не нарочно, или не в намерении кого умертвить, якобы кто похотел жену свою или дитя наказать, и оную так жестоко побьет, что подлинно от того умрет, то правда, что наказание легче бывает»²². А вот гибель дочери уже нельзя было оправдать ничем, поскольку ее «вышеписанная жена его, которой побой чинены были в повоске, по тесноте места, спасая жизнь свою от наносимых ей ударов, с рук своих, как сказывает, збросила под правой бок и под собою задавила в беспамятстве... и ежели б он не колот жены своей, то б и сего задавления случитца не могло»²³.

Необходимо отметить, что преступления (в частности, убийства), совершенные в состоянии опьянения, Артикул требовал карать даже более жестоко: «Когда кто пьян напьется, и в пьянстве своем что злаго учинит, тогда тот не токмо, чтоб в том извинением прощение получил, но по вине вящшею жестокостию наказан быть имеет... А особливо, ежели такое дело приключится, которое покаянием одним отпущено быть не может, яко смертное убийство и сему подобное: ибо в таком случае пьянство никого не извиняет, понеже он в пьянстве уже непристойное дело учинил»²⁴.

Исходя из этого, военный суд 18 июля 1792 г. вынес приговор в точном соответствии с действующими

нормами Артикула: «Приговорили реченного мушкатера Кондратьева за намерение в пьяном образе учинить жене своей смертное убийство, которое и действием произвел колотием ее штыком, а также и за задавление чрез то младенца... казнить смертию отсечением главы»²⁵. Но при этом судьи не забыли и о необходимости наказать пострадавшую, а заодно и отца погибшего младенца: «Дабы жена его и новокрещен Петр Осипов, оказавшийся в прижитии незаконно младенца, в гражданском правительстве согласно воинскаго 169 артикула были суждены, то выписав ис производства экстракт, отослать в Уфимское наместническое правление», причем освободить Марию от ответственности, по их мнению, могла бы только смерть: «Буде объявленная женка от учиненных ей мужем ея ран померла, то поступок ее предать воли Божией»²⁶.

Интересно, что ее сочли виновной как подлежащую действию именно Артикула воинского, а не гражданского законодательства, хотя и намеревались передать в распоряжение суда наместнического правления, т. е. гражданской администрации. Упомянутая статья 169 Артикула гласила, что «ежели муж женатый с женою замужнею телесно смешаетца, и прелюбодеяние учинят, оные оба наказаны да будут, по делу и вине смотря»²⁷. Таким образом, преступниками априори считались оба.

О судьбе Марии в деле больше ничего не говорилось, а вот ее несостоявшийся убийца избежал смертной казни. Нам уже приходилось отмечать, что в большинстве случаев выносившиеся военными судами первой инстанции (кригерехтами) наиболее суровые приговоры в дальнейшем смягчались военным командованием и генерал-аудиторской экспедицией Военной коллегии [10, с. 80–82]. Так произошло и в этот раз. Командующий корпусом генерал-поручик Х. А. фон Трейден, отсылая дело в Военную коллегию, приложил свое «мнение», в котором просил высшую инстанцию заменить смертный приговор церковным покаянием и наказанием шпицрутенами, хотя и в максимально тяжелом формате: прогнать виновного сквозь строй полка (т. е. через 1000 чел.) 10 раз, что означало нанесение 10 тыс. ударов²⁸.

Дело было рассмотрено 16 ноября 1992 г. генерал-аудитором в Военной коллегии, приговор был смягчен вдвое – наказать шпицрутенами 10 раз, но только через строй в 500 чел. (всего 5 тыс. ударов). Члены Военной коллегии приняли во внимание соображения командующего, а также один из указов еще петровского времени: «В разсуждении прописанных во мнении господина генерал порутчика и ковалера фон Трейдена резонов, а паче во уважении того, что он Кондратьев после учиненнаго им жене своей толико тяжкого невольным орудием наказания, пришед в раскаяние,

²⁰ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1757. Л. 10 об.

²¹ Там же. Л. 10 об., 11.

²² Российское законодательство... Т. 4. С. 358.

²³ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1757. Л. 11.

²⁴ Российское законодательство... Т. 4. С. 336.

²⁵ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1757. Л. 11.

²⁶ Там же.

²⁷ Российское законодательство... Т. 4. С. 359.

²⁸ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1757. Л. 19–21 об.

объявил об оном сам добровольно, соображаясь с указом 721 года марта 7 дня»²⁹. Имеется в виду именной указ Петра I, в котором монарх повелел: «Которые смертные убийцы явятся сами, и в том вину принесут добровольно, и тех от смерти свободят, а чинить им наказание, прогнав шпицрутен, ссылат на каторгу на 10 лет»³⁰.

Ссылка, понятно, была заменена теперь покаянием: «В предании его Кондратьева для очищения совести, а особливо в разсуждении последовавшей безвинному младенцу по случаю тому смерти церковному покаянию, так и в прочем быть по тому же его господина генерала поруччика и ковалера мнению»³¹. Судьбу его жены Марии, в соответствии с решением суда первой инстанции, должны были решать органы гражданского судопроизводства: «О преступлениях жены ево, ежели она жива, и новокрещена Осипова представить рассмотрению того правительства, до которого такового рода преступлении суждением принадлежат, и о том сочинить особой протокол»³². Завершает дело экзекуторский (т. е. экзекуторский, исполнительный) лист, сообщающий, что «во исполнение указа государственной Военной коллегии Сибирского корпуса четвертаго мушкетерскаго полеваго баталиона рядовому Федору Кондратьеву положенное помянутою коллегиею наказание шпицрутенами чрез пятсот человек десять раз в оставших для содержания в городе Уфе караула Пермскаго пехотнаго полка двух ротах учинено, в чем бывшая при том штаб и обер афицеры подписались»³³.

Конечным итогом, как видим, стало освобождение военнослужащего, хотя и совершившего тяжкое преступление, от смертной казни, при явном желании военных властей наказать также его супругу, если она останется в живых, хотя и передавая прерогативы относительно последней в руки гражданской администрации. Это недвусмысленно свидетельствует, что в глазах армейского командования, да и имперской государственной власти в целом жизнь и здоровье мужчин-солдат ценились гораздо выше, чем жизни членов их семей (жен и детей). Более того, в данном случае жертву определили также виновницей случившегося, молчаливо признавая, что законный супруг имел право поступить с неверной женой так, как считал нужным, лишь не имея санкции закона на лишение ее жизни или нанесение ей тяжких телесных повреждений. Фактически солдата обвинили только в смерти ребенка, но и это преступление, помимо телесного наказания, обернулось для него лишь церковным покаянием. Исходя из этого, мы вправе заключить, что права членов семей военнослужащих в данный период, как правило почти не защищались имперскими законами.

²⁹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1757. Л. 22.

³⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 6. № 3755. С. 368.

³¹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1757. Л. 22.

³² Там же. Л. 22, 22 об.

³³ Там же. Л. 30.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследованные нами казусы приводят к очень интересному выводу, который позволяет несколько скорректировать представления о степени «модернизации», свойственной Российской империи в XVIII в. Общеизвестным является утверждение о том, что верховная власть, начиная с эпохи Петра I, стремилась превратить своих подданных в «русских европейцев» – носителей системы современных европейских идей и ценностей. Однако даже у служивших в регулярной армии, выступавшей едва ли не ключевым инструментом для реализации на практике модернизационной стратегии, в сознании сохранялись и действовали установки, унаследованные от прежней культурной традиции. В рассмотренных случаях это проявлялось как в том, что в семейной жизни военнослужащие придерживались норм обычного права, идущих еще из предшествующих столетий, так и в том, что имперское законодательство и государственная власть (военное командование и гражданская администрация) санкционировали применение такой шкалы преступлений и наказаний, которая базировалась на вполне традиционной системе религиозных, а не светских норм. Не случайно даже Артикул воинский в соответствующих статьях содержал отсылки не к другим государственным законам, а именно к церковному праву. Солдаты регулярной армии России, носившие европейские мундиры и обученные военному делу по европейским образцам, в повседневной жизни продолжали руководствоваться традиционными представлениями, их сознание мало изменилось по сравнению с предыдущими столетиями. Именно изучение истории повседневности применительно к XVIII в. способно помочь определить успешность процессов «модернизации» и «европеизации» Российской империи, позволяя реконструировать соотношение традиционных и современных норм и установок в сознании участников этих процессов, к которым в первую очередь относились как раз военнослужащие регулярной армии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Керов В.В. Екатеринбург, Томск, далее везде: какая она, российская история «городской повседневности», и зачем она нужна? // Вестник ТГУ. История. 2017. № 48. С. 50–59.
2. Ильасова А.В. Реалии и перспективы истории повседневности в российской историографии // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Сер.: Історія. 2011. № 982, вип. 44. С. 30–40.
3. Ворожбитова М.В. Повседневный уклад жизни московского населения середины XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 28 с.
4. Чернишкина В.А. Повседневная жизнь губернского города Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2007. 24 с.
5. Черемисина Я.С. Повседневная жизнь государственных служащих Москвы и Петербурга в первой четверти XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 28 с.
6. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М.: РГГУ, 2006. 403 с.

7. Карпущенко С.В. Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан // Быт русской армии XVIII – начала XX в. М., 1999. С. 13–150.

8. Щербинин П.П. Солдатские жены в XVIII – начале XX в.: опыт реконструкции социального статуса, правового положения, социокультурного облика, поведения и настроений // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2006. Iss. 4/5. URL: <http://journals.openedition.org/pipss/493>. DOI: 10.4000/pipss.493.

9. Каменецкий И.П., Резун Д.Я. Следственное дело полковника Дегарриги: к вопросу о «рабстве в Сибири» и злоупотреблениях на Сибирских линиях в середине XVIII в. // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 1. С. 30–38.

10. Дмитриев А.В. Военное судопроизводство в армейских частях на территории Сибири в XVIII в.: официальный механизм и реальная практика // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 74–83. URL: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-06.pdf>. DOI: 10.31518/2618-9100-2018-1-6.

REFERENCES

1. Kerov V. V. Yekaterinburg, Tomsk and so on: what is the Russian history of urban everyday life, and why is it needed? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2017, no. 48, pp. 50–59. (In Russ.)

2. Il'yasova A. V. Realities and prospects of the everyday life history in Russian historiography. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. Seriya Istoriya*, 2011, no. 982, iss. 44, pp. 30–40. (In Russ.)

3. Vorozhbitova M. V. Everyday lifestyle of the Moscow's population in the mid XVIII century: diss. abstr. Moscow, 2004, 28 p. (In Russ.)

4. Chernichkina V. A. Everyday life of the provincial town of Vladimirin in the last third of the XVIII – early XIX centuries: diss. abstr. Vladimir, 2007, 24 p. (In Russ.)

5. Cheremisina Ya. S. Everyday life of the state employees in Moscow and St.-Petersburg in the first quarter of the XVIII century: diss. abstr. Moscow, 2008, 28 p. (In Russ.)

6. Kamensky A. B. Everyday life of the Russian town dwellers. Historical anecdotes from the provincial life in the XVIII century. Moscow, RGGU, 2006, 403 p. (In Russ.)

7. Karpushchenko S. V. The Army weekdays: barrack, cereal, treasury, caftan. *Byt russkoi armii XVIII – nachala XX v.* Moscow, 1999, pp. 13–150. (In Russ.)

8. Shcherbinin P. P. Soldiers' wives of the XVIII – early XX centuries: the experience of reconstruction social and legal status, sociocultural character, behavior and sentiments. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*, 2006, iss. 4/5. URL: <http://journals.openedition.org/pipss/493>. DOI: 10.4000/pipss.493. (In Russ.)

9. Kamenetsky I. P., Rezun D. Ya. Colonel Degarriga's investigative file: on the issue of "slavery in Siberia" and abuses on Siberian lines in the mid XVIII century. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya*, 2012, vol. 11, iss. 1, pp. 30–38. (In Russ.)

10. Dmitriev A. V. Military proceedings in the army units in the territory of Siberia in the XVIII century: official mechanism and real practice. *Istoricheskiy kur'er*, 2018, no. 1, pp. 74–83. URL: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-06.pdf>. DOI: 10.31518/2618-9100-2018-1-6. (In Russ.)

Статья поступила
в редакцию 31.10.2020
Статья принята
к публикации 23.01.2020

DOI: 10.15372/HSS20200108
УДК 070(09)+94(47+571)"1850/1917"

И.С. ЧЕРНОВА (КОЗЛОВА)

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА СИБИРСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Институт истории СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье представлены дефиниции основных понятий исследования: «профессия», «профессиональное сообщество», «сообщество журналистов», «сибирский журналист». Охарактеризован подход к изучению профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в. На основе эго-документов, материалов периодических изданий определены критерии принадлежности деятелей прессы к профессиональному сообществу изучаемого периода: регулярное сотрудничество с изданием, общий быт, наличие коммуникативных и публичных навыков, получение гонорара, участие в журфиксах, литературных вечерах, юбилеях.

Ключевые слова: журналист, журналистика, профессиональное сообщество сибирских журналистов, периодическая печать, эго-документы.

I.S. CHERNOVA (KOZLOVA)

FORMATION OF THE PROFESSIONAL COMMUNITY OF SIBERIAN JOURNALISTS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

Institute of History SB RAS
8 Nikolaev str, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The second half of the XIX – early XX century was the time of formation of the journalist professional community. The latter played an important role among the educated society contributing to public education, construction of the behavioral and moral strategies of their audience. Historiography on the history of Siberian journalism of the studied period can be traditionally divided into three stages: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet ones. Studying professional practices of journalists, their identity, motives of behavior, options for communication between the subjects of the journalistic world has not been the subject of special research.

The article defines the main concepts of research: “profession”, “professional community”, “Siberian journalist”, “professional community of journalists”. Journalists rarely referred themselves to “journalists”. Often they used broader terms like “litterateur”, “writer”. According to the author’s view, Siberian journalists were people who temporarily or permanently lived in the territory of Siberia and were full time employees of local periodicals. They were joined by those journalists who lived in the European Russia and were professionally engaged in Siberian problems.

The research is based on the methodological approach “anthropology of professions”, aimed at investigating professional practices, motives of behavior, ways of informal interaction between subjects. Following P.V. Romanov and E.R. Yarskaya-Smirnova, under the term “profession” the author means an “activity that brings income and requires special knowledge, skills and rules of behavior”.

The article highlights the criteria of journalists’ belonging to professional community: regular cooperation with newspapers, magazines; common “professional everyday life”; receiving a fee for published articles; relating oneself to journalism, developing a professional identity; recognition from colleagues; communication and public skills.

Key words: journalist, journalism, professional community of Siberian journalists, periodical press, ego-documents.

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XIX – начало XX в. стала временем становления журналистики как профессии, воз-

никновения профессионального сообщества сотрудников печати, которое способствовало формированию профессиональной идентичности ее представителей,

Ирина Сергеевна Чернова (Козлова) – аспирант, стажер-исследователь Института истории СО РАН, e-mail: chernovairina0611@mail.ru.
<https://orcid.org/0000-0003-3763-5774>.

Irina S. Chernova (Kozlova) – Postgraduate Student, a Research-Intern, Institute of History SB RAS.

принятию ценностных ориентиров, выработке общих интересов и задач, стратегий поведения, вариантов коммуникаций. Журналисты в рассматриваемый период выступали «властителями дум» образованной аудитории, посредством газетных публикаций содействовали просвещению, а также конструированию поведенческих и моральных стратегий референтной аудитории. Данная статья является продолжением исследования, посвященного изучению повседневной жизни сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX в. [1].

В историографии по истории сибирской журналистики можно традиционно выделить три этапа. Авторами в дореволюционный период выступали сами журналисты, которые создавали «летопись» региональной прессы, публиковали истории наиболее популярных изданий, биографии известных сотрудников печати, редакторов¹. В советское время к изучению сибирской прессы обращались Л.С. Любимов и Л.Л. Ермолинский. Авторами проанализировано становление сибирской печати, охарактеризовано ее значение в общественной жизни [2, 3]. В постсоветский период исследователи чаще стали обращаться к изучению отдельных частных и официальных изданий – это работы Н.В. Жиликовой и В.В. Шевцова [4; 5]. Особый интерес вызывает монография С.И. Гольдфарба, в которой проанализированы правовые и экономические аспекты ведения газетного дела, тиражная политика, условия функционирования типографий [6]. Следует отметить статьи Н.Б. Симоновой, которая выявила специфические черты информационного пространства Сибири, а также рассмотрела особенности журналистского корпуса газет России и Сибири на рубеже XIX–XX вв. [7; 8]. На основании сказанного можно сделать вывод о превалировании в исторической науке подхода, согласно которому объектами внимания исследователей выступают сами издания, их возникновение и развитие. Формирование сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в., их профессиональные практики, идентичность, способы коммуникаций еще не являлись предметом специального исследования. По-нашему мнению, анализ перечисленных вопросов позволит расширить представления о значении профессиональной группы сибирских журналистов в регионе, охарактеризовать место деятелей прессы в составе сибирской интеллигенции, а также приблизиться к судьбам людей, оценив то, как они жили, с какими трудностями сталкивались, каких успехов добивались. Все это позволит «очеловечить» историю печати.

Цель настоящей статьи – охарактеризовать становление профессионального сообщества сибирских журналистов во второй половине XIX – начале XX в. В качестве источников мы использовали эго-

документы сибирских журналистов: воспоминания Е.В. Корша, С.Л. Чудновского, В.М. Крутовского, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева [9; 10; 11; 12; 13]. Нами были привлечены материалы периодической печати – иркутские газеты «Сибирь» (1873–1887 гг.), «Восточное обозрение» (1882–1906 гг.), а также томские «Сибирская газета» (1881–1888 гг.) и «Сибирская жизнь» (1897–1919 гг.).

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выделение социологии, антропологии, истории профессий как самостоятельных областей знания со специфическими предметными полями относится к началу XX в. Для изучения профессий специалисты выдвигают различные подходы и концепции. Мы придерживаемся позиции П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. Авторы в основе понятия «профессия» понимают «деятельность, приносящую доход и требующую особых знаний, навыков и правил поведения» [14, с. 13]. Методологическую базу исследования составляет подход «антропология профессий», направленный на изучение «различных аспектов повседневной жизни профессий и профессиональных групп» [15, с. 32]. Вышеупомянутые отечественные социологи считают: «Фокус исследования будет достаточно широк, чтобы в него могли попасть всевозможные виды занятий. Тогда, в отличие от классических англо-американских определений [16], можно иметь в виду даже те виды занятий, для которых и вовсе не требуется высшее образование, но где вырабатываются особые, “свои” знания и способы их передачи, а вокруг конкретного вида работы складывается свой специфический жизненный мир, формируются стилевые особенности» [15, с. 27]. Одним из ключевых понятий подхода является культура профессиональной группы: «Это система разделяемых членами группы общих смыслов, основанных на сходной или совместно осуществляемой деятельности, позволяющей им справляться с испытаниями внешней среды, соблюдая внутреннее единство» [14, с. 15].

Данную концепцию можно экстраполировать на изучение становления профессионального сообщества журналистов во второй половине XIX – начала XX в. Специального образования в изучаемый период не существовало. Однако именно к этому времени относится накопление у сотрудников печати литературных знаний и навыков. Журналисты стали постепенно осознавать условия функционирования газетного дела, необходимость распределения профессиональных обязанностей между собой, создания коммуникативных площадок для обмена опытом.

Вслед за И.В. Мерсияновой, А.Ф. Чешковой и И.И. Краснопольской под профессиональными сообществами мы имеем в виду «неформальные объединения людей, обладающих одной профессией и осознающих общие интересы» [17, с. 13]. Важно отметить, что сообщества «не используют такие инструменты формирования коллективного действия, как управленческий контроль, надзор и иерархия – они действуют

¹ Головачев П.М. Прошлое и настоящее сибирской прессы // Восточное обозрение. 1903. 21 янв. С. 2–3; 25 янв. С. 2, 1 февр. С. 2–3; 27 февр. С. 2; 1 марта. С. 2; Авесов. Десятилетие газеты «Сибирь» // Восточное обозрение. 1883. 24 февр. С. 3–4.

и основываются на силе профессионального самоконтроля и социализации. Они объединяют работников, определяют содержание и характер работы, устанавливают границы и демаркационные поля, внедряют стандарты и методы работы и формируют профессиональную лояльность» [17, с. 13].

Под профессиональным сообществом журналистов мы понимаем объединение деятелей прессы, которые вступают в коммуникации со своими коллегами, имеют общие интересы, а также решают стоящие перед ними задачи. Для второй половины XIX – начала XX в. характерно именно становление сообщества журналистов, осознание сотрудниками прессы некоего единства, общности интересов, восприятия своей деятельности как профессии. Т.Н. Жуковская и К.С. Казакова, исследующие студенческие и профессорские сообщества, отмечают, что «людям университета необходимо было время на преодоление национальных, сословных, интеллектуальных перегородок в собственной среде, для того чтобы ощутить себя единым целым, выработать неписанные нормы и обычаи, выражающие тот “университетский стиль” жизни, который усваивается и воспроизводится следующими поколениями» [18, с. 63]. Выводы авторов можно использовать и при изучении становления профессионального сообщества журналистов во второй половине XIX – начале XX в.

Следует обратиться к дефинициям понятий «журналист», «журналистика». М.П. Мохначева отметила, что впервые слово «журналист» появилось в словаре Н.М. Яновского «Новый словотолкователь» (1803). «Журналист» – это человек, который ведет ежедневные записки, издает журналы; издатель журналов [19, с. 111]. Встречается термин «газетчик или газетир» – «тот, кто сочиняет, издает или продает газеты» [19, с. 111]. Слово «журналист» устойчиво сохраняло свое значение «издатель журнала» на протяжении всего XIX в., что зафиксировано в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847), «Словаре русского языка» (1892), «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (1863) [19, с. 112]. Однако в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847) дефиниция понятия «журналист», сохраняя свой первый смысл – «ведет журналы», получает новое значение – «редактор повременного издания» [19, с. 114]. Слово «журналистика» впервые появилось в «Словаре церковно-славянского и русского языка». Оно означало «вид печати». В «Словаре русского языка» (1898) журналистика – это уже не только вид печати, но и форма общественно-полезной деятельности [19, с. 91].

Как нами уже отмечалось, «под сибирскими журналистами мы понимаем людей, временно или постоянно живших на территории Сибири и являвшихся постоянными сотрудниками местных периодических изданий. К ним примыкали и те журналисты, которые проживали на территории Европейской России и профессионально занимались сибирской проблематикой» [1, с. 87].

Особенностью изучаемого нами периода является то, что сами журналисты редко называли себя именно

«журналистами». Большая часть сотрудников прессы именовали себя литераторами, писателями, не выделяя себя из более престижного литературного мира. Причинами специфики такой профессиональной идентичности, по мнению Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой, являлся сакральный, высокий статус литературы в русском обществе, что означало желание многих журналистов приблизиться к «привилегированной» верхушке общества. Участие писателей в журналах, газетах являлось широко распространенной практикой, а само слово «литератор» показывало приоритет профессиональных критериев, нежели идейных или эстетических [20, с. 70]. Однако в источниках мы встречаем исключения. Г.Н. Потанин в заметке о сибирской интеллигенции первым журналистом в регионе назвал М.В. Загоскина, редактора газеты «Сибирь»². Григорий Николаевич также писал, что Н.М. Ядринцев был рожден журналистом [21, с. 11].

Интересное суждение о литераторах и газетных работниках обнаружено в письмах К.А. Яковлевой В.И. Вагину. По признанию Калерии Александровны, Г.Н. Потанин отмечал в ней литературные задатки, ему нравился ее слог. На этом основании ее заставляли писать и работать. Яковлева в свою очередь заявляла, что не хочет непременно сделаться литератором, так как это означало стать знаменитостью или чем-нибудь в этом роде. Она считала, что литератором нужно родиться, но способностей у нее для этого не имелось. В таком случае для Яковлевой существовал более скромный путь – это газетная деятельность³.

Отсутствие в арсенале историка делопроизводственных материалов, фиксирующих принадлежность сотрудников к периодическим изданиям, наличие у них псевдонимов затрудняет определение образовательного, сословного статуса журналистов, их количества и территориального распределения. Однако Е.Д. Петряевым была проведена колоссальная работа по выявлению и установлению сотрудников газеты «Восточное обозрение» и ее приложения «Сибирский сборник». Результатом проведенной работы стало составление им библиографического списка из 611 персон [22]. В Государственном архиве Томской области сохранился список сотрудников газеты «Сибирская жизнь», составленный томским полицмейстером для предъявления томскому губернатору. В списке числится 59 сотрудников с указанием их места жительства⁴.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ЖУРНАЛИСТОВ

Вслед за Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой мы считаем, что журналистское сообщество «формируется в России XIX столетия под влиянием процесса мо-

² Потанин Г.Н. Из истории интеллигенции Сибири // Сибирская жизнь. 1911. 11 февр. С. 3.

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 162. Оп. 1 Д. 218. Л. 31об.

⁴ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 151–152.

дернизации, который выражался в росте городского населения; увеличении количества грамотных; усилении потребности в оперативной информации; заимствовании дворянских, в значительной степени европеизированных, поведенческих образцов представителями других сословий; расширении круга интеллектуалов за счет разночинцев; стремлении населения к участию в политической жизни страны и др.» [20, с. 62]. Реформы 1860–1870 гг. явились отправной точкой становления журналистики как профессии.

Зарождение сибирской прессы во второй половине XIX в. связано с указом об учреждении губернских ведомостей. Идея об их издании принадлежала административному аппарату. В Иркутске, Томске, Тобольске, Красноярске стали печататься первые официальные газеты. Понадобилось время, чтобы и читательская аудитория, и нарождавшиеся журналистские кадры осознали цели и задачи своего труда. Н.П. Матханова отмечает: «Газеты не могли сразу ни найти свое лицо, ни определить своего читателя. Положение осложнялось и тем, что инициатива издания газет исходила от “верхов”, их существование началось с приказа, но ни авторов, ни читателей еще не было. Постепенно содержание газет обогащалось, что было связано с возрастанием их просветительной роли» [23, с. 88]. Н.М. Ядринцев с сожалением писал Г.Н. Потанину о нехватке периодических изданий для сибирских журналистов: «Мы, восточные журналисты, не имеем своего угла на свете, мы музыканты, не имеющие инструмента на что купить, мы странники, блуждающие по пустыне, останавливаемся для отдыха во всяком месте» [13, с. 168].

Лидеры журналистского сообщества М.В. Загошкин, В.И. Вагин, Н.М. Ядринцев и другие уже стали задумываться о необходимости издания частных газет. Последние предполагали большую свободу в составлении программы издания, не привязанной к привычному делению на официальный и неофициальный отделы, а также в выражении собственных мыслей редактором и сотрудниками газеты. Появление первых сибирских газет («Амур», «Кяхтинский листок», «Сибирский вестник») способствовало увеличению рядов журналистских кадров. Деятели прессы становились посредниками между властью и обществом. В своих публикациях журналисты транслировали читательской аудитории актуальные проблемы, вскрывали несовершенство административного аппарата, пытались пробудить инициативу среди региональной интеллигенции, а также влияли на формирование самосознания сибиряков. Редакция газеты «Восточное обозрение» отмечала, что «появление всякого органа печати обуславливается всегда известною умственной потребностью, он выходит из какой-нибудь литературной среды, он ожидается известным кругом читателей. Так возникли местные органы Сибири в том момент, когда местные интеллигентные и литературные силы искали выхода»⁵.

⁵ Новоявленные просветители Сибири // Восточное обозрение. 1885. 13 июня. С. 9.

В 1870–1880-е гг. в Сибири печатались и были популярны газеты иркутская «Сибирь» и томская «Сибирская газета». В конце 1880–1890-х гг. в Красноярске стал выходить «еженедельник, сначала под названием “Справочный листок Енисейской губернии”, затем – “Енисейский справочный листок”, “Енисейский листок”, преобразованный в 1894 г. в “Енисей” – газету с литературным отделом. В Омске издавались газеты “Степной листок” (1893) и “Степной край” (1893–1905), в Чите – “Жизнь на Восточной окраине” (1895–1897). Кроме того, в Тобольске выходил “Сибирский листок” (1891–1916), а в Томске с 1894 года началось издание “Томского справочного листка”, который путем сложных трансформаций, через три года превратился в газету “Сибирская жизнь”» [4, с. 33].

По подсчетам Л.С. Любимова, до конца XIX в. «в Сибири (без Дальнего Востока) возникает в общей сложности 81 периодическое издание: 48 газет и 33 журнала, включая 2 газеты и 1 журнал, созданные сибиряками в Петербурге» [24, с. 7]. В начале XX в. журналистика все более укрепляется в общественном сознании населения, становится неотъемлемой частью его жизни. Количество изданий растет, например, «в 1901 г. – было 19 газет и 25 журналов, 1905 г. – 25 газет и 28 журналов, 1906 г. – 80 газет и 41 журнал, 1910 г. – 52 газеты и 38 журналов, 1916 г. – 47 газет и 57 журналов. Всего в 1901–1916 гг. в Сибири легально выпускалось 310 газет и 181 журнал, не считая нелегальных и рукописных изданий» [24, с. 8].

На страницах периодических изданий можно проследить, как журналисты рефлексировали над собственной профессией, анализировали свой труд, условия работы, порой жаловались читателям на различные тяготы, обращались к истокам становления сибирской журналистики. Все это осуществлялось с целью поиска собственного места в истории, формирования профессиональной идентичности, включения коллективного «я» в состав сибирской интеллигенции. Редакция газеты «Сибирь» в большинстве случаев сравнивает себя, журналистов с «младенцами», только начинающими осваивать особенности журналистского письма. В редакционной статье отмечалось: «Наш язык груб, наша речь неумела, но мы говорим свое слово»⁶. В свою очередь томская «Сибирская газета» уже высоко оценивает журналистский труд и фиксирует, что «деятели прессы должны помнить, что они не только формулируют и выражают, но и создают общ. (общественное. – И.Ч.) мнение, что налагает на них громадную ответственность, что делает более, чем предосудительным – превращение органа печати в орудие для личных счетов, личных самолюбий, интриг и дрязг: все это унижает достоинство печатного слова и профанирует его высокое назначение»⁷.

Приведенные нами данные свидетельствуют о развитии и укреплении прессы на сибирской почве в течение второй половины XIX – начале XX в. Про-

⁶ Судьбы сибирской печати // Сибирь. 1875. 20 июля. С. 2.

⁷ Томск, 19 января // Сибирская газета. 1886. 19 янв. С. 69.

цесс становления профессионального сообщества сибирских журналистов происходил одновременно с развитием местного общества. В начале XX в. население Сибири становится более политизированным, образованным, стратифицированным. В свою очередь, журналистское сообщество начинает расти не только количественно, но и качественно. Применительно к началу XX в. следует говорить о кристаллизации профессионального сообщества журналистов, формировании профессиональной идентичности, выработке определенных правил, моделей поведения, системы ценностей у ее представителей.

КРИТЕРИИ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ЖУРНАЛИСТСКОМУ СООБЩЕСТВУ

Самоидентификация сотрудника, соотнесение собственного «я» с коллегами, журналистами, а также получение признания со стороны последних являлись ключевыми показателями профессиональной идентичности сотрудника прессы. С развитием региональной прессы в среде журналистов возрастала потребность в организации мероприятий, которые бы выступали для них коммуникативными площадками. Литературные вечера, журфиксы как раз являлись способами консолидации профессионального сообщества, поддержания его единства. Эти встречи не только были ориентированы на проведение бесед об актуальных проблемах действительности, но и способствовали профессионализации сотрудников прессы. Нередко деятели печати обсуждали тексты, опубликованные на страницах газет, отмечали их достоинства и недостатки. Последнее позволяло более молодым, начинающим сотрудникам перенимать опыт своих коллег по цеху, овладевать основами написания журналистского текста. Тем самым такие вечера заменяли многим журналистам отсутствие профессионального образования. В своих воспоминаниях Г.Н. Потанин особое значение придавал журфиксам, которые стали своеобразной «школой» журналистики для Н.М. Ядринцева: «Своим развитием он обязан <...> публичным залам, публичным собраниям кабинетам редакции, журфиксам, вообще – “улице”» [12, с. 43]. Участие в подобных мероприятиях и литературных вечерах способствовало признанию коллегами друг друга, включению своего «я» в сообщество, формированию коллективной профессиональной идентичности. А.М. Сосновская отмечает, что журналистское сообщество обеспечивает публичную идентичность журналисту, признание его «своим». Идентифицируя себя с коллегами, журналист говорит «мы» [25, с. 117].

Важнейшим фактором принадлежности к сообществу журналистов являлось регулярное сотрудничество с печатными органами, что на этапе становления периодических изданий Сибири, а также формирования профессионального сообщества не всегда соблюдалось начинающими авторами. Им требовалось время для осознания своей деятельности в качестве основной. С развитием газет и журналов, некоторым

укреплением их финансового положения деятели прессы начинали воспринимать свой труд как постоянный и становились штатными сотрудниками редакций. Например, С.Л. Чудновский отмечал: «Я работал в “Сибирской газете” случайно, преимущественно как бытописатель г. Енисейска. Но роль “корреспондента”, как она ни почтенна и необходима, особенно в Сибири <...>, не удовлетворяла меня. Мне хотелось примкнуть теснее к редакционной коллегии и получить возможность непосредственно влиять на всю физиономию газеты» [10, с. 241].

Благодаря сотрудничеству с сибирскими, а также столичными изданиями у журналистов постепенно вырабатывались профессиональные практики. Их объединял общий профессиональный быт: поиск тем, дополнительная информация, процесс написания статьи, соблюдение литературных требований редактора, а также сроков сдачи материалов, отношений с редакцией, общение с коллегами-журналистами, представителями интеллигенции, желание и умение следить за общественной жизнью Сибири. Е.В. Корш указывал на отсутствие таких способностей у В.П. Картамышева – соратника по газете «Сибирский вестник»: «Картамышев не был человеком способным на систематический упорный ежедневный труд, он нервно, горячо брался за дело, но редко доводил до конца свои планы и намерения, для газеты это был не работник; все, что он писал для газеты, было написано с налету, неряшливо, недодумано, требовало не только просмотра, но и отделки, литературной полировки» [9, с. 40]. В процессе формирования сообщества журналистов конструировалась и их профессиональная этика. Например, в «Сибирской газете» редакция писала, что «для человека, уважающего дело, которое он взялся делать, например для человека печати, не может представлять решительно никакого удовольствия уличение людей одинаковой с ним профессии в недобросовестности; ибо тем самым устанавливается, что профессия эта, как таковая не может уже пользоваться безусловным доверием и уважением»⁸.

Гонорары на этапе становления журналистики как профессии были невысокими. Например, В.М. Крутовский отмечал, что в «Сибирской газете» «ни редактор, ни члены редакционного коллектива, заведовавшие различными отделами, ни сотрудники никакого вознаграждения не получали. Издание газеты и работа в ней считалась, как и в “Сибири”, выполнением гражданского долга, а не источником заработка». Далее он указывал, что только с середины 1880-х гг. стали выплачивать гонорар наиболее нуждавшимся из сотрудников [11, с. 38].

Следует отметить, что сибирские журналисты изначально воспринимали свою деятельность как выполнение долга перед родиной, как бескорыстную помощь населению, попытку пробудить общественную жизнь в регионе, способствовать просвещению насе-

⁸ Справка // Сибирская газета. 1886. 2 нояб. С. 1266.

ления. Так, редакция «Восточного обозрения» по случаю юбилея газеты «Сибирь» подчеркивала, что «провинциальные корреспонденты и писатели работали не ради выгод, но смотрели на свои труды, как на общественный долг воспитания общества, как на гражданское служение»⁹. Во второй половине XIX в. для журналистов было характерно наличие другого источника заработка, удовлетворявшего их нужды. Совмещение авторами различных видов деятельности свидетельствовало именно о формировании сообщества, о постепенном выделении самой журналистики как профессии, приносящей полноценный доход. С развитием периодической печати, увеличением изданий происходит качественная дифференциация как в мире газет и журналов, так и в мире журналистов. Появляются популярные издания, имеющие богатый материальный капитал, как, например, «Сибирская жизнь». Существовали и «средние» газеты, где вероятность публикации статьи была высока (барнаульская газета «Жизнь Алтая»). К этому времени относится и начало специализации сотрудников: появлялись профессиональные хроникеры, репортеры, штатные корреспонденты, фельетонисты, обозреватели. Последние за свой труд получали заработную плату, которая зависела как от престижности издания, так и от статуса автора публикации. Участие сотрудников во влиятельных изданиях формировало в глазах читателя образ популярного и успешного журналиста.

Свидетельством внутреннего развития сообщества журналистов являлось его разделение на «своих» – преданных журналистскому труду и «чужих» – желающих получить выгоду. Данное явление было особенно характерно для рубежа XIX – начала XX в. Так, редакция газеты «Сибирская жизнь» все больше обращала внимания на формирующий антагонизм между представителями журналистского мира: «На смену литераторам, к услугам литературного антрепренера, являются писатели-ремесленники, обладающие легкостью слога и еще больше легкостью совести, дающей им возможность писать, где угодно и о чем угодно. <...> Положение идейного, убежденного работника, отдавшего свои силы литературе не с целью составить капиталец, а в силу убеждения и стремления принести пользу словом правды, оказавшегося в такой компании – крайне тяжелое»¹⁰.

Наличие у профессионального сообщества памятных дат, праздников, юбилеев свидетельствовало о формировании общей исторической памяти. Подготовка к подобным мероприятиям закладывала некий фундамент сотрудничества между представителями журналистики. Особо следует отметить двухсотлетие периодической печати. Собрание московских сотрудников прессы постановило ходатайствовать через посредство литературно-художественного кружка о со-

звье всероссийского съезда представителей печати, а также обратилось ко всем периодическим изданиям России с просьбой оказать свое содействие этому делу¹¹. У организаторов мероприятия даже появилась идея об издании оригинальных жетонов: «Признано желательным установить жетоны для представителей прессы: жетоны должны служить знаком, устанавливающим принадлежность их к журнальной профессии»¹². В процессе подготовки к юбилею журналисты предлагали учредить общество, которое бы преследовало цели объединения и взаимопомощи на всероссийском или только московском уровне. Приведенные факты свидетельствуют о попытках консолидации журналистов, поиске собственного места в литературном мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье охарактеризован методологический подход к изучению сообщества журналистов. В центре внимания автора – изучение профессиональных практик, специфических навыков, знаний, правил поведения, культуры представителей данной профессиональной группы. Определено содержание терминов «журналист», «журналистика», «профессии», «профессиональное сообщество журналистов». На основе изучения эго-документов, материалов периодической печати, делопроизводственных источников проанализировано восприятие журналистами собственной профессии, определены критерии принадлежности деятелей прессы к профессиональному сообществу: 1) соотнесение себя с журналистикой, складывание профессиональной идентичности; 2) получение признания от коллег; 3) регулярное сотрудничество с газетой, журналом; 4) общий «профессиональный быт»; 5) получение гонорара за опубликованные статьи; 6) наличие коммуникативных и публичных навыков. Охарактеризован процесс формирования профессионального сообщества журналистов. Отмечено, что во второй половине XIX в. происходит становление сообщества журналистов, формирование профессиональной идентичности ее представителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Родигина Н.Н., Козлова И.С. Повседневная жизнь сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX вв.: методология исследования // Вест. Кем. гос. ун-та. 2017. № 2. С. 84–89.
2. Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982. 79 с.
3. Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х годов XIX в. Иркутск, 1985. 136 с.
4. Жиликова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011. 446 с.
5. Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012. 414 с.
6. Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 2002. 312 с.

⁹ Иркутский юбилей (Десятилетие газеты «Сибирь») // Восточное обозрение. 1885. 4 июля. С. 3.

¹⁰ Александров. Упадок или оживление // Сибирская жизнь. 1900. 29 марта. С. 2.

¹¹ Вести и факты // Сибирская жизнь. 1901. 20 окт. С. 3.

¹² К юбилею печати // Сибирская жизнь. 1902. 9 окт. С. 3.

7. Симонова Н.Б. «Газетные люди» в России в конце XIX – начале XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 10: Журналистика. С. 17–22.
8. Симонова Н.Б. Информационное пространство Сибири второй половины XIX века: особенности формирования // Вест. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: Журналистика. 2012. Т. 11, вып. 11. С. 11–19.
9. Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. 1910. Т. СХХI. С. 27–57.
10. Чудновский С.Л. Из давних лет. М., 1934. 303 с.
11. Крутовский В.М. «... Газета была чистым, идейным органом, проводившим лучшие заветы своего времени» (Вс. Крутовский: опыт исследования сибирской журналистики) «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Жиляковой; науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 36–44.
12. Воспоминания (окончание) // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 35–139.
13. Письма Николая Михайловича Ядринцева Г.Н. Потанину (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки. Красноярск, 1918. Вып. 1. 232 с.
14. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Антропологические исследования профессий // Антропология профессий. Саратов, 2005. С. 13–49.
15. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: переосмысление аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.
16. Parsons T. The Professions and Social Structure (1939) // Essays in Sociological Theory (Revised Edition). N.Y., 1966. P. 34–46.
17. Мерсиянова И.В. Самоорганизация и проблемы формирования профессиональных сообществ в России. М., 2011. 188 с.
18. Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Русский студент дореформенной эпохи: нормы и повседневная жизнь корпорации // Отечественная история. 2007. № 6. С. 63–76.
19. Махначева М.П. Журналистика и историческая наука. М., 1998. Кн. 1: Журналистика в контексте науковедения в России XVIII–XIX в. 383 с.
20. Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX вв. А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича // Avtobiografiya. 2014. № 3. С. 61–92.
21. Глинский Б.Б. Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк. М., 1895. 62 с.
22. Петряев Е.Д. Сотрудники «Восточного обозрения» и «Сибирских сборников» (1882–1906). Библиогр. материалы. Киров, 1987. 54 с.
23. Матханова Н.П. «Губернские ведомости» в Сибири, их авторы и читатели (50–60-е годы XIX в.) // Вторые Макушинские чтения (23–24 мая 1991 г., г. Томск). Томск, 1991. С. 87–90.
24. Любимов Л.С. Российская журналистика прирастала Сибирью // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы регион. науч. конф., посв. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). Томск, 2007. С. 7–12.
25. Сосновская А.М. Журналист: личность и профессионал (психология идентичности). СПб., 2005. 206 с.

REFERENCES

1. Rodigina N.N., Kozlova I.S. Everyday life of Siberian journalists of the second half of the XIX – early XX centuries: methodology of research. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 84–89. (In Russ.)
2. Liubimov L.S. History of the Siberian press. Irkutsk, 1982, 79 p. (In Russ.)
3. Ermolinskiy L.L. Siberian newspapers in 1970–80s. Irkutsk, 1985, 136 p. (In Russ.)
4. Zhilyakova N.V. Tomsk journalism (XIX – early XX century): formation and development. Tomsk, 2011, 446 p. (In Russ.)

5. Shevtsov V.V. “Tomskiye gubernskiye vedomosti” (1857–1917) in the socio-cultural and information space of Siberia. Tomsk, 2012, 414 p. (In Russ.)
6. Goldfarb S. I. Newspaper business in Siberia (the XIX – early XX centuries). Irkutsk, 2002, 312 p. (In Russ.)
7. Simonova N.B. “Newspaper people” in Russia in the late XIX – early XX centuries. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2013, vol. 12, no. 10, pp. 17–22. (In Russ.)
8. Simonova N.B. The information space of Siberia in the second half of the XIX century: formation features. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2012, vol. 11, no. 11, pp. 11–19. (In Russ.)
9. Korsh Ye.V. Eight years in Siberia. *Istoricheskiy vestnik*, 1910, vol. CXXI, pp. 27–57 (In Russ.)
10. Chudnovskiy S.L. From long ago: memories. Moscow, 1934, 303 p. (In Russ.)
11. Krutovskiy V.M. “... The newspaper was a clean, ideological body that carried out the best precepts of its time” (Vs. Krutovskiy: the experience of researching Siberian journalism”. *«Sibirskaya gazeta» v vospominaniyakh sovremennikov*. Tomsk, 2004, pp. 36–44. (In Russ.)
12. Memoirs (ending). *Literaturnoye nasledstvo Sibiri*. Novosibirsk, 1986, vol. 7, pp. 35–139. (In Russ.)
13. Yadrintsev N.M. Letters to G.N. Potanin by Nikolay Mikhailovich Yadrintsev (February 20, 1872 – April 8, 1873). Krasnoyarsk, 1918, iss. 1, 232 p. (In Russ.)
14. Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. Anthropological studies of professions. *Antropologiya professii*. Saratov, 2005, pp. 13–49. (In Russ.)
15. Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. World of professions: a review of analytical perspectives. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2009, no. 8, pp. 25–35. (In Russ.)
16. Parsons T. The professions and social structure (1939). *Essays in Sociological Theory*. New York, 1966, pp. 34–46.
17. Mersyanova I.V. Self-organization and the problems of forming professional communities in Russia. Moscow, 2011, 188 p. (In Russ.)
18. Zhukovskaya T.N., Kazakova K.S. Russian student of the pre-reform era: the norms and everyday life of the corporation. *Otechestvennaya istoriya*, 2007, no. 6, pp. 63–76. (In Russ.)
19. Mokhnacheva M.P. Journalism and historical science. Bk. 1: Journalism in the context of science creation in Russia of the XVIII–XX centuries. Moscow, 1998, 383 p. (In Russ.)
20. Rodigina N.N., Saburova T.A. Time, space, memory in memoirs by A.V. Amfiteatrov and V.M. Doroshevich, the Russian journalists in the late XIX – early XX centuries. *Autobiography*, 2014, no. 3, pp. 61–92. (In Russ.)
21. Glinskiy B.B. Nikolay Mikhailovich Yadrintsev. A biographical sketch. Moscow, 1895, 62 p. (In Russ.)
22. Petryaev E.D. Employees of the “Eastern Review” and “Siberian Collections” (1882–1906). Bibliographic materials. Kirov, 1987, 54 p. (In Russ.)
23. Matkhanova N.P. “Provincial Gazette” in Siberia, their authors and readers (50–60s of the XIX century). *Vtorye Makushinskiye chteniya (Tomsk, 23–24 maya 1991 g.)*. Tomsk, 1991, pp. 87–90. (In Russ.)
24. Lyubimov L.S. Emergence and development of the periodical press in Siberia. *150 let periodicheskoy pechati Sibiri: materialy regional'noy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu izdaniya v Sibiri «Gubernskikh vedomostey»*. Tomsk, 2007, pp. 7–12. (In Russ.)
25. Sosnovskaya A.M. Journalist: a person and a professional (identity psychology). Saint Petersburg, 2005, 206 p. (In Russ.)

Статья поступила
в редакцию 10.01.2020
Статья принята
к публикации 30.01.2020

DOI: 10.15372/HSS20200109
УДК 94(571.5)

Л.В. КАЛЬМИНА

«ЕВРЕЙСКИЙ» ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В СИБИРИ В 1880-е -1910-е гг.: ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ИЛИ ВЕЗЕНИЕ?

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
РФ, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

В статье анализируется экономическая деятельность сибирских евреев – в большинстве своем ссыльных и детей ссыльных – в последней четверти XIX – начале XX в. Несмотря на ущербное правовое положение, евреи за несколько десятилетий завоевали лидирующие позиции в ряде отраслей сибирской экономики. Автор выявляет причины этого феномена. К числу объективных причин он относит смену экономического статуса Сибири, которая в исследуемый период начала переход к капитализации экономики. Субъективный фактор автор видит в том, что евреи, привыкшие к предпринимательству в условиях свободной конкуренции, оказались в Сибири на своем месте. В то время как местному купечеству еще предстояло привыкнуть к новым условиям ведения промышленных и торговых дел, евреи уже действовали по веками наработанной схеме. Умение просчитать конъюнктуру рынка, соотносить спрос и предложение, способность оказаться там, где в их навыках была особая нужда, позволили им победить конкурентов даже в непривычных условиях.

Ключевые слова: Сибирь, Забайкалье, евреи, ссылка, торговое предпринимательство, мобильность, проникающая сила, рыночная конъюнктура, гильдейское купечество, золотопромышленность, ремесло.

L.V. KALMINA

JEWISH ECONOMIC PHENOMENON IN SIBERIA, 1880 – 1910s: REGULARITY OR OCCASION?

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhyanova str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

Jews in Siberia had a status of exiles for the most part: the law prohibited the followers of Judaism to leave the boundary of a settled area. However, despite the adaption difficulties in an alien region, Siberian Jews in the second-third generation occupied strong positions in local economics taking leading roles in some industries and replenishing the ranks of local merchants. The article objective is to reveal the reasons of such fast ascent of Jews to the local economics peak. Was it only a lucky occasion for them or the result of some regularity? The research source base includes five regional archives giving the possibility to trace the process from the exiled status to regional business elite representatives, and reference publications at the edge of the XIX – XX centuries estimating Jewish firms' state in the Siberian economic space. Analyzing these material the author came to the following conclusions. Siberia changed its status during the investigated period. The concept of its economic development envisaged territorial raw material resource's transformation into military-strategic and trade-industrial base at the Eastern imperial boundaries, for which the transfer of its economy to capitalist rails became necessary. For that reason the regional authority encouraged business initiatives independently of their origin. The exiled, including Jews, began to be regarded as a colonization resource. Having many centuries of experience of activities under the market economics conditions, the Jews naturally integrated into transforming Siberian economic structure. Due to their ability to take into account the balance of supply and demand and establish economic relations, they quickly took the leading positions in Siberian colonial industries – trade and mining. Jewish business inherent features, such as industriousness and entrepreneurial spirit, willingness to take risk, readiness to settle for less, at least in the beginning, allowed the former exiles to take their place among regional business elite.

Key words: Siberia, Transbaikalia, Jews, exile, trading entrepreneurship, mobility, penetrating power, market rivalry, guild merchants, gold mining, handicraft.

Лилия Владимировна Кальмина – д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, e-mail: kalminal@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0001-8577-2496>.

Lilia V. Kalmina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

В начале XIX в. в некоторых сибирских городах (Красноярске, Каинске) уже сложились общины «вольно зашедших» евреев. Но со второй трети XIX в. Сибирь стала территорией, свободной от «еврейского присутствия»: Высочайше утвержденные правила 15 мая 1837 г. «решительно и навсегда» прекращали поселение евреев в Сибири. Оказаться в регионе они могли лишь в двух случаях: на службе в армии и в ссылке – по суду за уголовное преступление или в административном порядке за «порочное поведение». Либеральное законодательство Александра II, расширившее «жизненное пространство» отдельных категорий евреев (купцов I гильдии, обладателей университетских дипломов и свидетелей ремесленной управы, николаевских солдат, выслуживших полный срок службы по рекрутскому уставу), мало повлияло на количественный и качественный состав сибирского еврейства: получившие право повсеместного жительства в большинстве своем предпочли поселиться на других территориях. Однако за несколько десятилетий относительно малочисленные сибирские евреи заняли прочные позиции в сибирской экономике. Феномен «захвата» ряда ее отраслей продемонстрировали именно бывшие ссыльные¹, получившие шанс оказаться в Сибири. Шанс, обусловленный лишением логики запретом на пребывание в регионе законопослушных подданных империи иудейского вероисповедания.

Сибирская экономика, в которую предстояло вписаться еврейским ссыльным, имела противоречивые характеристики. С одной стороны, роль региона в общероссийском разделении труда даже к началу XX в. по сравнению с предыдущими столетиями существенно не изменилась: Сибирь оставалась поставщиком сырья, лишь меняя его разновидности – от пушнины до продукции сельского хозяйства. С другой стороны, несмотря на низкий технический уровень производства, регион имел высокую степень его концентрации, что делало экономику управляемой с точки зрения интересов государства и крупного бизнеса [1, с. 118, 119, 120]. В указанный период Сибирь стала объектом государственного интереса из-за потенциальных геополитических рисков, заключавшихся не столько в угрозе прямого военного отторжения российских окраин, «сколько в высокой вероятности их мирного экономического захвата инонациональным элементом и, соответственно, их “дрейфа” в сферу влияния других государств» [2, с. 188].

Следует отметить, что крупные государственные проекты (строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, аграрная колонизация) имели в первую очередь стратегическую направленность – укрепление восточных границ империи и обеспечение ее геополитических интересов. Еврейская, как и вся

сибирская ссылка, рассматривалась региональной администрацией прежде всего как колонизационный элемент, необходимый для экономического освоения региона [3, с. 67]. Однако этого было недостаточно, чтобы «пораженные в правах» дважды – как ссыльные и как собственно евреи с ограниченными российским законодательством возможностями проживания за пределами черты оседлости – сыграли заметную роль в сибирской экономике, приобретя вес и значение, в несколько раз превышающие их численность. Попытаемся разобраться, в чем причина еврейского экономического феномена. Был ли он изначально запрограммирован или стал продуктом обыкновенного везения?

«ОБРЕЧЕННЫЕ» НА ТОРГОВЛЮ

В сложившемся в Сибири общественном разделении труда евреи сразу заняли торговую «нишу», что было обусловлено рядом факторов. Во-первых, существующее законодательство четко определяло занятия, для евреев разрешенные и занятия запрещенные. Будучи по закону отстранены от наиболее престижных видов деятельности – государственного управления и сельского хозяйства (поскольку последнее подразумевало владение землей и земельные операции), евреи имели единственную возможность для создания материальной основы жизни в Сибири – принятие на себя роли «торгового» меньшинства, т.е. занятий профессиями с низким социальным статусом (торговля и финансы), не слишком привлекательными для элиты принимающих народов [4, с. 10; 5, с. 15]. При всем денежном могуществе, какое давали эти занятия, они веками презирались обществом, поэтому оставались уделом чужаков. Конечно, представители принимающего общества тоже были заняты в этой сфере, но у них всегда имелся выбор. У «торговых меньшинств» выбора не было: все остальные сферы занятости для них оставались практически недоступны. Сибирские евреи были просто обречены на роль торгового элемента, которую успешно играли со времени появления в Сибири до установления советской власти [6, с. 129].

Вторым фактором, повлиявшим на выбор евреями торговой специализации, было их особое правовое положение. Массовые выселенческие кампании из мест оседания евреев в места их официального причисления, которые они не имели права покидать без специального разрешения, стали нормой сибирской жизни. Постоянная неуверенность в завтрашнем дне требовала быстрого оборота капитала с максимальной прибылью, что могла дать только торговля, и скорого свертывания работ при первой угрозе выселения.

Третьим фактором можно считать веками сложившиеся традиции еврейского торгового предпринимательства. Оказавшиеся в непривычной обстановке мигранты, как правило, стремились воспроизвести привычный образ жизни. Евреи не стали исключением: свои хозяйственно-профессиональные навыки они успешно адаптировали к Сибири. Процент торгующих евреев в исследуемый период был неизменно выше их

¹ В данном контексте речь не идет о политической ссылке, которая в сравнении с уголовной была ничтожной и практически не оказала какого-либо влияния на развитие сибирского края.

доли в городском и сельском населении и в Западной [7, с. 61; 8, с. 102, 103], и в Восточной Сибири².

К началу XX в. при снижении общего числа обладателей купеческих свидетельств и вытеснении евреев черты оседлости на периферию деловой жизни [9, с. 117] в Сибири их число в среде гильдейского купечества неуклонно росло. Более высокий процент евреев в городском гильдейском купечестве относительно их доли в городском населении был характерен для всего сибирского региона, причем исследователями отмечено значительное увеличение доли евреев в купеческих гильдиях Сибири при движении на восток [10, с. 164]. По нашему мнению, это объясняется более поздним вовлечением восточных окраин империи в процесс интенсивной колонизации, когда евреи, уже адаптировавшиеся в Сибири и обретшие первоначальный капитал, смогли принять участие в этом процессе. На рубеже XIX – XX вв. в Томске, где евреи составляли 6,0 % населения, их доля в купечестве равнялась 28,0 % [7, с. 67 – 68]; в Иркутске – соответственно 7,5 и 35,0 %; в Верхнеудинске – 13,2 и 37,2 %. В административном центре Забайкальской области Чите евреи, по данным на 1900 г., составляя 18,9 % городского населения, в купеческом сословии имели абсолютное большинство – 54,1 %³. Еврейские торговцы заняли лидирующие места в торговле металлическими изделиями, скобяными товарами, оконным стеклом, готовым платьем. Особенно сильны их позиции были в Забайкалье: в 1908 г. в Чите из 46 фирм евреи владели 20, в Нерчинске из 21 – 12, в станции Сретенской из 30 – 22⁴.

Концентрация в руках еврейских предпринимателей до 80 % производства забайкальских городов, основание ими ряда отраслей (мыловарение, типографское дело), стремительное развитие сети их торговых предприятий и фактическое формирование городского торгового пространства позволили нам квалифицировать еврейское купечество Забайкалья как элиту сословия [11, с. 22]. Несмотря на численное преобладание в еврейском городском населении «за чертой» ремесленников и мелких торговцев, именно крупные купцы были особенно заметны – по выражению зарубежных исследователей, «кололи глаза обществу» [12, с. 648].

Казалось бы, еврейским торговцам просто повезло: их экономическая специализация весьма удачно наложилась на объективные потребности активно колонизируемого края, который остро нуждался в торговых посредниках

² Подсчитано по материалам Государственного архива Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 2. Д. 487. Л. 25–31; Государственного архива Красноярского края (ГАКК). Ф. 161. Оп. 1. Д. 55; Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 15051. Л. 17–18; Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 431, 745, 2792 а; Национального архива Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 1402. Л. 16–29.

³ Подсчитано по материалам Сибирского торгового-промышленного календаря на 1901 год: год восьмой. Томск. [б.г.] С. 209 – 232; Памятной книжки Иркутской губернии на 1901 г. Иркутск, 1901. С. 58.

⁴ Подсчитано по: Весь Иркутск с отделом Забайкальской области. Адресно-справочная и торгово-промышленная книга на 1908 год. Иркутск, 1908. С. 19–22.

и тем самым предоставлял еврейским предпринимателям широкое экономическое пространство для торговых маневров. Однако только ли в везении дело?

Еврейское торговое предпринимательство имело свои особенности, резко контрастирующие со сложившимися в сибирском обществе традициями торговли с ее размахом и в то же время медлительностью и дороговизной доставки товаров [13, с. 220], главной из которых была быстрая оборачиваемость денег. Исследователь экономической жизни еврейских общин И. Оршанский отмечал: «Еврейская торговля основана не на монопольном принципе заламывания втридорога, которое составляет жизненный нерв великорусского кулачества [...], а на вытекающем из неограниченной конкуренции в еврейском мире начале быстроты оборота при малом барыше, подчас даже убытке [...] купцы говорят, что пока рубль обернется у русского два раза, он у еврея обернется пять раз» [14, с. 112, 140]. Торговля с маленьким барышом, иной раз даже себе в убыток, вопреки расхожим представлениям о «жидовской» алчности, была типично еврейским принципом, равно как и отмеченная немецким социологом и экономистом В. Зомбартом способность евреев пожертвовать прибылью для того, чтобы впоследствии заработать больше [15, с. 175].

В Сибири эта особенность в силу ущербного правового положения ее носителей проявилась еще рельефнее. Для вчерашних ссыльных, которым надо было быстрее адаптироваться в крае, такие факторы, как востребованность все большим кругом людей, привыкших к «своему» еврею, и незаменимость в качестве торговых посредников, были на первых порах важнее сиюминутной выгоды. Еще одной особенностью еврейской торговли была мобильность. Не отличаясь размахом (вчерашним ссыльным сложно было конструировать в этом с русским купечеством, имевшим многолетние традиции и хорошо налаженные связи), она обладала удивительной проникающей силой. Евреи с легкостью снимались с насиженных мест, устремляясь туда, где еще не ступала нога конкурента. Еврейских торговцев можно было встретить и в глухой тайге, и в военных гарнизонах, и на строительстве железной дороги, и в инородческих селениях.

Происходивший, как правило, из социальных низов, не получивший от своих отцов другого наследства, кроме возможности проследовать за ними в Сибирь, не избалованный откупной системой и не зараженный предпринимательским снобизмом, будущий цвет еврейского купечества поначалу не гнушался никаким заработком. Иркутский купец 1-й гильдии Я. Домбровский начинал с торговли ваксой собственного производства. Известный забайкальский золотопромышленник А. Новомейский мальчишкой зарабатывал подвозом продовольствия на прииски на единственной лошади, которую купил на первый заработок. Верхнеудинский купец Г. Чаповский начал свой путь к богатству в качестве приказчика в винной лавке. А еврейские купцы в Якутской области, перекупив товар у крупных русских предпринимателей, не считали

зорным ехать с ним в отдаленные наследи, сокращая время его оборота и обеспечивая доставку в труднодоступные районы [6, с. 130, 132]. «...Не будь еврея, – писал отчет о Верхнеудинской ярмарке корреспондент «Восточного обозрения», – то ярмарка была бы похожа на «спящее царство». Надо сказать правду, что еврей импульсировал ярмарочную торговлю, и в этом отношении сибирский купец далеко отстал от него»⁵. Привыкшие жить в условиях постоянной конкуренции евреи не знали себе равных как носители новых капиталистических форм торговли с ее мобильностью, гибкой ценовой политикой, изучением спроса и формированием предложения. Это позволяло им выигрывать конкуренцию с сибирским купечеством, которое, по оценке исследователей, медленнее адаптировалось к новым рыночным условиям, предпочитая «пассивные» способы получения прибыли [16, с. 126].

НОВАТОРЫ ОТ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ

Второй крупной сферой деятельности сибирских евреев была золотопромышленность, хотя, казалось бы, с самого начала здесь везение от них отвернулось. Во-первых, ко времени накопления бывшими ссыльными первоначального капитала для промышленной разработки золота его добыча пошла на спад, и без ее модернизации, требовавшей больших затрат, приносила больше убытков, чем доходов. Во-вторых, закон 12 июня 1860 г. запрещал сибирским евреям находиться в 100-верстной полосе от китайской границы, что закрывало доступ к золотодобыче тем немногим, кто успел туда проникнуть, и тем, кто в будущем планировал разрабатывать богатые приграничные прииски Забайкальской области. Наконец, сенатским разъяснением 1893 г. евреям запрещалось заниматься золотодобычей вне мест их причисления. Теоретически была возможность выехать на золоторазработки в другой округ или даже губернию, но только с разрешения и на короткое время.

Однако, несмотря на все препятствия, еврейские предприниматели сумели извлечь из новых правил немалую пользу. Невозможность наращивания золотодобычи в условиях транспортной оторванности от предприятий Европейской России и отсутствия местных заводов, выпускавших оборудование для золотых промыслов, привела к уходу русского капитала из этой сферы повышенного риска. Освободившееся место заполнилось этническим меньшинством. Евреи торопились использовать выпавший им шанс. Первое десятилетие XX в. было отмечено бумом их прошений о праве золотодобычи в баргузинской тайге: из 16 приисков Витимканского участка евреям принадлежало 13, из 16 приисков Ауниковского участка – 9, из 14 приисков Ципиканского участка – тоже 9⁶. Уже упомянутый нами крупный еврейский золотопромышленник А. Новомейский, прошедший путь от мелкого арендатора золотоносного участка до собственника

нескольких приисков, приобрел свои дялянки у известных в Сибири золотоискателей Сибирякова, Базанова и Базилевского, выехавших в столицу [17, с. 42].

Что касается сенатского разъяснения, то оно в известной мере даже способствовало развитию отрасли, к концу XIX в. переживавшей глубокий кризис. Поскольку еврейские золотодобытчики не имели возможности свободного перемещения по мере истощения приисков, они стремились «выжать» все возможное из золотоносного участка, который были вправе разрабатывать. Не случайно первые опыты модернизации отрасли в баргузинской тайге связаны с именами еврейских золотопромышленников, постоянно проживавших в Баргузинском уезде. Гидравлический способ промывки золота впервые был применен на Королонском прииске известного предпринимателя и мецената Я. Фризера, а привезенная из Англии драга впервые была использована на Андреевском прииске А. Новомейского [6, с. 152].

САПОГИ ДЛЯ ГУБЕРНАТОРА

Наконец, еще одной сферой деятельности, где евреи стали очень заметны, было ремесло. Запрет евреям на въезд в Сибирь пресек появление здесь ремесленников из черты оседлости, хотя логики в этом было мало: Сибири требовались мастерские люди. Характеризуя местную промышленность, которую иной раз трудно было отличить от ремесленничества, справочные издания писали: «В Восточной Сибири [...] фабрики считаются единицами [...] от печенья к чаю до сапожного гвоздя – все доставляется из «Нижнего» [...] Все же, что производится на месте, грубо, низшего достоинства» [...]⁷.

Ремеслом занимались в основном коренные сибиряки и ссыльные. Конкуренции среди них практически не было, поэтому евреи-ссыльные, которые на родине знали какое-нибудь ремесло (а таких было достаточно много), сразу открывали мастерские. В Каинске уже в середине 1860-х гг. ремеслом занимались исключительно евреи [7, с. 60]. К концу века в Тобольской и Томской губерниях ремеслами занималось около 20 % местного еврейства. Их основным занятием было изготовление одежды: в этой сфере было занято более половины всех ремесленников [8, с. 105]. В Красноярске в конце 1880-х гг. каждый десятый мастер был евреем, а в начале XX в. – уже каждый пятый. Самой распространенной специальностью у них и здесь была портняжная: евреев среди портных было больше половины⁸. В Иркутске в конце 1880-х гг. ремеслом занималась каждая четвертая еврейская семья, каждая пятая жила ремеслом в Чите, каждая седьмая – в Якутске⁹.

⁷ Памятная книжка Иркутской губернии 1884 г. Иркутск, 1884. С. 32.

⁸ Подсчитано по: ГАКК. Ф. 798. Оп.1. Д. 72. Л. 2 – 32; д. 157. Л. 42 – 43, 57 – 63.

⁹ Подсчитано по: ГАИО. Ф. 32. Оп.2. Д. 40. Л. 20–35; Ф. 91. Оп.2. Д. 466. Л. 1 – 81; ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 14022. Л. 164 – 217; НАРС(Я). Ф. 12-и. Оп.2. Д. 5640. Л. 42–53.

⁵ Восточное обозрение. 1894. 13 апр. № 44.

⁶ Подсчитано по: ГАРБ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 476.

В небольших уездных городках ремесло было у евреев вторым занятием после торговли.

Как и в торговом предпринимательстве, здесь также наблюдалось сильное имущественное расслоение. Большинство ремесленников была мелкими производителями, однако в начале XX в., с ростом потребностей сибиряков, искусные кузнецы, шляпники, жестянщики, обувщики, ювелиры, пряжники, шорники, часовщики довольно быстро пошли в гору, некоторые записались в купеческое сословие. Особенно хорошо шли дела у изготавливавших предметы роскоши, они сразу находили себе богатых клиентов. Среди заказчиков были даже губернаторы, что придавало обслуживавшим их евреям вес и обеспечивало гарантию от выселения.

ФЕНОМЕН «ФАТАЛЬНОГО ВЕЗЕНИЯ»

Удивительное дело: каждое новшество, грозившее предпринимательству евреев, они обращали себе на пользу. При изменении правил ведения бизнеса моментально приспособивались к новым. Любое запретительное действие со стороны власти тут же рождало противодействие, по силе превосходившее запрет. Для иллюстрации этих тезисов приведем два примера. С проведением Транссибирской магистрали сибирская торговля совершенно изменила свое лицо: отпала необходимость в крупных торговых посредниках, которые монополизировали весь товарный поток в пунктах сосредоточения больших партий товаров, ярмарки перестали играть главную роль в снабжении предметами первой необходимости. Торговцы даже с небольшим капиталом получили возможность открыть собственное дело и самостоятельно совершать закупки с учетом общественного спроса.

Многие предприниматели, не сумевшие приспособиться к новым условиям торговли, разорялись, тщетно пытаясь спасти нажитое. Но для еврейской торговли такие условия были привычны, поскольку она всегда базировалась не столько на объемах, сколько на мобильности, гибкости и всепроникающей способности.

Другой пример касается «отлучения» евреев в 1887 г. от винокурения и виноторговли, в которой они уверенно занимали первые позиции. Удар для еврейского предпринимательства был ощутимым, но, как оказалось, не смертельным. Вынужденные переориентировать свой бизнес на другие, разрешенные законодательством отрасли, еврейские предприниматели быстро заняли новую нишу – подряды, поставки продовольствия и снаряжения. Их клиентура изменилась: деревенских жителей, когда-то с нетерпением ожидавших приезда «своего» еврея с котомкой товаров, сменили военное ведомство и железная дорога. Но главное – с началом Первой мировой войны и принятием «сухого закона» стало ясно, что именно «еврейская» торговля и промышленность лучше всех приспособлены к нуждам войны. Производимые и продаваемые евреями товары – лесоматериалы, кожи, продовольствие – попали в разряд продукции стратеги-

ческого значения, тогда как винные «короли», в свое время избавленные законодательством от расторопного конкурента, потерпели крупные убытки из-за остановки производства. В забайкальском Верхнеудинске во время войны более 80 % продукции выпускалось на предприятиях, владельцами которых были евреи¹⁰.

Еврейские предприниматели приобрели солидность и лоск. Они уже имели хорошую репутацию (их «ссылное» прошлое было подзабыто), первоначальный капитал, достаточный для открытия солидного дела, и материальную состоятельность, упрочившую правовое положение. В создании крупных торговых домов евреи стали неперемными участниками, а ряд направлений в сложившейся экономической инфраструктуре полностью перешел под их контроль. Понятие «торгово-промышленный элемент» начало ассоциироваться с евреями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, было ли стремительное обогащение еврейских ссыльных во втором-третьем поколении счастливым стечением обстоятельств или в этом можно увидеть некоторую закономерность? В известной степени и то и другое. Евреям повезло оказаться в нужное время в нужном месте. Они уже пережили период первичной адаптации, когда самодержавие стало рассматривать Сибирь как военно-стратегический и торгово-промышленный плацдарм на восточных и юго-восточных рубежах России [18, с. 17], нуждавшийся в стремительной капитализации экономики. Но объективно сложившимся условиям надо было еще соответствовать. Еврейские предприниматели соответствовали. Их умение моментально определить конъюнктуру рынка, гибкость и пластичность бизнеса, умение извлекать пользу из любых неприятных неожиданностей, быстро приспособиваться к новым условиям и другие характеристики, заложенные многими поколениями их предков, способствовали тому, что они оказались в числе первооткрывателей капиталистического способа торговли и производства в Сибири. Известные дореволюционные исследователи иркутской еврейской общины оценивали их как «талантливых колонизаторов с исторически развившейся способностью быть носителями капиталистического духа» [19, с. 89, 235].

Следует учесть, что «еврейский сегмент» сибирской колонизационной волны составляли городские жители, изначально имевшие перед деревенскими элементами – ее основной массой – преимущество в виде опыта в «городских» занятиях. Зарубежные исследователи отмечают, что евреи, исторически связанные с городом и городской культурой, даже оказавшись в числе неимущих поденщиков, проявляли чрезвычайно высокую способность к социальной мобильности и легко поднимались от одного экономического статуса к другому [20, с. 175].

¹⁰ Подсчитано по: ГАРБ.Ф. 10. Оп.1. Д. 2874.

Немаловажным фактором прочного утверждения евреев в сибирской экономике являлись доброжелательность и веротерпимость местных жителей. Но это уже основа для самостоятельного сюжета.

Работа выполнена в рамках государственного задания, проект XII.191.1.1. «Трансграничные России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», номер государственной регистрации № АААА-А17-117021310269-9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск, 2019. 340 с.
2. Зубков К.И. Колонизация в истории России: экономика и геополитика // Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. Е.Т. Артемов. Екатеринбург, 2019. С. 186 – 190.
3. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века // Отечественная история. 1994. № 2. С. 60 – 73.
4. Дятлов В.И. Евреи: диаспора и «торговый народ» // Сибирский еврейский сборник. Иркутск, 1996. № 2. С. 6 – 14.
5. Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры: независимый научный журнал. М., 1999. № 1. С. 8 – 23.
6. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ, 2003. 423 с.
7. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2013. 174 с.
8. Шайдуров В.Н. Немцы, поляки, евреи в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб., 2013. 260 с.
9. Блюх И.С. Сравнение материального быта и нравственного состояния населения в черте оседлости и вне ее. СПб., 1891. Т. III. 323 с.
10. Гончаров Ю. Еврейское купечество Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Диаспоры: независимый научный журнал. М., 2000. № 3. С. 155 – 172.
11. Кальмина Л.В. Еврейское купечество Забайкалья в конце XIX – начале XX вв.: элита сословия // Сибирские исторические исследования (Siberian Historical Research). 2016. № 2. С. 21 – 40.
12. Натанс Б. За чертой оседлости: евреи в дореволюционном Петербурге // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 634 – 687.
13. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. 325 с.
14. Оршанский И.Г. Евреи в России. СПб., 1872. Вып. 1. 233 с.
15. Зомбарт В. Евреи и хозяйственная жизнь. СПб., 1912. Ч. I (экономическая). 179 с.
16. Щеглова Т.К. Образы и этнокультурная идентификация торговцев на ярмарках сибирского фронта во второй половине XIX – начале XX в. // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – нач. XX вв.). Сер. «Азиатская Россия». Иркутск, 2008. С. 117–128.
17. Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря. Иерусалим, 1979. 383 с.
18. Букин С.С., Тимошенко А.И. Стратегические идеи модернизации Сибири (конец XIX – первая треть XX в.) // Вест. Том. гос. ун-та. 2004. № 281. С. 17 – 20.
19. Войтинский В., Горништейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. 390 с.
20. Барталь И. От общины к нации: евреи Восточной Европы в 1772–1881 гг. Bibliotheca Judaica / пер. А. Сметанникова, Г. Зелениной. Иерусалим; М., 2007. 262 с.

REFERENCES

1. Zinoviev V. P. (ed.) Sketches of Northern Asian history of exploration and study. Tomsk, 2019, 368 p. (In Russ.)
2. Zubkov K. I. Colonization in the Russian history: economy and geopolitics. *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitiye Rossii: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Ekaterinburg, 2019, pp. 186–190. (In Russ.)
3. Remnev A. V. Autocracy and Siberia in the late XIX – early XX centuries. *Otechestvennaya istoriya*, 1994, no. 2, pp. 6–73. (In Russ.)
4. Dyatlov V. I. Jews: Diaspora and «trading people». *Sibirskiy evreyskiy sbornik*. Irkutsk, 1996, no. 2, pp. 6 – 14. (In Russ.)
5. Dyatlov V. I. Diaspora: trying to define the concept. *Diapory: nezavisimyy nauchnyy zhurnal*, 1999, no. 1, pp. 8 – 23 (In Russ.)
6. Kalmina L. V. The Jewish communities of Eastern Siberia, the mid – XIX century – February, 1917. Ulan-Ude, 2003, 423 p. (In Russ.)
7. Goncharov Yu.M. The Jewish communities of Western Siberia, the XIX – early XX centuries. Barnaul, 2013, 174 p. (In Russ.)
8. Shaidurov V. N. Germans, Poles, Jews of West Siberia, the XIX – early XX centuries. Saint Petersburg, 2013, 260 p. (In Russ.)
9. Bliokh I. S. Comparison of population's well-being and moral spirit in the Pale of Settlement and outside. Vol. 3. Saint Petersburg, 1891, 323 p. (In Russ.)
10. Goncharov Yu. The Jewish merchants of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. *Diapory: nezavisimyy nauchnyy zhurnal*, 2000, no. 3, pp. 155 – 172. (In Russ.)
11. Kalmina L. V. The Jewish merchants of Transbaikalia in the late XIX – early XX centuries: the merchants' elite. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2016, no. 2, pp. 21 – 40. (In Russ.)
12. Natans B. Outside of the Pale of Settlement: Jews in pre-revolutionary Petersburg. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii*. Moscow, 2005, pp. 634 – 687. (In Russ.)
13. Rabinovich G. Kh. The big bourgeoisie and monopolistic capital in Siberian economics, the late XIX – early XX centuries. Tomsk, 1975, 325 p. (In Russ.)
14. Orshanskiy I. G. Jews in Russia. Iss. 1. Saint Petersburg, 1872, 233 p. (In Russ.)
15. Zombart V. Jews and economy. Saint Petersburg, 1912, Pt. 1. (Economic). 179 p. (In Russ.)
16. Shcheglova T. K. Image and ethnocultural identification of merchants at the fairs of the Siberian frontier in the second half of the XIX – early XX centuries. *Rossiya i Sibir': integratsionnye protsessy v novom istoricheskom izmerenii (XVIII – nach. XX vv.)*. Irkutsk, 2008, pp. 117–128. (In Russ.)
17. Novomeiskiy M. From Baikal to the Dead Sea. Jerusalem, 1979, 383 p. (In Russ.)
18. Bukin S. S., Timoshenko A. I. Strategic ideas of Siberian modernization in the late XIX – first third of XX centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2004, no. 281, pp. 17–20. (In Russ.)
19. Voitinskiy V., Gornshtein A. Jews in Irkutsk. Irkutsk, 1915, 390 p. (In Russ.)
20. Bartal' I. From the community to the nation: Jews of Eastern Europe in 1772–1881. Bibliotheca Judaica. Jerusalem; Moscow, 2007, 262 p. (In Russ.)

Статья поступила
в редакцию 29.12.2019
Статья принята
к публикации 27.01.2020

DOI: 10.15372/HSS20200110
УДК 94(47).084

Н.Г. СУВОРОВА

ПОЗДНЕИМПЕРСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В ОЦЕНКАХ РАННЕСОВЕТСКИХ ЭКСПЕРТОВ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
РФ, 644070, г. Омск, пр. Мира, 55а

В статье проанализированы опубликованные и неопубликованные труды колонизационных экспертов 1920-х гг. Опыт практической деятельности, разносторонняя научная подготовка позволяла экспертам при разработке проектов планового советского переселения переосмыслить довоенный этап колонизации. Эксперты и исследователи их творчества чаще всего интересовались новациями и перспективами советской колонизации. Критика имперской колонизационной политики с классовых позиций как колонизаторской, русификаторской не умаляла признания эффективности переселенческих структур. Основные элементы критики, как и набор необходимых новаций (переход от переселения к колонизации, регулирование народной стихии, комплексное планирование, отбор колонизатора), были предложены еще на довоенном этапе и предлагались экспертами в качестве завершения неоконченных из-за войны программ. Особые экономические и политические условия реализации раннесоветских колонизационных проектов усиливали общегосударственные приоритеты в ущерб интересам регионов.

Ключевые слова: колонизационные эксперты, колонизация, колонизационные практики, колонизаторство, колония, плановое переселение, окраина.

N.G. SUVOROVA

LATE IMPERIAL COLONIZATION IN ESTIMATES OF EARLY SOVIET EXPERTS

Omsk State University F.M. Dostoevsky
55a st. Mira, 644077, Russian Federation

Based on published and unpublished works of colonization experts, the article identifies and analyzes the estimates of state colonization practices at the late imperial stage. In Soviet and modern historiography, the contribution of colonization experts of the 1920s is evaluated mainly in regard to the planned relocation concept's development. However, their direct participation in the organization, implementation, scientific understanding of the pre-war period of colonization justifies the appeal to their retrospective assessments. The oppositionality, the left-liberal traditions of the officials of the resettlement department explain the critical attitude towards autocratic power. During the early Soviet stage the quantitative and qualitative characteristics of the empire the colonization efforts outskirts were assessed as successful, but not completed due to external factors (revolution and wars). The effectiveness of the resettlement apparatus, the scientific feasibility of colonization programs including the priority of colonization practices over resettlement programs, the regulation of the resettlement flow explain a consistent return to the old principles and programs. Criticism of the pre-revolutionary colonization policy from the class standpoint as imperialist / colonialist Russification did not diminish the effectiveness of resettlement structures and the fruitful contribution of participants to the "active resettlement" matter. The main elements of criticism, as well as the set of necessary innovations (transition from resettlement to colonization, regulating people elements and integrated planning, selection a quality colonizer), were proposed at the pre-war stage by experts as the completion of programs not finished due to the war. Special economic and political conditions for the implementation of early Soviet colonization projects strengthened national priorities to the detriment of regional interests.

Key words: colonization experts, colonization, colonization practices, colonization, colony, planned relocation, outskirts.

Наталья Геннадьевна Суворова – канд. ист. наук, доцент кафедры, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, e-mail: sng19911@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6738-7607>.

Natalya Gennadyevna Suvorova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of PreRevolutionary Russian History and Documentation of Dostoevsky Omsk State University.

ВВЕДЕНИЕ

Для современных исследователей колонизационно-переселенческого дела характерно обращение к раннесоветскому периоду, в рамках которого сформировалась особая программа «планового переселения» [1; 2; 3; 4]. При этом работы «бывших чиновников Переселенческого управления» 1920-х гг. не вполне определенно характеризуются исследователями как «немарксистские», «продолжающие традиции дореволюционной официальной историографии» [5, с. 57]. Советский исследователь Н.И. Платунов позицию чиновников Переселенческого управления относительно методов переселенческой политики царизма определил как критическую, вследствие тесного соприкосновения «с беднейшими слоями сельского населения» и непосредственного наблюдения страданий и бедствий переселенцев [6, с. 36].

Значимость данного периода по сравнению с последующим определяется сохранением «относительной терпимости» и ограниченности конъюнктурного влияния идеологии при обсуждении перспектив советской колонизации, а также ретроспектив дореволюционного переселенческого дела [7, с. 8]. Считается, что советская колонизационная наука как «наука, устремленная в будущее», к прошлому обращалась редко, в основном за оценками экономических результатов переселений для составления прогнозов [7, с. 28]. Однако процессы деколонизации уже освоенных земель в послевоенный период, ограниченные возможности для проведения научно-исследовательских экспедиций в районы водворения возвращают исследователей 1920-х гг. к накопленному опыту и материалам довоенного колонизационного дела.

Цель данного исследования – выявление и характеристика оценок позднеимперской колонизации раннесоветскими экспертами, имевшими дореволюционный опыт службы в переселенческом ведомстве.

Осложняющими факторами для выработки собственной позиции колонизационными экспертами 1920-х гг. являлись кардинальные социально-политические и экономические трансформации, формирующаяся новая официальная идеология, новый научный, политический язык. Переходность и преемственность этой эпохи отражались не только на уровне политических решений, принимаемых властью, но и переосмысления накопленного опыта, отстаивания или отказа от прежних «старорежимных» ценностей и идей или принятия новых советских, быстро меняющихся идеологем. Редко используемый в современной литературе персональный подход, сравнение авторских оценок до и после революции позволяет скорректировать представления о времени и причинах зарождения критического отношения к имперским колонизационным практикам. При этом анализ текстов экспертов с учетом их карьерных биографий поможет уточнить и скорректировать формальные характеристики экспертов как «бюрократов», «империалистов», «колонизаторов», «технократов», «модернизаторов» [8, с. 105 – 149; 9,

р. 151 – 179, 10, с. 340 – 365]. Приписывание экспертам таких групповых качеств, как «сервильность», включенность в колонизаторский дискурс, сочувствие национал-консервативным идеям, требует не предположительной, но фактической аргументации [11, с. 68 – 69].

Традиционная критичность экспертов, опирающихся на научный анализ, владеющих ведомственной информацией, осознающих общественно-политическую значимость переселенческого дела в новых условиях, усиливалась сменой политических режимов, ощущением новизны и возможных позитивных перемен. А.А. Ярилов (1868 – 1948) – эксперт с долгой и успешной карьерой, директор Государственного колонизационного научно-исследовательского института (1922 – 1928), в начале 1920-х гг. писал, что молодость России определяется именно незавершенными колонизационными процессами. Рациональный характер экономических, технических и культурных преобразований обуславливал, по его мнению, ответственность ученых перед новым «государством-хозяином» [12, с. 39]. И он задавался вопросом: «Выдержат ли они предъявленный жизнью экзамен?»

**КАРЬЕРЫ И ТЕКСТЫ
КОЛОНИЗАЦИОННЫХ ЭКСПЕРТОВ В 1920-е гг.**

Колонизационные структуры в начале XX в. понесли значительный кадровый урон в результате мобилизаций и сворачивания переселенческой деятельности государства. В записке заведующего кафедрой экономики переселения Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства профессора Н.А. Сборовского отмечалось «естественное и насильственное вымирание персонала»¹. Стихийное массовое переселение «голодобеженцев», носившее «характер бедствия», создавало особые условия для переосмысления довоенных усилий государства [13, с. 29].

Сохраняя дореволюционную традицию «научного освоения региона», советское переселенческое ведомство активно привлекало для разработки колонизационных программ наряду с чиновниками внештатный персонал ученых, преподавателей, статистиков, аграрной интеллигенции. Задачи этой группы экспертов заключались в «научном руководстве обследованием территорий, установлении единого плана систематического и всестороннего изучения заселяемых районов»². Их знания о колонизационных практиках не являлись следствием исключительно теоретических размышлений или политических пристрастий, но были итогом «непосредственных наблюдений», опытом, вынесенным в ходе многочисленных служебных поездок, общения в специфическом кругу небюрократического, вполне демократического по составу и взглядам переселенческого ведомства...» [14, с. 164]. Эксперты по-

¹ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 2668. Оп. 1. Д. 137: Докладная записка об организации Переселенческого отделения при земфаке СибИСХЛ. Л. 6.

² Там же. Д. 142. Л. 83.

мимо разработки колонизационных проектов, участия в реализации переселенческо-колонизационных мероприятий играли важную роль в общественных презентациях колонизационного дискурса в прессе, научных и просветительских обществах. Их тексты в формате газетных, журнальных статей, отчетов, проектов законов, аналитических записок не только содержат описание осваиваемого региона (экономический потенциал, направления хозяйственного освоения, перспективы сельскохозяйственной и промышленной колонизации), но и задают новые классификации населения, определяют стратегии управления и интеграционные практики.

Многие из бывших имперских экспертов, продолживших службу в советских учреждениях, отличались демократическими и «левыми настроениями» [15, с. 42], имели опыт участия в различных оппозиционных выступлениях (от студенческих волнений и кружков до вполне профессиональной партийной работы), получили статус поднадзорных, ссыльных, «политических фанатиков», их послужные формуляры были «предосудительными» (Н.А. Сборовский («Союз борьбы за освобождение рабочего класса», РСДРП), Н.Н. Баранский (РСДРП), Ф.М. Галинский (РСДРП), В.Р. Берг (РСДРП), С.П. Швецов, Н.П. Огановский (ПСР) и др.). В автобиографиях советского периода эксперты, даже фиксируя беспартийность, отмечали конфликты с царской властью, «репрессии по политическим преступлениям» по отношению к ним, и использовали, как клише-оберег, статус «старый большевик».

Ведомственные издания Наркомзема, Госколониата (Государственный колонизационный научно-исследовательский институт), Сибревкома показывают изменяющуюся географию колонизационных усилий государства и позволяют зафиксировать продолжающиеся колонизационные карьеры экспертов [16, 17, 18]. После революции и во время Гражданской войны центр колонизационных мероприятий и экспедиционной деятельности временно смещается на Европейский Север, который оказался «единственно достигаемым районом с заведомо избыточным земельным фондом» [19, с. 73]. С 1919 г. здесь находился бывший начальник Переселенческого управления Г. Ф. Чиркин – в качестве уполномоченного по обследованию Севера колониального отдела Наркомата земледелия³. В 1922 г., уже пережив первый арест по делу о противодействии изъятию церковных ценностей, он становится членом правления, организатором и начальником колонизационного отдела.

В 1917 г. по его распоряжению в Вологодскую губернию был направлен чиновник особых поручений, уполномоченный Главного управления земледелия и землеустройства в Амурской области Н.К. Шуман⁴.

³ База знаний «Колонизационные эксперты между империей и советской властью». URL: https://github.com/intmainreturn00/imperial_lab/wiki (дата обращения: 01.11.2010).

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 7. Д. 4054. О службе чиновника особых поручений 5 кл. Главного управления землеустройства и земледелия Н.К. Шумана.

К этому времени у Шумана был семнадцатилетний стаж переселенческой службы в Сибири и на Дальнем Востоке и, как уполномоченный, он объединял в своих руках не только все отрасли переселенческого дела, но и управление государственными имуществами и агрономической помощью. Н.К. Шуман еще в 1914 г. предлагал развернутый план «последовательной (или планомерной) колонизации Амурской области», но его реализация осложнялась конфликтом с «местными общественными деятелями», обвинившими чиновника сначала в особых симпатиях к немецким колонистам в ущерб русским крестьянам, а позднее, в дни революции 1917 г., – в недостаточной и неискренней революционности.

В составе Северных колонизационных экспедиций работал заведующий районом по передвижению переселенцев – Ю.П. Иорданский⁵. В Наркомземе и Госколониате делают успешную, хотя и не во всех случаях продолжительную карьеру чиновники бывшего переселенческого ведомства: В.П. Вошинин, А.В. Успенский, И.Л. Ямзин, А.А. Ярилов. Часть экспертов покидает столицы и западные окраины в ходе эвакуации, в том числе государственных и учебных заведений. Следует отметить экспертов, чья карьерная биография не прерывалась в условиях Гражданской войны и включала работу сначала в имперских, а затем в большевистских, антибольшевистских и советских колонизационных структурах (Н.Я. Новомбергский, В.Ч. Дорогостайский, Н.Д. Павлов, С.А. Грузевский, Н.Ф. Жизневский, Г.Ф. Чиркин, Н.К. Шуман и др.). В автобиографиях начала 1920-х гг. ученые не определяли характер власти, которой служили и отношение к ней, что должно было подчеркивать аполитический характер их карьеры. Свою деятельность они позиционировали как «служение делу», работу по специальности «для страны и народа, так как власти в то время казались преходящими»⁶.

Условно хронологической гранью для группы колонизационных экспертов, означающей разрыв с властью, станет изъятие из научного и общественно-политического языка колонизационной лексики, приравнивание ее к бранным и одиозным выражениям [20, с. 910; 21, с. 4; 22, с. 5], начавшиеся репрессии против бывших царских чиновников и аграрной интеллигенции [23]. Супруга бывшего чиновника Переселенческого управления В.П. Вошинина после его ареста писала, что стремление Вошинина «к работе на пользу нового общества, к полному слиянию с ним, к коренной своей переработке не было оценено советской властью ... На пути новой своей дороги он оказался в тюрьме»⁷.

⁵ База знаний «Колонизационные эксперты между империей и советской властью». URL: https://github.com/intmainreturn00/imperial_lab/wiki (дата обращения: 01.11.2010).

⁶ Народный музей истории Омского государственного аграрного университета (НМИ ОмГАУ). Ф. 492. Оп. 2. Д. 4862. Личное дело Н.Д. Павлова. б/нс.

⁷ Из письма Т.А. Ельченковой (жена В.П. Вошинина) Е.П. Пешковой // Заклейменные властью. Услышь их голоса: URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000533.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

В обвинительных приговорах экспертам прослеживается не только продолжение ими профессиональной колонизационной (научной, преподавательской, организационной, административной) деятельности, но и сохранение прежних принципов, взглядов. Ссылаясь на статьи, по которым осуждали ученых, тексты допросов и обвинительных приговоров, даже признавая неправовые условия «следственных процессов», абсурдность выносимых обвинений, все же можно выяснить, что им инкриминировала власть и как это соотносится, если не с практиками осужденного, то с меняющимися идеологическими установками государства.

Ю.П. Иорданского (1883 – 1938), старшего специалиста по колонизации Наркомзема, заместителя начальника северной экспедиции, сначала сошлут на Урал, а после обвинят в создании контрреволюционной группы, которая проводила вредительскую деятельность в системе преподавания. Преподавая географию, он якобы «теоретически обезоруживал студентов», не показывая им «классовой обусловленности географических открытий» [24, с. 6]. Г.Ф. Чиркина обвинят в том, что, «руководя колонизацией в Карело-Мурманском крае, он заведомо искажал ... классовую линию в переселенческом деле, укрепляя капиталистические элементы Карело-Мурманского края, с целью использования их на случай восстания и предстоящей интервенции капиталистическими странами СССР»⁸. Часть экспертов расстреляют в 1930-е гг. (В.Р. Берг, В.В. Барышевцев, Н.В. Билевич, В.Ч. Дорогостайский, Н.Е. Ишмаев и др.), часть – снова арестуют и отправят в ссылку (М.И. Альтшуллер, В.П. Вошинин, Н.П. Огановский, А.М. Ярмош). Продолжение карьеры в 1930 – 1940-е гг. могло означать, что эксперт «выдержал экзамен» и соответствует новому «государству – хозяйину» (А.А. Ярилов – показательно изменение исследовательской лексики в работах А.А. Ярилова: «Ученые “недобитки” капитализма на фронте аграрного вредительства»⁹), Н.Н. Баранский, П.А. Кобозев) или что он успел поменять экспертную деятельность на менее опасную (Н.А. Сборовский, например, откажется от руководства кафедрой, переезжает в Ленинград и будет трудиться библиотекарем в Омском сельскохозяйственном институте).

«КОЛОНИЗАЦИЯ, НО НЕ КОЛОНИЗАТОРСТВО»: ПОИСК НОВОЙ МОДЕЛИ КОЛОНИЗАЦИИ ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ К СТАРОЙ

После революции эксперты вновь вернулись к дискуссиям о соотношении процессов переселения и колонизации [25], дополнив ее категориями «колониализм» и «колониаторство» [26, с. 7 – 11; 27, с. 16 – 20; 28, 29]. Новая эпоха диктовала необходимость «возможно резче отгородиться от старого, при-

нять все меры к тому, чтобы... марка, фирма и вывеска старой «колонизации» не перешли на новые институции [30, с. 8].

Площадками для постановки и обсуждения колонизационных проблем, выработки научной доктрины и ее популяризации стали специальные секции Госколониата, его труды, сборники «Вопросы переселения и колонизации Сибири». Колонизационные тексты с начала 20-х гг. наполняются новыми теориями и понятиями, а их авторы, бывшие имперские эксперты, демонстрируют теперь не только профессиональные знания, широкий кругозор, но и владение марксистско-ленинскими источниками. Бесспорно, что для этого периода политико-экономический подход к колонизационным вопросам (или «подход по Марксу – Ленину») не был единственным. Н.А. Сборовский в историко-методологическом обзоре работы «Переселение и колонизация» выделяет также этногеографический, историко-хозяйственный, хозяйственно-технический, культурно-организационный, политико-юридический и еще ряд других¹⁰. Для него, как и для других экспертов той поры, работы европейских классиков политической экономии, исследователей внутренней и внешней европейской колонизации, сибирских областников и отечественных народников еще остаются равнодоступными источниками, активно используемыми в построении собственных концепций отечественной колонизации.

В качестве наиболее очевидного советского элемента колонизационного дискурса в работах экспертов может быть назван классовый подход, с помощью которого они и пытаются объяснить отличия дореволюционного переселения, колонизации и их новых советских «реплик». Декларируя советское переселение как «основной факт русской истории и государственного бытия», как способ развития производительных сил страны путем рационального, в интересах трудящихся, распределения населения по всей территории страны независимо от национальных границ», эксперты должны были показать его специфику в условиях уже «несамодержавной власти» [31, с. 126].

Основной претензией экспертов к дореволюционному переселению было использование этого инструмента в политических интересах власти для «укрепления помещичьего класса» и утеснения национальных меньшинств [31, с. 126 – 143]. Политическими, классовыми мотивами эксперты объясняли и сдерживание государством переселения во имя сохранения рабочих рук для помещиков, и напротив, его поддержку, чтобы «разредить» население и снизить число недовольных [32, с. 4]. Цель переселения влияла на качество «колонизационного материала» и не способствовала прочному водворению, развитию экономики региона.

Выход из этой ситуации был обозначен еще накануне Первой мировой войны: переселенческое движение предлагалось подчинить общему рацио-

⁸Чиркин Геннадий Федорович // Кольская энциклопедия. URL: http://ke.culture.gov-murman.ru/slovník/?ELEMENT_ID=259567 (дата обращения: 01.11.2019).

⁹ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 582. Оп. 2. Д. 17: Автобиография и биография А.А. Ярилова.

¹⁰ ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 212. Л.2 — 4: Сборовский Н.А. Переселение и колонизация.

нальному плану комплексной колонизации, не только сельскохозяйственной, но и промышленной [33, с. 25 – 49; 34, с. 15 – 22; 35, с. 45 – 87; 36, с. 136 – 167]. Аграрное или сельскохозяйственное переселение и с народнической, и с марксистской позиций было оправданной мерой, но недостаточной. С народнических позиций переселение способствовало расширению народного крестьянского мелкого землевладения, с позиций марксистских – предполагало прогрессивную буржуазную эволюцию сельского хозяйства, его интенсификацию, «перескок от залежной к травопольной системе, миная трехполье»¹¹.

Отличие переселения от колонизации заключалось в стратегических целях и характере. А. Успенский уточнял исторически меняющийся характер власти как «помещичье-торгашеско-военный» и выделял соответствующие этапы колонизации: земледельческий, промышленный, империалистический [26, с. 8]. Новая советская колонизация должна была стать «государственно-федеративной и экономически целесообразной ради скорейшего вовлечения в народно-хозяйственный оборот всего того, что «впусте лежит» [26, с. 7].

Колонизация определялась как более сложная многоаспектная «планомерная» система государственных мер, направленных на развитие или освоение территории с учетом потребностей самих окраин и в сочетании с общегосударственными интересами [21, с. 4]. Сведение колонизационных мероприятий к переселению оценивалось как один из принципиальных недостатков деятельности старорежимного Переселенческого управления [37, с. 42].

Конкретизируя стратегию государства на столыпинском этапе переселенческой политики, Н.А. Сборовский останавливается на двух позициях: выселении крестьян из Европейской России и «империалистическом оживлении» окраин¹². Парадоксальным образом империалистические тенденции в политике правительства, спровоцированные капиталистическими, индустриальными и торговыми интересами «командовавших классов», все же «оживляли» край, т. е. по-областнически оправдывали колонизацию, прежде всего, во имя будущей промышленности региона.

Теоретики «новой колонизационной науки» без примеси областничества любую колонизационную политику в капиталистическом обществе призывали оценивать как колониальную или колонизаторскую, т. е. «направленную на извлечение выгод из колоний в пользу метрополий» [19, с. 5]. В случае подмены интересов местного населения политическими потребностями государства или во имя лиц «коренного русского происхождения и православного вероисповедания» колонизация превращалась в «колонизаторство».

Провозглашенный государством принцип русификации окраин рассматривался как элемент колонизаторской, но не колонизационной политики. Причем

государственные усилия в этом направлении оценивались как нерезультативные. Русификация могла повлиять на способы перераспределения земельных участков, но она не имела законодательного основания, поэтому реализация данного принципа зависела от местных переселенческих организаций. Это позволяло фактически самостоятельно переселенческим структурам определять границы и масштабы давления на туземное население, но столь же усиливало и местную администрацию.

В качестве примеров окраин, которые государство пыталось русифицировать, В.П. Вошинин указывает на Степной край, Туркестан, бурятские земли Забайкалья, черноморское побережье Кавказа. На данных территориях государство, по его мнению, использовало переселение для «утеснения» национальных меньшинств или для достижения «политических, в национальном смысле этого слова эффектов» [31, с. 126]. В 1914 г. после поездки в Туркестан В.П. Вошинин как имперский эксперт поделился своими соображениями о плюсах и минусах русской колонизации в этом регионе [38]. Можно убедиться, что «советский Вошинин» вполне оправданно осуждал свое бывшее «имперское колонизаторство» со всеми ориенталистскими атрибутами: воспеванием «русского дела», прогресса и цивилизации, любованием «личиком молодой, веселой сартянки», «ослепительно сверкающим золотым крестом» в небе мусульманского края и гордостью за переселенческие школы и больницу [38, с. 23]. В 1926 г. В.П. Вошинин примет участие в составлении проекта орошения Голодной степи и будет осужден на 10 лет за вредительство и «за психологию давнего прошлого»¹³.

Активное участие государства, прежде всего, в законодательной и землеустроительной сферах критикуется экспертами с позиций незавершенности и нерализованности провозглашенных принципов. Так, принцип свободы переселения не подкреплялся соответствующим масштабом землеотводных работ. Свобода переселения как условие развития территории (во имя интересов колонизации окраин) уступала место интересам внутреннего землеустройства: земельный фонд разверстывался с учетом нужд малоземельных крестьян Европейской России. Невозможность контролировать масштабы переселенческого потока приводила к скоплению неустроенных «самовольцев», разрастающемуся «мертвому» фонду.

Н.А. Сборовский, как один из наиболее последовательных марксистов, критически относился к «казенным мероприятиям императорского правительства», административной неразберихе, неоправданной ведомственной секретности переселенческого дела, недостаточности средств, попыткам представить стройность и грандиозность этих мер перед Государ-

¹³ Из письма Т.А. Ельченковой (жена В.П. Вошинина) Е.П. Пешковой // Заклейменные властью. Услышь их голоса: URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000533.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

¹¹ ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 212. Л. 42.

¹² Там же. Д. 12. Л. 12 – 34 об.

ственной думой. Признавая переселение важным государственным мероприятием, эксперты сетовали на недостаточное, не сопоставимое с огромными выгодами государственное финансирование [31, с. 126]. Слабым финансированием объяснялись «тяжкие недостатки» в агрономическом, дорожном, медицинском деле. Традиционным либеральным упреком бюрократическим структурам была также слабая связь с местным обществом, отсюда и непонимание его нужд.

Неэффективность власти виделась экспертам в неспособности контролировать переселенческий процесс, что приводило к преобладанию вольного или стихийного движения на всем имперском этапе. Вольнонародный характер промышленной, земледельческой колонизации не изменял итоговое состояние заселяемых территорий – «к середине XIX в. все Зауралье, степи и Туркестан оказались фактически колониями России» [31, с. 127]. «Колонизационное начало» в переселении как явление достаточно позднее В.П. Вошинин будет связывать с превалированием интересов прочного устройства новоселов на новых местах в заселяемой местности перед задачами удаления «неспокойных» элементов из малоземельного центра.

Досоветская колонизационная политика не исключала элемент плановости или планомерности, поскольку также имела «совершенно определенные хозяйственные задачи в отношении колонизируемой области и была подчинена выработанному плану организации народного хозяйства» [19, с. 4]. К элементам планового переселения эксперты относили рациональное землеустройство, мелиоративные и другие мероприятия, направленные на формирование «оптимальных», желаемых форм и размеров хозяйств. Отрицать наличие этих черт в «старорежимном переселении было сложно, поэтому умаллялась степень планомерности в условиях классового общества с его «свободной игрой экономических интересов». Только при устранении классовых противоречий и «социализации жизни», «по мере роста власти пролетариата, как последнего, восходящего социального класса и гробовщика классового общества», возможным представлялось «торжество идей плановой организации народного хозяйства и планомерной организации территории, в том числе и колонизационной» [19, с. 5].

При всем том даже у самых последовательных критиков имперской колонизации практически не возникло претензий к собственно переселенческой организации, которая «в местах водворения оказывала новоселам всестороннюю сельскохозяйственную (предметную и инструкторскую) и вообще снабженческую помощь, ведала общим устройством поселков, организовывала санитарное и медицинское обслуживание, транспорт и даже пути сообщения, ... выдавала ссуды на домообзаводство...», отводила участки [31, с. 129]. Непосредственные исполнители «казенных технических мероприятий» – «колонизаторы» (переселенческие чиновники, межевщики, агрономы и прочие) – не являлись в колонизационных схемах

экспертов представителями или служителями эксплуататорских классов.

Основные мероприятия Переселенческого управления были направлены на удовлетворение «крайне изменчивых запросов переселенческого движения», выполняемых в экстремальных условиях с минимальными затратами. Переселенческое дело поэтому и признавалось прогрессивным как направленное на буржуазную эволюцию (хотя и помещичьего типа) и среди прочих отраслей административно-государственного хозяйства характеризовалось как «золотая лебединая песня буржуазно-помещичьей земельной политики старой эпохи»¹⁴. Значение старой «колонизационной команды» показано Сборовским не только в реализации замыслов центра, но и в создании новационных планов по увеличению колонизационного фонда Сибири, «разрешению колонизационно-фондового кризиса». Роль местных переселенческих организаций также определялась социальными функциями, компенсирующими отсутствие земских учреждений.

Новые планы советские эксперты писали со ссылками на старые экспедиционные материалы и еще не решенные, но выдвинутые в довоенный период идеи заселения колонизируемых регионов «надлежащим контингентом», организации плановой, рациональной колонизации, в том числе труднодоступных районов, «сверхмагистрализации», социально-культурного и хозяйственно-экономического их развития. В проекте генерального плана колонизации Сибирского края на 15 лет (с 1926 по 1941 г.) высказывалось предположение о том, что советская колонизация, осуществляемая силами и средствами советской переселенческой организации, не будет «стоять ниже той, которую проводила старорежимная власть»¹⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на чрезвычайно сложные послереволюционные условия, Гражданскую войну и ее последствия, колонизационные планы 1920-х гг. можно считать продолжением довоенного периода колонизации (начало 1890-х гг. – 1914 г.). С конца 1920-х начинается последовательный отказ от выработанных базовых принципов. Классовый подход будет исполнен в программе принудительного выселения кулаков, а провозглашенный поворот «лицом к окраинам» реализован в классическом колониальном варианте прокормления «оскудевшего центра». Практически оправданная в 1920-е гг. колонизационная лексика будет вытеснена в капиталистическое прошлое и внешнее империалистическое окружение Советской России. Для внутреннего пространства советского настоящего будут использоваться нейтральные понятия: заселение, освоение, миграция.

Критика дореволюционной колонизационной политики с классовых позиций как империалистической / колонизаторской / русификаторской не умаляла призна-

¹⁴ ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 12. Л. 29.

¹⁵ Там же. Д. 172. Л. 1 – 2. Проект генерального плана колонизации Сибирского края на 15 лет с 1926 по 1941 г.

ния эффективности переселенческих структур, плодотворного труда участников «живого переселенческого» дела. Основные элементы критики, как и необходимые новации (переход от переселения к колонизации, регулирование народной стихии и комплексное планирование, отбор качественного колонизатора), были предложены еще на довоенном этапе и рассматривались экспертами в качестве завершения неоконченных из-за войны программ. Особые экономические и политические условия реализации раннесоветских колонизационных проектов усиливали общегосударственные приоритеты (восстановления и сохранения Советской России) в ущерб интересам регионов.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-01-00446 «Колонизационные эксперты между империей и советской властью».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Занданова Л.В. Основные этапы складывания советской переселенческой политики и формирования переселенческих органов // Известия Иркут. гос. ун-та. Серия: Политология. Религиоведение. 2007. № 1. С. 27–45.
2. Моисеев В. Крестьянские переселения в 1920-е годы (из истории миграции в России) // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2, № 3. С. 87–141.
3. Рынков В.М. Переселение, колонизация, спасение голодающих: проекты и реалии переселенческой политики первого послереволюционного пятилетия (1918 – 1922 гг.) // Проекты освоения и развития Сибири в XX веке. Новосибирск, 2013. С. 108–137.
4. Земельные органы Сибири в 1920-е гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск, 2015. 608 с.
5. Белянин Д.Н. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: дис. д-ра ист. наук. Томск, 2016. 696 с.
6. Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976. 283 с.
7. Волошинова И.В. Переселенческая политика советского государства в 1920–1930-е годы в отечественной историографии: дис. ... канд. ист. наук СПб., 2002. 200 с.
8. Сандерленд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи [1700 – 1917]: сб. статей. М., 2010. С. 105 – 149.
9. Holquist P. «In accord with state interests and the people's wishes»: The technocratic ideology of imperial Russia's resettlement administration // Slavic rev. Urbana-Champaign, 2010, Vol. 69, N 1. P. 151–179.
10. Масаэро А. Колонизация в позднимперской России: история понятия // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. тр. Омск, 2016. С. 340–365.
11. Чуркин М.К. Институт имперских экспертов в колонизации Западной Сибири и Степного края (вторая половина XIX – начало XX в.): факторы становления и эволюции // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 2. С. 63–69. DOI: 10.15372/HSS20190212
12. Ярилов А.А. Колонизация и использование природных богатств как основные предпосылки дальнейшего развития России: Отчеты по обследованию природных районов Северных железных дорог. М., 1921. Вып. 5. 39 с.
13. Старков П. Переселение в Сибирь за время империалистической войны и революции (1914 – 1925 гг.) // К вопросу о колонизации Сибири: сб. ст. по ред. В. Лаврова. Новосибирск, 1926. С. 29–37.
14. Кауфман А.А. Автобиография / публ. и прим. Д.Я. Майдачевского // Историко-экономические исследования. 2015. Вып. 16, N 1. С. 151–180. DOI 10.17150/2308-2588.2015.16(1).151-180
15. Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. 376 с.
16. Сборник материалов по колонизационным обследованиям Севера. Пг.: Ред.-изд. комитет Народного комиссариата земледелия. Пг., 1922. 63 с.
17. Труды Государственного колонизационного научно-исследовательского института. М., 1924. Т. 1. 400 с.; 1926. Т. 2. 189 с.
18. О земле: сб. ст. об использовании в народно-хозяйственном обороте свободных земель. М., 1921. Вып. 1. 192 с.
19. Ямзин И.Л., Воицинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М., 1926. 330 с.
20. Размышление о науке: Из эпистолярного наследия профессора А.А. Ярилова / Публикация и примечание Ю.М. Соловьева // Вестн. Рос. акад. наук. 1993. Т. 63, № 10. С. 909–912.
21. Яхонтов А.П. Переселение и колонизация: Конспект лекций, читанных на землеустроительных курсах в 1924 году. Харьков, 1925. 105 с.
22. Стенографический отчет Первого Всероссийского совещания работников по переселенческому делу (28 февраля – 5 марта 1927 г.). М., 1927. 54 с.
23. Куреньшев А.А. Сельскохозяйственная интеллигенция и власть в эпоху сталинизма. 1922–1950-е гг. М., 2017. 238 с.
24. Животова А.Н., Хажеева И.В. Судьбы репрессированных в 1930-е годы преподавателей, студентов и сотрудников Тюменского пединститута // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2015. № 3 (178). С. 4–9.
25. Успенский А.В. Прошлое и будущее колонизации // О Земле: сб. стат. об использовании в народно-хозяйственном обороте свободных земель. М., 1922. Вып. III. С. 7–11.
27. Воицинин В. О термине «Колонизация» // О Земле: сб. стат. об использовании в народно-хозяйственном обороте свободных земель. М., 1922. Вып. III. С. 16–20.
28. Гримм Э.Д. Основные типы миграционно-колонизационных процессов, их происхождение и характер // Труды Государственного колонизационного научно-исследовательского института. М., 1924. Т. 1. С. 34–49.
29. Арнольдов А.М. Колонизация, но не колонизаторство (К вопросу о принципах колонизационной работы в СССР). Л.; Петрозаводск, 1927. 20 с.
30. Ярилов А.А. Пути колонизационного строительства // Труды Государственного колонизационного научно-исследовательского института. М., 1924. Т. I. С. 3–8.
31. Воицинин В. Переселение // О земле: сб. стат. о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. [Б.м.], 1921. Вып. I. С. 126–143.
32. Большаков М.А. Современное переселение. М., 1924. 52 с.
33. Чуркин Г.Ф. О колонизационно-культурных задачах после войны // Вопросы колонизации. 1916. № 18. С. 25–49.
34. Симонов М.И. О направлении колонизационной деятельности в ближайшем будущем, речь, сказанная в Общем собрании Государственной думы // Вопросы колонизации. 1917. № 20. С. 15–22.
35. Тресвятский В. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 г. // Вопросы колонизации. 1917. № 20. С. 45 – 87.
36. Журналы комиссий: По вопросам переселения и колонизации // Вопросы колонизации. 1917. № 20. С. 136–167.
37. Труды съезда по вопросам колонизации Севера // Сборник материалов по колонизации Севера. 1922. № 3. С. 1–63.
38. Воицинин В.П. Очерки нового Туркестана: свет и тени Русской колонизации. СПб., 1914. 86 с.

REFERENCES

1. Zandanova L. V. The main stages of forming the Soviet resettlement policy and resettlement bodies. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 2007, no. 1, pp. 27–45. (In Russ.)
2. Moiseenko V. Peasant resettlement in the 1920s (the history of migration in Russia). *Demograficheskoe obozrenie*, 2015, vol. 2, no. 3, pp. 87–141. (In Russ.)
3. Rynkov V. M. Relocation, colonization, saving the starving: projects and realities of the resettlement policy of the first post-revolutionary five-year period (1918–1922). *Proekty osvoeniya i razvitiya Sibiri v XX veke*. Novosibirsk, 2013, pp. 108–137. (In Russ.)
4. Il'inykh V.A., Martynova Y.G. (eds.) Land authorities of Siberia in the 1920s: a documentary-monographic publication. Novosibirsk, 2015, 608 p. (In Russ.)
5. Belyanin D. N. The state policy of agrarian-peasant migrations to West Siberia in 1861–1917: dissertation. Tomsk, 2016, 696 p. (In Russ.)
6. Platonov N. I. The resettlement policy of the Soviet state and its implementation in the USSR (1917 – June 1941). Tomsk, 1976, 283 p. (In Russ.)
7. Voloshinova I. V. Migration policy of the Soviet state in the 1920s-1930s in Russian historiography: dissertation. Saint Petersburg, 2002, 200 p. (In Russ.)
8. Sunderland V. The Ministry of Asian Russia: The Colonial Office that Never Was but might have been. *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiiskoy imperii [1700–1917]*. Moscow, 2010, pp. 105–149. (In Russ.)
9. Holquist P. «In accord with state interests and the people's wishes»: the technocratic ideology of imperial Russia's resettlement administration. *Slavic Review*, 2010, vol. 69, no. 1, pp. 151–179.
10. Masaero A. Colonization in late imperial Russia: the history of the concept. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii*. Omsk, 2016, pp. 340–365. (In Russ.)
11. Churkin M. K. The Institute of Imperial Experts in the Colonization of West Siberia and the Steppe Krai (the second half of the XIX – early XX centuries): factors of formation and evolution. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, vol. 26, no. 2, pp. 63–69. DOI: 10.15372/HSS20190212. (In Russ.)
12. Yarilov A. A. Colonization and use of natural resources as the main prerequisites for the further development of Russia: reports on the survey of natural areas of the Northern railways. Moscow, 1921, vol. 5, 39 p. (In Russ.)
13. Starkov P. Relocation to Siberia during the imperialist war and revolution (1914–1925). *K voprosu o kolonizatsii Sibiri*. Novosibirsk, 1926, pp. 29–37. (In Russ.)
14. Kaufman A. A. Autobiography. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2015, iss. 16, no. 1, pp.151–180. DOI: 10.17150/2308–2588.2015.16(1).151-180. (In Russ.)
15. Tatishchev A. A. Lands and people. In the thick of the resettlement movement (1906–1921). Moscow, 2001, 376 p. (In Russ.)
16. Collection of materials on colonization surveys of the North. Petrograd, 1922, no. 3. 63 p. (In Russ.)
17. Proceedings of the State Colonization Research Institute. Moscow, 1924–1926. 1924, vol. 1. 400 p. ; 1926, vol. 2. 189 p. (In Russ.)
18. About land: a collection of papers on using free land in the national economic turnover. Iss. 1. Moscow, 1921, 192 p. (In Russ.)
19. Yamzin I. L., Voshchinin V. P. The doctrine of colonization and resettlement. Moscow, 1926, 330 p. (In Russ.)
20. Yarilov A.A. Reflection on science: from the epistolary heritage of Professor A.A. Yarilova with notes by Yu. M. Soloviev. *Vestnik Rossiiskoy akademii nauk*, 1993, vol. 63, no. 10, pp. 909–912. (In Russ.)
21. Yakhontov A. P. Resettlement and colonization: lectures given at Land Management courses in 1924. Kharkiv, 1925, 105 p. (In Russ.)
22. Verbatim report of the First All-Russian meeting of resettlement workers (February 28 – March 5, 1927). Moscow, 1927, 54 p. (In Russ.)
23. Kurenyshev A. A. Agricultural intelligentsia and power during the Stalinism era. 1922–1950s. Moscow, 2017, 238 p. (In Russ.)
24. Zhitovaya A. N., Khazheeva I. V. The fate of teachers, students and employees of the Tyumen Pedagogical Institute repressed in the 1930s. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 3, pp. 4–9. (In Russ.)
25. Sunderland W. An empire without imperialism? The ambiguous nature of colonization in Tsarist Russia. *Am Imperio*, 2003, no. 2, pp. 101–114.
26. Uspensky A.V. The past and future of colonization. *O Zemle: sbornik statey ob ispol'zovanii v narodno-khozyaystvennom oborote svobodnykh zemel'*. Moscow, 1922, iss. 3, pp. 7–11. (In Russ.)
27. Voshchinin V. On the term “colonization”. *O Zemle: sbornik statey ob ispol'zovanii v narodno-khozyaystvennom oborote svobodnykh zemel'*. Moscow, 1922, iss. 3, pp. 16–20. (In Russ.)
28. Grimm E. D. The main types of migration-colonization processes, their origin and nature. *Trudy Gosudarstvennogo kolonizatsionnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. Moscow, 1924, vol. 1, pp. 34–49. (In Russ.)
29. Arnoldov A. M. Colonization, but not violent colonization (an issue of the colonization activity principles in the USSR). Leningrad, Petrozavodsk, 1927, 20 p. (In Russ.)
30. Yarilov A. A. Ways of colonization. *Trudy Gosudarstvennogo kolonizatsionnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. Moscow, 1924, vol. 1, pp. 3–8. (In Russ.)
31. Voshchinin V. Resettling. *O Zemle: sbornik statey ob ispol'zovanii v narodno-khozyaystvennom oborote svobodnykh zemel'*, 1921, iss. 1, pp. 126–143. (In Russ.)
32. Bol'shakov M. A. Modern resettlement. Moscow, 1924. 52 p. (In Russ.)
33. Chirkin G.F. On the colonization-cultural tasks after the war. *Voprosy kolonizatsii*, 1916, no. 18, pp. 25–49. (In Russ.)
34. Simonov M. I. On the direction of colonization in the near future, a speech delivered at the General Assembly of the State Duma. *Voprosy kolonizatsii*, 1917, no. 20, pp. 15–22. (In Russ.)
35. Tresvyatsky V. The results of the resettlement business in the Urals for the decade, 1906–1916. *Voprosy kolonizatsii*, 1917, no. 20, pp. 45–87. (In Russ.)
36. Commissions Magazines: relocation and colonization issues. *Voprosy kolonizatsii*, 1917, no. 20, pp. 136–167. (In Russ.)
37. Proceedings of the congress on the North colonization. *Sbornik materialov po kolonizatsii Severa*. Moscow, 1922, no. 3, pp. 1–63. (In Russ.)
38. Voshchinin V. P. Essays on New Turkestan: light and shadows of Russian colonization. Saint Petersburg, 1914, 86 p. (In Russ.)

Статья поступила
в редакцию 28.12.2019
Статья принята
к публикации 20.01.2020

DOI: 10.15372/HSS20200111
УДК 329(47+58) КПСС"1932"

М.А. ФЕЛЬДМАН

**ТРУДНАЯ ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ
(НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ XVII КОНФЕРЕНЦИИ
ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (б))**

Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства
и государственной службы
РФ, 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66.

В статье рассмотрены основные события, произошедшие на XVII конференции ВКП (б) в январе – феврале 1932 г. Сделаны выводы о формах и результатах дискуссии на этом партийном форуме. Отмечается, что, несмотря на доминирование идеологических оценок, на конференции была озвучена правдивая информация о характере экономических отношений в промышленности СССР; о масштабности брака выпускаемой продукции, порожденного в первую очередь необоснованным увеличением темпов роста. Развивается тезис о том, что государственные задачи стабилизации экономики требовали своего разрешения, и критические нотки в выступлениях ряда делегатов свидетельствовали о назревшем недовольстве в правящем эшелоне. Фактически партийный и хозяйственный управленческий корпус в той или иной форме выражал тревогу за положение дел в народном хозяйстве. Символическое молчание Сталина на протяжении одиннадцати заседаний конференции свидетельствовало и о нежелании вступать в дискуссию о причинах очевидных кризисных явлений в экономике, и о стремлении скрыть обобщающую информацию о подлинной ситуации в промышленности и сельском хозяйстве СССР.

Ключевые слова: конференция, пленум, партия, делегаты, индустриализация, рабочие, специалисты, пятилетка, план, перелом.

M. A. FELDMAN

**FORCED ATTEMPT TO COMPREHEND
(A NEW LOOK AT THE EVENTS OF THE XVII CONFERENCE
OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY (b))**

Ural Institute-branch of the Academy of national economy and public administration
66, 8 Marta str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

The absence of a systematic and detailed analysis of the materials of the XVII conference of the CPSU (b) in January – February 1932 has been and remains a common place of historical literature giving unwittingly a passing character to the event. Evaluation of the conference is largely determined by the Soviet era characteristics supported by numerous attempts to rehabilitate Stalin's policy. What was the real role of the XVII conference of the CPSU (b)? The article is devoted to this problem. The article notes that at the party forum there was (often hidden and fragmentary) analysis of a yet another year's results of the First five-year plan, which differed sharply from the planned ones and caused deep imbalances in the national economy of the country. The conference delegates' speeches showed the reasons of failure to fulfill the plans of the first years of the five-year plan, revealed high level of product defect. It is important, these reasons were not related to the "wrecking of old specialists", but to objective factors such as the preservation of primitive manual labor zones generating frequent downtime in the modern technology use, as well as the low level of mastering mechanisms due to unskilled workers' predominance. The speeches of a number of heads of industries and trusts in one or another form condemned the emphasis on quantitative indicators without mentioning the name of Stalin – the initiator of such a policy. At the same time, the delegates of the conference supported all the pro-posed resolutions endorsing the Party's general line during the years of Great turning point; agreed not to discuss collectivization course and its consequences in the Soviet village

Key words: conference, plenum, party, delegates, industrialization, workers, specialists, five-year plan, plan, turning point.

Михаил Аркадьевич Фельдмана – д-р ист. наук, профессор, Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы. e-mail: feldman-mih@yandex.ru. <https://orcid.org/0000-0001-9825-6650>.

Mikhail. A. Feldman – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Institute – Branch of the Academy of National Economy and Public Administration Russia.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В исторической литературе советского времени при преобладании в целом достаточно прямолинейных оценок отношение к XVII конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б) (30 января – 4 февраля 1932 г.) было двойственным. Партийный форум априори мог нести только положительную нагрузку и в силу этого причислялся к разряду «исторических событий». Тем не менее «закулисный» характер XVII конференции был очевиден: леворадикальные мероприятия форсированной модернизации, получившие название «Великого перелома», вызвали хаос в экономической и общественной жизни, и, как следствие, необходимость поиска выхода из сложившейся ситуации. Под прикрытием оптимистических пропагандистских лозунгов на XVII конференции фактически была возложена трудная миссия регулирования последствий «Великого перелома».

Столь же нелегкая задача стояла и перед исторической литературой советского времени. Официоз «История социалистической экономики» с работой XVII конференции ВКП (б) связывал только «принятие программы деятельности по внедрению и укреплению в промышленности хозяйственного расчета и повышению экономической эффективности производства» [1, с. 141].

Столь же узконаправленный характер носила оценка XVII конференции в «Истории советского рабочего класса»: главной задачей управленческих структур провозглашалось «увеличение доли квалифицированных рабочих в общей массе рабочих» [2, с. 206]. В трудах по истории индустриализации в СССР значение XVII конференции ВКП (б) связывалось прежде всего с прозвучавшим на ней выводом о том, что «вопрос о борьбе социалистического и капиталистического укладов решен в пользу социалистического» [3, с. 145].

К середине 1980-х гг. в исторической литературе устоялось понимание места конференции как организационного мероприятия, вновь наметившего высокие темпы ускоренного развития советской экономики в конкретный период очевидного падения трудовой дисциплины, ощутимых потерь от увеличения числа прогулов и текучести рабочей силы. Кроме того, повысилась доля брака во всех отраслях промышленности, снизилась производительность труда [4, с. 165]. В осторожной форме указывалось на недостаточную обоснованность резкого повышения ряда плановых заданий второй пятилетки и наличие волонтаристских перегибов в планировании в начале 1930-х гг. [5, с. 121].

В постсоветское время британский историк Р. Дэвис дал наиболее развернутую оценку XVII конференции ВКП (б). По его мнению, конференция «отразила двусмысленность и неопределенность, преобладавшие (в руководстве страны) в начале 1932 года». Кризисная ситуация в промышленности и сельском хозяйстве, срыв практически всех плановых заданий заставили Сталина *отказаться от выступлений на конференции*.

На первый план на конференции вышли управленцы, непосредственно отвечавшие за экономику. В выступлении народного комиссара тяжелой промышленности С.Г. Орджоникидзе об итогах 1931 г., в докладах о перспективах второй пятилетки председателя СНК СССР В.М. Молотова и председателя ВСНХ В.В. Куйбышева содержались попытки определить место индустриализации в развитии советского социализма. При этом второй пятилетний план, как подчеркивает Дэвис, обсуждался с гораздо большей умеренностью, чем в 1930 – 1931 гг. [6, с. 133–140].

Вслед за Р. Дэвисом О.В. Хлевнюк рассматривал взаимосвязанные события 1931–1932 гг. как «мини-реформы», отразившие сталинское понимание сути кризиса и путей выхода из него. Оговорившись, что «сталинский прагматизм всегда имел характер кризисного прагматизма», «ограниченной, запаздывающей и непоследовательной реакции на обострение кризисных явлений до крайних пределов», О.В. Хлевнюк уточнил: «несмотря на некоторые колебания и частичные изменения индустриальных планов, курс на форсированную индустриализацию и наращивание капитальных вложений в тяжелую промышленность не претерпел изменений», что и нашло отражение в резолюциях XVII конференции ВКП (б) [7, с. 117–118]. Вместе с тем, остается нераскрытым и в настоящее время ряд важных сюжетов в работе конференции, прежде всего масштаб и последствия столкновения рационалистического и утопического направлений в советской социально-экономической политике.

ПРОБЛЕМА АНАЛИЗА ИТОГОВ
«ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

XVII конференция ВКП (б) открылась 30 января 1932 г. – ровно через год после Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности [8].

Совпадение по дате носило не только формальный характер: в обоих случаях (даже в условиях жесткой политической цензуры – внешней и внутренней) осуществлялся трудный анализ итогов очередного года первой пятилетки. Ее итоги резко отличались от запланированных, они вызвали глубокие диспропорции в народном хозяйстве страны.

Вступительное слово при открытии XVII конференции ВКП (б) и заключительное слово при ее закрытии произнес председатель СНК СССР В.В. Молотов. По замыслу Сталина, критический запал управленческого корпуса, вынесшего перенапряжение периода «Великого перелома», должен был миновать генерального секретаря ЦК ВКП (б).

Вступительное слово Молотова сразу же представляло для делегатов конференции *нужные политические ориентиры*. Годы первой пятилетки провозглашались временем пути «от одной победы к другой победе» под мудрым руководством ЦК во главе с т. Сталиным, «победоносного осуществления директив XVI партийного съезда об окончании пяти-

летки в четыре года». Наконец, по заявлению Молотова, «несмотря на все трудности, фундамент социалистической экономики в нашей стране создан. Коренной ленинский вопрос: “кто кого?” решен против капитализма в пользу социализма» [9, с. 7–8]. Участникам конференции оставалось только «втиснуть» свои выступления в указанные сверху рамки.

НАЧАЛО ОСМЫСЛЕНИЯ РЕАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Первый же доклад – народного комиссара тяжелой промышленности С.Г. Орджоникидзе об итогах развития промышленности за 1931 г. и задачах 1932 г. – вышел за пределы дозволенного. Орджоникидзе начал выступление с повествования об успехах, сообщив о росте по всей промышленности в 1931 г. на 21 %, в том числе по тяжелой индустрии – на 28,7 %, а по легкой – на 12, 6 %. Далее последовал подробнейший отчет о выполнении технического плана по отраслям. Однако делегаты конференции не могли не заметить, что практически все показатели давались *в рублях* – без учета инфляции 1929–1931 гг.; без сравнения запланированных на 1931 г. и реальных количественных показателей. Исключением стали те отрасли, положение в которых было просто критическим. Например, С.Г. Орджоникидзе признал, что «черная металлургия (в 1931 г.) осталась на уровне 1930 г.» [9, с. 9].

Проблемы качества и качественных показателей Орджоникидзе старался, в отличие от многих своих прежних выступлений, не касаться. Но о многом говорила короткая фраза наркома: «на протяжении последних лет хозрасчет у нас почти полностью пропал» (!) [8, с. 19].

Тем самым 30 января 1932 г. представитель высшего советского партийно-государственного руководства, более других внесший вклад в реализацию пятилетнего плана, признал, что многочисленные решения и постановления ЦК и СНК о внедрении хозрасчета не дали никаких результатов.

В расплывчатой форме нарком упомянул о трудностях освоения новых заводов. Указав на сохранение уравнилельной оплаты труда, наличие «громоздких трестов с неживыми отношениями с предприятиями», он перевел все эти факторы в разряд *временных трудностей* роста социалистической экономики [9, с. 11, 15, 19].

Нереальный показатель предстоящего прироста промышленного производства на 1932 г. (36 %), прозвучавший в докладе наркома, свидетельствовал о том, что член Политбюро ЦК ВКП (б) С.Г. Орджоникидзе подтвердил приверженность курсу на форсированную модернизацию. Вместе с тем руководитель Наркомата тяжелой промышленности положил начало разговору о реальном положении дел в советской экономике.

О значении доклада С.Г. Орджоникидзе говорит тот факт, что его обсуждению были посвящены четыре заседания конференции, тогда как обсуждению докла-

дов Молотова и Куйбышева было отведено только три заседания. Из 38 управленцев, выступивших в прениях по докладу Орджоникидзе на заседаниях 31 января – 1 февраля 1931 г., большинство говорили о трудовых победах на предприятиях и в трестах, отраслевых объединениях в регионах, указывая только на *отдельные недостатки*, но не забывая при этом упомянуть о «верной политике ЦК под руководством т. Сталина». Среди поддержавших сталинский курс следует особо выделить функционеров, отвечавших за охрану прав трудящихся – председателя ВЦСПС Н.М. Шверника и наркома труда А.М. Цихона, чьи выступления скорее напоминали рапорты хозяйственников о высоких взятых социалистических обязательствах.

Для Шверника главные задачи профсоюзов в 1932 г. заключались в «повышении производительности труда на 22 %, снижении себестоимости продукции на 7 %, в освоении капиталовложений на 12 млрд. руб.; увеличении численности рабочих и служащих в народном хозяйстве на 2,3 млн. чел., в том числе в промышленности на 1,2 млн. чел.». [9, с. 108]. Цихон главное видел в привлечении новых рабочих на производство [9, с. 96–97]. Тем значимее были речи тех делегатов конференции, которые решились на критический анализ экономической ситуации.

Выступление наркома легкой промышленности И.Е. Любимова [9, 34–40] в основном посвящалось низкому качеству производимых товаров потребления. Помимо объективных причин – низкого качества сырьевой базы, устаревшего и изношенного оборудования – Любимов указал на недостаточное внимание к развитию отрасли, привел примеры существенного урезания средств на производство предметов широкого потребления, высокой текучести (выше 100% в ряде подотраслей легкой промышленности). Следствием этого стал мизерный выпуск самого необходимого. Стенографический отчет не зафиксировал, какую реакцию вызвал у делегатов конференции приведенный наркомом поразительный факт: план 1932 г. (последнего года первой пятилетки) предполагал выпуск на одного советского гражданина (в среднем) *0,5 пары обуви* [9, с. 38]. Тональность выступления И.Е. Любимова резко отличалась от браваурного тона советской пропаганды!

О доминировании примитивного ручного труда на лесозаготовках, отсутствии механизации вывоза заготовленной древесины, огромных потерях лесной продукции при хранении говорил нарком лесной промышленности СССР С.С. Лобов. Малая доходность отличала и советский экспорт лесной промышленности; бесхозяйственность отмечалась в использовании заготовленного сырья [9, с. 40–45].

ЭПИЦЕНТР ОБСУЖДЕНИЯ

Пожалуй, наиболее запоминающимся на конференции стало выступление Я.Э. Рудзутака – заместителя председателя СНК и СТО СССР [9, 71–75]. Начав с ритуального выступления – «мы построили основы

социализма в одной стране, ... заложили прочный фундамент для здания социализма. По количественному росту ... у нас огромные достижения» [9, с. 71], Рудзук обратил внимание на то, что зачастую на промышленных предприятиях при новейшем импортном оборудовании сохраняются зоны примитивного ручного труда, порождающие частые простои в использовании новейшей техники.

Логическим следствием такого положения, а также в силу низкого уровня освоения механизмов и преобладания неквалифицированных рабочих стал «тот неимоверный процент брака, который, к сожалению, в 1931 г. по сравнению с 1930 г., не уменьшился, а возрос, и дает громадный урон народному хозяйству... Плохая продукция черной металлургии предопределяет плохую продукцию машиностроения, и всех потребителей металла». Огромный процент брака – по ряду заводов до четверти – означает, что «громадное количество продукции и рабочей силы тратится впустую, и очень часто потребитель вместо чугуна получает брак, который непригоден для производства, или, если применяется в производстве, дает плохое качество машин и оборудования» [9, с. 73]

Фактически 31 января 1932 г. член Политбюро ЦК Я.Э. Рудзук дал развернутую оценку политики радикального форсирования темпов экономического роста. Низкое качество значительной части продукции советских заводов в начале 1930-х гг. не было тайной для делегатов конференции. Но указать на конкретную цифру – до четверти произведенного – было большой смелостью. Стоимость выпущенной в 1931 г. промышленной продукции С. Орджоникидзе оценил в 11,8 млрд руб. [9, с. 9]. Получалось, что «на ветер» выбрасывалось практически 3 млрд руб.

Приведенные факты не были плодом эмоциональных всплесков делегатов конференции. 1931-й год, по мнению видного исследователя военной промышленности СССР А.К. Соколова, можно с полным основанием назвать «годом брака». Выпущенные авиамоторы М-17 г. ломались через 5–10 ч работы, в ходе учений 1932 г. подавляющее большинство танков (51 из участвовавших 56) вышли из строя [10, с. 134, с. 202, 258]. Докладная записка РКИ о состоянии танкостроения по итогам 1931–1932 гг. фиксировала низкое качество окончательной сборки всех выпущенных танков [10, с. 202–203]

О сталинском недовольстве ходом обсуждения докладов говорит такой факт: Я.Э. Рудзук через четыре дня после выступления, в день закрытия конференции, будет выведен из членов и переведен в кандидаты в члены Политбюро.

Отметим и другое. Три вышеуказанных выступления (Рудзук, Любимова, Лобова) принадлежали представителям так называемой «старой большевистской гвардии», определенная часть которой, пройдя школу нэпа, привыкла к реалистической оценке экономической ситуации.

О низком качестве сельхозтехники из-за «плохого материала, плохой обработки деталей, плохой

сборки пригонки частей, плохой упаковки для отправки и т. п.» говорил заместитель наркома земледелия СССР А.В. Одинцов [9, с. 133]. О причинах масштабного брака в продукции начала 30-х гг. делегаты конференции могли судить по приведенному факту в выступлении управляющего объединением «Востоксталь» Я.П. Иванченко: из руководителей предприятий только 0,6 % имели высшее техническое образование [9, с. 102]. В этом сказывались и последствия масштабных репрессий против «старых» специалистов: примерный «процент привлечения» к суду специалистов от общей их численности в Донбассе составил 13%, на Урале – 10, в Сибири – 17% [11, с. 151].

Особое значение на конференции имело выступление начальника научно-технического управления Высшего совета народного хозяйства Н.И. Бухарина [9, с. 75–80]. Здравницы в честь ленинского ЦК и лично Сталина не заслоняли главного: публично униженный и оболганный, «объявленный правым оппортунистом», выведенный в ноябре 1929 г. из членов Политбюро Н.И. Бухарин предстал на конференции в привычной роли ведущего теоретика партии. Он отметил, что годы первой пятилетки стали «новым этапом Нэпа, на основе рыночных отношений между государственными, кооперативными, колхозными предприятиями и прочими организациями». Это означало, что одно из главных обвинений в адрес «правых» – стремление сохранить рыночные отношения – показало свою беспочвенность.

Примечательна была и другая его мысль – о необходимости «утвердить и провести в жизнь тезис о возрастающей роли науки во всей системе нашего производства, вплоть до самого низшего его звена – цеха». Смысл технической реконструкции Бухарин видел не в построении абстрактных «социалистических» схем, а в необходимости «объединить все силы науки со всею творческой энергией масс». Наука, а не идеология и партийное руководство, 31 января 1932 г. с трибуны конференции вышла на передний план. Производственно-техническая подготовка и переподготовка кадров в его речи превращалась в главную задачу советского государства.

Если в первый день работы конференции один член Политбюро (С.Г. Орджоникидзе) проговорил правду о характере экономических отношений в промышленности СССР, то во второй день другой представитель высшего партийного руководства (Я.Э. Рудзук) раскрыл цену результатов радикального форсирования темпов экономического роста. Наконец, соратник В.И. Ленина, многолетний член Политбюро (Н.И. Бухарин) подводил делегатов конференции к выводу о том, что не мудрость вождя, а развитие научно-технических знаний определяет курс государственной политики. Первые три дня конференции явно выбивались из сталинского «графика»: обсуждение итогов 1931 г. во многом отбрасывало оболочку идеологических конструкций и приближалось к пониманию сути последствий экспериментов «Великого перелома».

Доклад Молотова «Директивы к составлению второго пятилетнего плана СССР (1933–1937 гг.)» [9, с. 139–158] открывал четвертый день работы конференции. Для председателя СНК итоги 1931 г., как и предшествующих лет пятилетки, свидетельствовали об «успехах планового социалистического строительства», якобы подтверждающих возможность выполнения пятилетнего плана в четыре года [9, с. 139].

Тем не менее выполнение первого пятилетнего плана Молотов связал с его «оптимальным вариантом», утвержденным Пятым съездом Советов в мае 1929 г., т.е. до запуска процесса безудержного увеличения капиталовложений в промышленность, составившего в 1930 г. 57 %, а в 1931 г. – 80 % [3, с. 127]. Тем самым глава правительства в кризисной ситуации зимы 1932 г. де-факто снял еще одно обвинение с «правых», воспринимавших «оптимальный» вариант пятилетнего плана как последний рубеж политического реализма, как обвинение в замедлении темпов.

Весьма сдержанно глава правительства отметил и «некоторые недостатки», прежде всего, невыполнение заданий по повышению производительности труда: «Это наш громадный минус» [9, 141]. Отрезвляюще прозвучали слова В.И. Молотова о том, что СССР еще очень далек от технико-экономического уровня передовых капиталистических стран, и «мы не ставим своей задачей во второй пятилетке в целом догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны». Кроме того, серьезной проблемой оставался низкий уровень подготовки советских инженеров и техников. Как отметил глава правительства, «по научно-технической квалификации наших кадров мы еще стоим в большинстве случаев очень невысоко, а иногда и совсем на низком уровне» [9, с. 153–154].

Говоря о задачах второй пятилетки, Молотов в качестве «основной и решающей» назвал завершение технической реконструкции всего народного хозяйства», основу которой составляла широчайшая электрификация промышленности и транспорта, постепенное введение электроэнергии в сельское хозяйство [9, с. 140]. Индустриальный проект заслонял собой иные задачи и превращался в форму выживания советского государства во враждебном окружении. Концентрация на указанном проекте подавляющего большинства предполагаемых средств свидетельствовала о значимости, которая придавалась индустриализации; неслучайно лозунг «большевики должны овладеть техникой» был объявлен важнейшим лозунгом партии, а вопрос о подготовке квалифицированных рабочих кадров и многочисленной армии технических специалистов преподнесен как решающий в реализации технической реконструкции [9, с. 153].

Следует отметить осторожность оценок Молотова относительно политических целей второй пятилетки [9, с. 145–148]: «Мы вступили в первую, низшую фазу коммунистического общества (социализма), но это будет далеко не завершено в течение второй пятилетки»;

«окончательная победа социализма» произойдет тогда, когда «все различия между рабочими и крестьянами полностью исчезнут».

С учетом его выступления годом раньше – на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, когда он провозгласил здравицу в честь нэпа («новая экономическая политика создала предпосылки для мощного подъема социалистической индустрии. Развертывание нашей промышленности происходило на основе нэпа, в условиях широкого товарооборота») [8, с. 168], можно сделать вывод: переход секретаря ЦК ВКП (б) на должность председателя СНК сделало выступления, казалось бы, твердокаменного сторонника Сталина, более рациональными.

Доклад председателя Госплана СССР и заместитель председателя СНК и СТО СССР В.В. Куйбышева «Директивы к составлению второго пятилетнего плана СССР» [9, с. 159–181] должен был конкретизировать выступление В.М. Молотова благодаря информации по отраслям промышленности и регионам СССР. Радужное начало доклада («мы не только целиком выполнили пятилетку в четыре года, но и перевыполнили ее, так как по ряду отраслей тяжелой индустрии мы пятилетку выполнили в три года») дополнилось заключением Куйбышева о «превращении страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную», не подтвержденную, впрочем, никаким статистическим материалом. В сталинском духе вытеснение негосударственных секторов из экономики подавалось Куйбышевым как победа «социализма против капитализма» [9, с. 160].

Но переход докладчика от перечисления формальных количественных параметров и идеологических конструкций к качественным показателям вызвал у него иную тональность доклада: признание невыполнения первого пятилетнего плана по себестоимости, производительности труда, по соблюдению «технических коэффициентов качества продукции» резко диссонировало с утверждением о завершении уже в 1931 г. построения «фундамента социалистической экономики» [9, с. 160]. Развивая эту мысль, В.В. Куйбышев связал низкое качество выпускаемой продукции, повлекшее «перерасходование материалов, быстрое снашивание, порчу изделий и т.п.» с несовершенной организацией труда и уравниловкой в оплате труда, а также с отсутствием подготовленных квалифицированных кадров [9, 161]. Коснувшись сельского хозяйства, он отметил небывалые успехи социалистического наступления в деревне, а гибель значительной части крестьянского скота в ходе коллективизации объяснил тем, что «животноводство попало под огонь классовой борьбы в деревне и понесло очень серьезный, очень значительный урон» [9, с. 161].

Чем же был в реальности «фундамент социалистической экономики», характеризуемый столь низкими показателями качества, слабой организацией труда, невысоким уровнем подготовки кадров – делегатам конференции оставалось только догадываться.

ДВИЖЕНИЕ ВСПЯТЬ

Указанные противоречия не помешали Куйбышеву пойти на «теоретический прорыв, «обогнав» своего руководителя (Молотова), провозглашением второй пятилетки «периодом построения в СССР социалистического общества». Уже в годы второй пятилетки, как подчеркнул заместитель председателя СНК и СТО СССР, в Советском Союзе будет происходить «превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального труда»; «рабочий, занятый физической работой, начнет в широком масштабе получать политехническое образование»; «будут создаваться предпосылки для изжития в будущем противоположности между умственным и физическим трудом» [9, с. 162]. Наконец, увеличение норм потребления в 2–3 раза позволит СССР по уровню потребления в 1937 г. стать «самой передовой страной мира»(!). Столь смелые мифологизмы, очевидно согласованные со Сталиным, должны были отвлечь делегатов конференции от совсем иных размышлений о кризисных явлениях в экономике начала 1930-х г.

Трудно сказать, насколько присутствующие поверили картине светлого будущего и магическим заверениям Куйбышева, таким, как, например, «мы не подвержены кризисам. Октябрь привил нашему народному хозяйству невозможность заразиться этой страшной болезнью капиталистического мира» [9, с. 163]. Но обсуждение доклада В.В. Куйбышева было вялым: осуждение левацких идеологических утопий по опыту дискуссий 1928–1929 гг. могло обернуться обвинениями в «правом» оппортунизме. Критика экономических экспериментов в осторожной форме на конференции уже прозвучала, получив в ответ красноречивое молчание генерального секретаря ЦК.

Выступавшие на утреннем и вечернем заседаниях конференции 3 февраля, а также на утреннем 4 февраля 1932 г. говорили только об успехах, кризисах в мире капитализма; дружно поддерживали все предложения Молотова и Куйбышева. Единственным исключением этих трех заседаний стала речь наркома финансов СССР Г.Ф. Гринько [9, с. 214–218], пытавшего вернуться к деловому обсуждению проблем.

Однако утверждения Гринько о хозяйственных органах, ориентирующихся только на количественные показатели, «не дерущихся за снижение себестоимости, за рентабельность, пренебрегающие хозрасчетом», были фактически дезавуированы репликой Сталина (*единственной за одиннадцать заседаний конференции!*), заявившего, что «пятилетняя программа считается у нас минимальной. У нас будут еще ежегодные контрольные цифры, которые будут расширять пятилетний план из года в год. У нас будут еще встречные планы, которые приведут к дальнейшему расширению пятилетнего плана» [9, с. 233].

Как видно, и после потрясений 1930–1931 гг. для Сталина ставка на количественные показатели не теряла своего первостепенного значения. Символическое

молчание Сталина на протяжении одиннадцати заседаний конференции могло означать как нежелание вступать в дискуссию о причинах *очевидных* кризисных явлений в экономике; стремление скрыть обобщающую информацию о подлинной ситуации в народном хозяйстве, так и фиксирование всех отклонений от безусловной поддержки вождя. В конкретной ситуации зимы 1932 г. это должно было проявляться в замалчивании экономических провалов.

Ход работы конференции был направлен в нужное русло, и генеральный секретарь ЦК правящей партии мог уже не опасаться персональные эксперименты. Ответственность за захватывающие обещания была переложена на Куйбышева и на Молотова.

Резолюции конференции обильно цитировали положения докладов Куйбышева и Молотова, но в большей степени – главы правительства. Тезис Куйбышева о «построении в СССР за годы второй пятилетки социалистического общества» [9, с. 162] не вошел в резолюции: горький опыт первой пятилетки все же научил воздерживаться от столь рискованных обещаний. Делегаты конференции *единодушно* поддержали все предложенные резолюции, одобряющие генеральную линию партии в годы «Великого перелома», молчаливо согласились с отсутствием обсуждения хода и последствий коллективизации.

Чем же в реальности была XVII конференция ВКП (б)? Как и Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности (1931 г.), указанная конференция рассматривала итоги и последствия Великого перелома. Сталинский сценарий проведения конференции очевиден: на партийном форуме не рассматривались ни экономические, ни социальные последствия «революции в деревне». Вне внимания делегатов оказались проблемы положения того рабочего класса СССР, от имени которого и властвовала правящая партия. Даже намек на обсуждение масштабного голода в деревнях и селах на партийном форуме не прозвучало. Никакого сопоставления плановых и достигнутых показателей 1930–1931 гг. Сталин стремился не допустить и не допустил, переключив внимание участников конференции на перспективы «светлого будущего», второй пятилетки. Идеи «социалистического завтра» заслонили подлинное качество сталинской «генеральной линии».

Тем не менее на конференции была озвучена правдивая информация о характере экономических отношений в промышленности СССР; о масштабах брака в выпускаемой продукции, порожденного необоснованным увеличением темпов роста. Принципиально важным моментом, незамеченным историками, было признание Молотова в том, что выполнение заданий пятилетки произошло по параметрам «оптимального» пятилетнего плана образца весны 1929 г., (а не по сталинским «ударным» установкам 1930–1931 гг.). «Правые» были традиционно подвергнуты Молотовым осуждению, но идеи зачастую оказываются живучее людей: индустриальный проект в реальном испол-

нении к 1932 г. оказался ближе к вариантам Госплана весны 1929 г., даже с учетом увеличения проектных мощностей заводов-гигантов.

За исключением Бухарина, никто из «правых» не получил права на выступление на конференции, государственные задачи стабилизации экономики требовали своего разрешения, и критические нотки в выступлениях ряда делегатов говорили о назревавшем недовольстве в правящем эшелоне. Сталину удалось добиться ухода от ответственности за гибель и разорение миллионов советских людей, но факты вопиющей бесхозяйственности были брошены в информационное пространство, подвергая эрозии мифологию «социалистического строительства».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шесть дней работы XVII конференция ВКП (б) отчетливо показали: власть Сталина не является абсолютной; партийный и хозяйственный управленческий корпус в той или иной форме выразил тревогу за положение дел в народном хозяйстве. Экономическая наука, в том числе и в форме обоснованного пятилетнего плана, потерпев поражение в борьбе с идеологией осенью 1929 г., в феврале 1932 г. вновь напомнила о себе требованиями внедрения хозрасчета, приоритета качественных показателей, ухода от уравнилельной системы оплаты труда, т.е. всего того, от чего зависела стабилизация развития советского государства.

Сталинское молчание на одиннадцати заседаниях конференции означало как вынужденное понимание необходимости стабилизационных мер в экономике, вынужденную готовность к тому, что будет названо «мини-реформами», так и «постановкой на учет» всех, кто покушался на мифологические конструкции «экономического фундамента социализма».

От конференции лежала дорога и к событиям лета 1932 г., когда под напором финансового кризиса Политбюро, впервые с осени 1929 г., в срочном порядке предприняло сокращение капиталовложений, причем более всего уменьшалось финансирование тяжелой промышленности [7,95, 118], и к террору 1937–1938 гг., забравшему жизни большинства участников конференции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История социалистической экономики: в 7 т. М.: Наука, 1977. Т.3. 536 с.

2. История советского рабочего класса: в 6 т. М.: Наука, 1984. Т.2: 1921–1937. 512 с.

3. *Лельчук В.З.* Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М., 1975. 312 с.

4. *Лельчук В.З.* Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. 304 с.

5. *Козлов В.А., Хлевнюк О.В.* Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х гг. М.: Политиздат, 1988. 253 с.

6. *Davies R. W.* Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke and London: Macmillan Press, 1996. 612 с.

7. *Хлевнюк О.В.* Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.

8. Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности: стеногр. отчет с 30 января по 5 февраля 1931. М.: Соцгиз, 1931. 251 с.

9. XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): стеногр. отчет. М.: Партийное изд-во, 1932. 396 с.

10. *Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917–июнь 1941 г. М.: Новый хронограф, 2012. 527 с.

11. *Пыстина Л. И.* «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х гг. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 159 с.

REFERENCES

1. History of the socialist economy. In 7 vols. Moscow, Nauka, 1977, vol. 3, 536 p. (In Russ.)

2. History of the Soviet working class. In 6 vols. Moscow, Nauka, 1984, vol. 2: 1921–1937, 512 p. (In Russ.)

3. *Lel'chuk V.Z.* Socialist industrialization of the USSR and its coverage in Soviet historiography. Moscow, 1975, 312 p. (In Russ.)

4. *Lel'chuk V.Z.* Industrialization of the USSR: history, experience, problems. Moscow, Politizdat, 1984, 304 p. (In Russ.)

5. *Kozlov V.A., Khlevnyuk O.V.* All begins with a man. The human factor in socialist construction: results and lessons of the 1930s. Moscow, Politizdat, 1988, 253 p. (In Russ.)

6. *Davies R.W.* Crisis and progress in the Soviet economy, 1931–1933. Basingstoke; London, Macmillan Press, 1996, 612 p.

7. *Khlevnyuk O.V.* Stalin and the establishing of the Stalinist dictatorship. Moscow, ROSSPEN, 2010, 478 p. (In Russ.)

8. The first all-Union conference of workers of socialist industry. Verbatim report from January 30 to February 5, 1931. Moscow, Sieges, 1931, 251 p.

9. The XVII conference of the all-Union Communist party (b). Verbatim record. Moscow, Sotsegiz, 1932, 396 p. (In Russ.)

10. *Sokolov A.K.* From the military industry to the military-industrial complex: Soviet military industry. 1917–June 1941. Moscow, New Chronograph, 2012, 527 p. (In Russ.)

11. *Pystina L.I.* "Bourgeois specialists" in Siberia in the 1920s – early 1930 s. Novosibirsk, Inst. of Archeology and Ethnography Publ. House, 1999, 159 p. (In Russ.)

Статья поступила
в редакцию 19.12.2019
Статья принята
к публикации 20.01.2020

DOI: 10.15372/HSS20200112

УДК: 332.14(571): 331.108 "1960/1989"

А.И. ТИМОШЕНКО

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СИБИРИ В 1960–1980-е ГОДЫ

Институт истории СО РАН,
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье изучаются проблемы формирования кадрового потенциала на сибирских промышленных предприятиях в 1960–1980-е гг. в условиях научно-технического прогресса. Особенно активно научно-технический прогресс развивался на промышленных предприятиях, связанных с машиностроением, энергетикой, химическим производством. Большое внимание автор уделяет трудовой деятельности советской молодежи, которая строила города и рабочие поселения, промышленные предприятия, а также активно участвовала в обустройстве месторождений полезных ископаемых и в разработке других природных ресурсов. Показана роль Тюменского промышленного института (открыт в 1964 г.), а также созданной в Тюменской области и соседних с ней регионах сети техникумов и профессионально-технических училищ, которые практически сразу приступили к подготовке кадров для нефтегазового комплекса Западной Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, регион, кадровый потенциал, промышленное развитие, промышленные предприятия, научно-технический прогресс, советская молодежь.

A.I. TIMOSHENKO

FEATURES OF FORMATION OF PERSONNEL POTENTIAL AT THE ENTERPRISES OF SIBERIA IN THE 1960–1980-s

Institute of History SB RAS,
8 Nikolaeva str. Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article objective is to study the problems related to human resources formation at the Siberian industrial enterprises. The processes of personnel formation were mainly associated with scientific and technological progress, which took place at all enterprises in the Siberian region. The research task is to show the development of scientific and technological progress at industrial enterprises and demonstrate its activity. Scientific and technological progress was especially active at industrial enterprises related to mechanical engineering, energy industry, and chemical production. It was slightly less active at enterprises related to transport and construction. The next factor that influenced the problems of personnel formation in Siberia was governmental policy aimed at exploiting various natural resources of the region. The government paid particular attention to the Soviet youth participation, who took an active part both in enterprise and city construction, and in the natural resources development of the Siberian region.

Organizing the educational system at various levels played an important role in training industrial personnel for Siberian enterprises. The personnel necessary for the West Siberian oil and gas complex started to prepare personnel in early 1960s. Tyumen Industrial Institute was established in 1963 by a special resolution of the USSR Council of Ministers that immediately began training personnel for the oil and gas complex. Technical and vocational school network was created in Tyumen and neighboring regions as well. The northern West Siberia enterprises staff was trained in Novosibirsk. In addition, the enterprises themselves trained skilled workers, as well as personnel professional development. The author concludes that several factors influenced the formation of human resources in Siberia at once, the main of which were: technological progress and the Soviet state policy on accelerated industrial development of the country's eastern regions. These problems have not been adequately reflected in Siberian and Russian historiography. The article uses both general scientific and historical approaches. Priority is given to historical methods, where processes are arranged in a chronological order, as well as a comparative analysis of the situation related to industrial development in Siberia's various regions.

Key words: Siberia, region, personnel potential, industrial development, industrial enterprises, scientific and technical progress, Soviet youth.

Альбина Ивановна Тимошенко – канд. ист. наук, Институт истории СО РАН, e-mail: timoshenkoai@ngs.ru. <https://orcid.org/0000-0003-3582-1944>.

Albina I. Timoshenko – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВ В СИБИРСКОЙ ИНДУСТРИИ

Проблемам формирования кадров на сибирских промышленных предприятиях посвящено несколько десятков монографий и несколько сотен статей. В настоящей статье рассматриваются особенности роста кадрового потенциала на сибирских промышленных предприятиях, причем данные проблемы представляют большой интерес и для отечественной историографии.

Особенности формирования кадрового потенциала сибирской промышленности в 1960–1980-е гг. были связаны с двумя основными группами факторов. Одна из них складывалась в условиях поступательного и неуклонного развития научно-технического прогресса, охватывавшего в этот период практически все отрасли народного хозяйства страны, в том числе предприятия Сибирского региона. Эта ситуация в значительной степени определяла динамику кадрового состава промышленных предприятий. Другая группа факторов была связана с политикой советского государства, направленной на освоение природных ресурсов новых регионов СССР, находящихся преимущественно на востоке страны. И первая, и вторая группы факторов оказывали воздействие на развитие промышленных производств, а, следовательно, на формирование их кадрового потенциала.

На промышленных предприятиях Сибири в 1960–1980-е гг. активно происходили процессы технического переоснащения, в значительной степени изменялись технологии производственных процессов и организация производства. Внедрение комплексной механизации и автоматизации, рост энергооборуженности труда способствовали тому, что человек все в меньшей степени принимал участие в процессах производства тех или иных продуктов труда. Он все чаще становился наблюдателем и контролером производственных процессов, участвовал в их обслуживании с помощью техники. В связи с этим значительно изменялся профессионально-квалификационный состав работников. В структуре кадров росла доля инженерно-технического персонала, операторов, наладчиков и ремонтников высокопроизводительного оборудования. Труд таких работников требовал как определенных навыков, так и глубоких знаний, получаемых в результате общего и специального профессионально-технического образования. Несоответствие между уровнем квалификации работников и развитием средств производства могло привести к огромным экономическим потерям. Вместе с тем повышение их квалификации становилось источником роста эффективности общественного производства, что осознавалось, по крайней мере, в теоретическом аспекте советскими управленцами и экономистами. Поэтому разрабатывалась целая система мер по повышению профессионального уровня работников промышленного производства.

Реализовать данные планы можно было только за счет привлечения трудоспособного населения из

других районов страны, так как Сибирь, где разворачивалось промышленное строительство, отличалась крайне слабой заселенностью и суровыми природно-климатическими условиями. В государственной политике была намечена особая миграционная стратегия, способная обеспечивать районы нового промышленного освоения необходимым кадровым контингентом. Особое внимание обращалось на участие в этих процессах молодежи. В изучаемый нами период государство разрабатывало и применяло на практике ряд мер, стимулирующих приезд молодых людей в районы нового промышленного освоения, которые находились в основном в восточных регионах СССР. В качестве материальных стимулов часто использовались для этих районов повышающие коэффициенты к заработной плате, доплаты за экспедиционно-вахтовый и разъездной характер работы, а также бронирование квартир по прежнему месту жительства. Активно применялись различные формы морального стимулирования, среди которых на первом месте были пропаганда общественной значимости возводимых объектов, высокий престиж строек, объявленных всесоюзными комсомольскими. Для участия в промышленном строительстве в Сибири привлекались многие сотни и тысячи молодых людей. Данное явление получило название общественного призыва, который был своеобразным видом оргнабора, но по масштабам и качеству поставляемых трудовых ресурсов он значительно превосходил ранее существовавшие организованные формы комплектования кадров.

В формировании кадров для промышленных новостроек в 1960–1980-е гг. участвовали не только чиновники, уполномоченные различными ведомствами, но и вся система государственного и общественно-управления, которая через механизмы пропаганды и агитации создавала в обществе соответствующий идеологический настрой. Общественно важными считались установки молодых людей на то, чтобы жить и работать на промышленных новостройках Сибири реализовать свою активную жизненную позицию, выполнить свой гражданский долг. Отбор в строительные комсомольско-молодежные отряды проводился по определенным критериям, главными среди них были характеристики с места прежней работы (или учебы), наличие нужных соответствующих профессий и образования.

Общественный призыв как способ для пополнения трудовых ресурсов и населения наиболее значимую роль играл в суровых северных районах, где промышленное строительство начиналось в совершенно необжитых человеком местах. Так, большую роль сыграли комсомольские десанты в 1950-е гг. в строительстве Норильска и развитии Норильского промышленного района, когда в связи с ликвидацией системы ГУЛАГ предприятия буквально остались без работников.

Молодежные десанты оказывали решающее влияние на изменение численности и состава промышленных кадров в зонах промышленных новостроек Сиби-

ри, а также на формирование населения. В 1970-е гг. ЦК ВЛКСМ через систему комсомольских организаций предпринимал всевозможные попытки повысить значимость комсомольско-молодежных строительных отрядов в освоении новых территорий страны, в строительстве там крупных народнохозяйственных объектов. Штабы, формировавшие комсомольско-молодежные отряды, стремились не только улучшить их количественные и качественные характеристики, но и повысить информированность добровольцев, желавших поехать на новое строительство. Все делалось для того, чтобы молодые люди представляли, что их ожидает в новых местах и могли рассчитывать на свои возможности.

Потребность в индустриальных кадрах потребовала расширения и укрепления базы для их подготовки, а также повышения квалификации. Практически во всех крупных промышленных центрах Сибири и Дальнего Востока в этот период активно развивалась сеть высших и средних специальных учебных заведений для подготовки значительных контингентов инженеров и техников. На профессионально-технические училища (ПТУ) возлагалась обязанность подготовки квалифицированных рабочих. Сеть таких училищ непрерывно росла. Кроме того, с переходом государства к политике всеобщего среднего образования перед системой профессионально-технического образования была поставлена задача – дать выпускникам ПТУ не только профессиональные знания, но и общее среднее образование.

Особое внимание развитию сети специальных учебных заведений для подготовки индустриальных кадров различного ранга уделялось в районах нового промышленного освоения. В Тюменской области эта задача актуализировалась в связи с началом разработки открытых на севере Западной Сибири нефтегазовых месторождений и формированием Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК). Существующие в середине 1960-х гг. вузы и техникумы страны и Сибири не могли быстро решить кадровые проблемы предприятий, возникавших в местах нефтяных и газовых месторождений. Кроме того, строители требовались для сооружения новых транспортных коммуникаций. Создание ЗСНГК явилось мощным фактором развития всей системы профессионального образования в Тюменской области, особенно в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах.

Одним из первых в Тюмени был образован Индустриальный институт (ТИИ). Его создание было определено постановлением Совета Министров СССР «Об организации подготовительных по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области», принятом в декабре 1963 г. [1, с. 432].

Перед новым вузом была поставлена задача государственной важности – обеспечить подготовку высококвалифицированных специалистов, необходимых для освоения природных богатств севера Западной

Сибири. В предельно сжатые сроки Тюменский индустриальный институт был оснащен новейшим, в том числе уникальным, оборудованием. В учебном процессе использовались самые современные методики и технические средства. Одним из первых советских вузов этот институт стал активно применять программирование, здесь даже был создан учебный телецентр [2, с. 184].

В 1970-е гг. ТИИ считался крупнейшим техническим вузом Зауралья. Если в 1964 г. в его составе имелось только три факультета (нефтегазопромышленный, геологоразведочный и механический), на которых осуществлялась подготовка по 12 специальностям, то в 1968/69 учебном году в вузе работало уже шесть факультетов. В короткие сроки были открыты химико-технологический, электротехнический и строительный факультеты, вуз осуществлял подготовку по 22 инженерным специальностям. Год спустя в ТИИ был организован транспортный факультет, затем трубопроводный и экономический. Тысячи выпускников этого вуза по целевому распределению отправлялись на стройки и предприятия ЗСНГК [2, с. 183–186].

На базе строительного факультета ТИИ в 1969 г. в Тюмени был образован Инженерно-строительный институт. В Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске и других городских центрах, где находились отрасли нефтегазовой промышленности, в 1970–1980-е гг. открывались учебно-консультационные пункты тюменских и других вузов, осуществляющих подготовку инженерных кадров для ЗСНГК без отрыва от производства – в рамках заочной и вечерней форм обучения. Позднее некоторые из учебно-консультационных пунктов получали статус общетехнических факультетов вузов. В 1985/86 учебном году в вузах Тюменской области обучалось свыше 30 тыс. студентов, из них примерно половина – на заочном и вечернем обучении. За 1965–1985 гг. выпуск специалистов с дипломами о высшем образовании в области вырос в 6,6 раза. Если в 1965 г. все вузы области выпустили 667 чел., то в 1985 г. – 4408 чел. [2, с. 186].

Создание нефтегазовой промышленности определило развитие системы среднего специального образования не только в Тюменской области, но и в других регионах Урала и Сибири. С учетом потребностей ЗСНГК создавались новые техникумы, а также изменяли свои учебные планы вузы и техникумы, расположенные в Свердловске, Томске, Омске, Новосибирске и других городах региона. Только в Тюменской области в 1966–1975 гг. было вновь открыто 5 средних специальных учебных заведений, в том числе в Сургуте и Нижневартовске. К середине 1980-х гг. в Тюменской области насчитывалось 31 среднее специальное учебное заведение, где готовились кадры для сибирской индустрии. Однако масштаб быстрого развития ЗСНГК не позволял считать это количество вполне достаточным. Во многих отраслях региона обеспеченность кадрами, в том числе среднетехническим персоналом, была далеко не полной. Казалось бы, большое внимание обращалось на подготовку специалистов нефтега-

зодобывающих профессий, но именно их и не хватало многим индустриальным предприятиям.

В связи с повышением технического и организационного уровня индустриального производства в Сибири постоянно возрастали требования к общеобразовательной и профессиональной подготовке трудящихся. В результате каждое новое поколение рабочих оказывалось образованнее предыдущего. В 1980-е гг. доля рабочих со средним образованием стала преобладающей во всех отраслях индустрии, увеличивалась прослойка рабочих, окончивших средние специальные и даже высшие учебные заведения.

Высокий образовательный уровень становился основным фактором повышения профессионально-технического уровня работников сибирской индустрии, роста их мастерства. Особенно высоким образовательным статусом трудящихся отличались осваиваемые регионы Сибири, куда на предприятия и стройки с каждым новым пятилетием прибывали все более образованные работники. Новые трудовые коллективы формировались преимущественно за счет молодежи, образовательный потенциал которой был выше, чем у представителей старших возрастных групп. Если в 1973–1975 гг. в кадровом составе «Главсибтрубопроводстроя» доля имеющих образование ниже среднего среди рабочих составляла 63–66 %, то в 1985 г. – лишь 21 % [3, с. 83].

В 1960–1980-е гг. в СССР создавались все необходимые условия как для получения общего среднего образования на базе школьного обучения, так и для повышения образовательного статуса без отрыва от производства. Практически во всех населенных пунктах Сибири имелись вечерние школы рабочей молодежи, кроме того, общее среднее образование можно было получить заочно.

В последние десятилетия советского периода активно развивалось профессиональное обучение рабочих. Наиболее квалифицированные кадры производству поставляла система профессионально-технического образования. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. ее развитию в государстве придавалось особое значение. В этот период было принято сразу несколько важных правительственных решений, направленных на совершенствование системы профессионально-технического образования СССР. Для обеспечения кадрами сибирской индустрии важную роль сыграло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 2 апреля 1969 г. «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных рабочих в учебных заведениях системы профессионально-технического образования» [4, с. 310].

В этом постановлении ПТУ оценивались как наиболее прогрессивная форма подготовки молодых рабочих по профессиям, необходимым современному индустриальному производству. С целью выполнения данного постановления в 1970-е гг. в Сибири были открыты десятки новых ПТУ, которые наряду с дипломами о профессиональном образовании выдавали своим выпускникам аттестаты об общем среднем образова-

нии. Значительно обновились программы обучения, появились разделы, связанные с современной электроникой, электротехникой, технологией обработки металлов, механизацией и автоматизацией производства.

В 1971–1975 гг. в Томской области количество профтехучилищ увеличилось с 28 до 34, а в Тюменской области – с 35 до 60. Всего с 1966 по 1980-е гг. в сибирских ПТУ было подготовлено и передано на предприятия и стройки, а также в транспортные организации 2 млн 235 тыс. квалифицированных рабочих. Так, только заводы и фабрики Кузбасса ежегодно получали 18–20 тыс. новых работников. В Новосибирской области 91 училище готовило рабочих по 155 специальностям, причем из них более 40 учебно-образовательных учреждений вместе с дипломом по полученной профессии выдавали еще аттестаты о среднем образовании. Профтехучилища Красноярского края поставляли 21% новых рабочих кадров. За десятилетие 1970–1980 гг. число училищ в Сибири выросло с 49 до 386, а число учащихся в них – с 14,3 до 166, 6 тыс. чел. [5, с. 118, 146–147].

Важными преимуществами системы профессионально-технического обучения являлись ее динамизм, способность оперативно откликаться на изменения в индустриальном производстве, вызванные НТР. Причем опыт перевода ПТУ в систему средних образовательных учреждений СССР демонстрировал не только повышение качества профессиональной подготовки рабочих, но и роста производительности их труда на производстве. У рабочих со средним образованием выполнение норм было на 25 % выше, чем у имеющих образование в объеме 8 классов. Выпускники ПТУ со средним образованием допускали в работе меньше брака, реже обращались за помощью к старшим коллегам, работали практически без простоев и прогулов.

В 1960–1980-е гг. система профессионально-технического обучения на предприятиях Сибири была представлена в основном производственно-техническими курсами, школами по изучению передовых методов труда, различными курсами целевого назначения, связанными с изучением и отладкой нового оборудования и техники, обучением вторым или смежным профессиям и т.п. Часто формы обучения профессиям и повышения квалификации рабочих определялись самим предприятием в зависимости от поставленных им задач по повышению производительности труда и намеченных перспектив в условиях научно-технического прогресса.

Основным видом обучения новых рабочих на промышленных предприятиях Сибири являлись производственно-технические курсы по отдельным видам профессий. Например, за годы девятой пятилетки на новосибирском заводе «Сибсельмаш» на таких курсах повысили свою квалификацию более 1,5 тыс. рабочих. В результате был отмечен рост производительности труда рабочих, обучавшихся на курсах, в цехах уменьшилось количество поломок инструмента и оборудования [6, с. 143–144].

Всего в Сибири через различные формы повышения квалификации в 1959 г. прошло 464,6 тыс. рабочих, в 1980 г. – 2079,8 тыс. чел. или почти в 5 раз больше. В среднем за год в 1959–1980 гг. повышали свою квалификацию 1 млн 215 тыс. рабочих [7, с. 163].

Менялись условия жизни и получения образования, менялся стиль и поведение молодых рабочих. Во-первых, выросли показатели общего образовательного уровня. Эта тенденция проявилась уже в 1960-е гг. В 1959 г. на тысячу занятых рабочих имели среднее и высшее образование 372 чел., в 1970 г. – 602 чел., в РСФСР соответственно – 370 и 567 чел. [8, с. 138]. При этом разрыв в профессиональном уровне рабочих и служащих заметно сократился. Во-вторых, сильно изменился квалификационный и профессионально-отраслевой состав рабочих. В-третьих, в значительной степени снижалась роль моральных стимулов, одновременно возрастало значение материального вознаграждения. Все эти процессы были типичны как для Сибири, так и для Дальнего Востока. Процесс урбанизации быстро стирал различия в отраслевой структуре занятости рабочих между центром и отдаленными регионами.

Благодаря реализации многоплановых комплексных мероприятий по повышению образовательного и профессионально-квалификационного уровня в сибирской индустрии в 1960–1980-е гг. стали работать более образованные и умелые контингенты работников по сравнению с предыдущим периодом. Практически во всех отраслях промышленности происходило вытеснение малоквалифицированного и тяжелого ручного труда и, вместе с тем, отмечалось возрастание удельного веса профессий, порождаемых автоматизацией и комплексной механизацией производства, что способствовало повышению квалификационного уровня рабочих. Наиболее высоким он был в машиностроении Сибири, в химической промышленности и металлургии, а в строительстве и лесной промышленности этот уровень был самым низким.

Важнейшие факторы, которые в значительной степени также повлияли на формирование индустриальных кадров Сибирского региона, были связаны с политикой советского правительства, направленной на ускоренное индустриальное развитие новых районов. В 1960–1980-е гг. в Сибири активно разрабатывались месторождения полезных ископаемых, строились предприятия, транспортные коммуникации, возводились новые города и рабочие поселки. Чтобы обеспечить кадрами новые трудовые коллективы, в Сибирь в больших масштабах направлялись миграционные потоки из густонаселенных районов СССР, представленный в основном молодежным контингентом. Только на новостройки, находящиеся на севере Западной Сибири, прибыло более 20 тыс. молодых людей [9, с. 192].

Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс возводила практически вся страна. Молодые строители обустроивали нефтяные и газовые месторождения, активно участвовали в строительстве трубопроводов, возводили промышленный комплекс в Тобольске

и строили там нефтехимический комбинат. Его строительство стало важным событием для экономической и социальной жизни СССР.

В конце 1970-х гг. в регионе, как и в целом в СССР, обозначилась тенденция увеличения доли специалистов с высшим или средним специальным образованием на рабочих должностях. Несомненно, усложнение техники и технологии производства стимулировало возникновение ряда новых специальностей с высоким содержанием интеллектуального труда. Впервые перечень таких рабочих специальностей был разработан в 1977 г. Государственным комитетом СССР по труду и социальным вопросам совместно с Министерством высшего и среднего образования. Он насчитывал 380 рабочих профессий, требующих, как минимум, среднего специального образования.

Менялся в целом социальный облик советских рабочих. Важным императивом социальной модернизации в СССР в вышеобозначенные годы стал демографический фактор, который сопровождался сменой поколений. В составе дальневосточных рабочих молодые люди занимали долю до 40 %, хотя уже в 1970-е гг. наблюдалось повышение среднего возраста дальневосточного населения. Особую территорию представляла Магаданская область, где специфика режима формирования рабочей силы привела к тому, что за 20 лет доля лиц моложе 20 лет достигла одной трети. Количество 20- и 29-летних рабочих в абсолютных цифрах увеличилось и в 1980-е гг. Это означало, что подавляющая генерация рабочих 1970–1980-х гг. родилась в послевоенный период и воспитывалась уже в те годы, когда аскетические нормы жизни ушли в прошлое и формировались новые ценностные установки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом на формирование кадрового потенциала сибирской индустрии в 1960–1980-е гг. оказывали воздействие многие факторы. Главными из них были научно-техническая революция, охватившая индустриальное производство, и стратегические установки советского правительства. Для Сибири определялся высокий уровень капитальных вложений в экономику, который позволял разворачивать строительство предприятий не только в малообжитых районах севера и северо-востока Сибири, но и на местах, вполне обжитых и имеющих традиции промышленного развития. В 1960–1980-е гг. для Сибири активно разрабатывались концепции комплексного развития, планировалось формирование ТПК и промышленных узлов. Все это также влияло на формирование кадрового потенциала сибирской индустрии, изменяло отраслевую структуру кадров, определяло динамику их численности и состава не только на отдельных предприятиях, но и в целых производственных комплексах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М.: Политиздат, 1968. Т. 5: 1962–1965 гг. 750 с.

2. Гаврилова Н.Ю. Петрова Л.Н. Развитие системы профессионального образования Тюменской области в период интенсивного освоения нефтегазовых ресурсов севера Западной Сибири // Человек в условиях нефтегазового освоения севера: материалы Всерос. науч. конф. 17–18 ноября 2010 г. Тюмень: Изд-во ГНГУ, 2010. С. 182–188.

3. Алексеев В.В. Логунов Е.В. Шабанов П.П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 176 с.

4. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1970. Т. 7: 1968–1969 г. 686 с.

5. Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг. Новосибирск: Наука, 1986. 357 с.

6. Ефимкин М.М. Рабочие Сибири. Конец 1950-х и середина 1980-х годов. Новосибирск: Наука, 1990. 220 с.

7. Ефимкин М.М. Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1950–1980 гг. Новосибирск: Наука, 1980. 273 с.

8. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М: Наука, 1990. 170 с.

9. Тимошенко А.И. Миграции молодежи как фактор заселения и социокультурного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2010. Вып. 1. С. 189–205.

REFERENCES

1. The party and government decisions on economic issues (1917–1967). Moscow, Politizdat, 1967, vol. 5: 1962–1965, 750 p. (In Russ.)

2. Gavrilova N.Y. Petrova L.N. Development of the professional education system of Tyumen region during the period of oil and gas resources' intensive development in northern West Siberia. *Chelovek v usloviyakh neftegazovogo osvoeniya Severa: materialy Vserossiiskoy nauchnoy konferentsii, 17–18 noyabrya 2010 g.* Tyumen, 2010, pp. 182–188. (In Russ.)

3. Alekseev V.V. Logunov E.V. Shabanov P.P. The experience of solving personnel problems in oil and gas construction in Siberia. Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta, 1987, 176 p. (In Russ.)

4. The party and government decisions on economic issues. Moscow, Politizdat, 1970, vol. 7: 1968–1969, 686 p. (In Russ.)

5. Okladnikov A.P. (ed.) Working class history in Siberia. Vol. 4: Working class of Siberia. 1961–1980. Novosibirsk, Nauka, 1986, 357 p. (In Russ.)

6. Efimkin M.M. Workers of Siberia. Late 1950s and mid 1980s. Novosibirsk, Nauka, 1990, 220 p. (In Russ.)

7. Efimkin M.M. Social development of the working class in Siberia. 1950–1980. Novosibirsk, Nauka, 1980, 273 p. (In Russ.)

8. Rybakovsky L.L. The Far East population over 150 years. Moscow, Nauka, 170 p. (In Russ.)

9. Timoshenko A.I. The youth migration as a factor of settlement and sociocultural development of Siberia in the 1950–80s. *Problemy istoricheskoy demografii.* Novosibirsk, 2010, iss. 1, pp. 189–205. (In Russ.)

Статья поступила
в редакцию 09.01.2020
Статья принята
к публикации 30.01.2020

DOI: 10.15372/HSS20200113
УДК 061.6(571.14):332.14 "19/20"

Н.А. КУПЕРШТОХ

**РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИЙ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ
РОССИЙСКИМИ ЭКОНОМИСТАМИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.**

Институт истории СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье исследуется история разработки проектов основных направлений социально-экономического развития Сибирского региона, которая осуществлялась учеными Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН (г.Новосибирск). При активном участии коллектива института с начала 1960-х гг. определялись векторы основных трендов развития экономики Сибири, соотносясь с направлениями государственной политики и потребностями региона. В 1970–1980-е гг. стратегические направления социально-экономического развития Сибирского региона были сформулированы и осуществлялись в рамках программы «Сибирь». В постсоветский период потребовались новые подходы к восстановлению экономического потенциала региона и осмыслению роли Сибири в геополитической стратегии государства. Эти подходы нашли отражение в трех документах – Стратегиях социально-экономического развития Сибири 2002, 2005 и 2010 гг.

Ключевые слова: Сибирское отделение РАН, Институт экономики и организации промышленного производства, Сибирский регион, стратегии социально-экономического развития.

N.A. KUPERSHTOKH

**THE DEVELOPMENT OF STRATEGIES
FOR THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SIBERIA
IN THE WORKS OF RUSSIAN ECONOMISTS
AT THE END OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES**

Institute of History SB RAS
8 Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Studying the history of Russia's regions clearly puts on the agenda the issue of methodological approaches to the studying the post-Soviet period covering about three decades. The latest period of Russian history in its regional refraction is of particular relevance in terms of finding those starting points that would serve as a kind of guideline for historians in covering social and economic issues. The article investigates the history of elaborating strategic projects of the socio-economic development's main directions for Siberian region carried out by the scientists from the Institute of Economics and Organization of Industrial Production (IEOIP) of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Since the early 1960s, the Institute staff has determined vectors of the main trends in the Siberian economy's development in accordance with the state policy directions and regional needs. In the 1970–1980s they formulated strategic directions of the regional socio-economic development being implemented in the framework of the program "Siberia". The post-Soviet period required new approaches to restore the regional economic potential and understand the role of Siberia in the state geopolitical strategy. These approaches are reflected in three documents: Strategies of Siberia's Socio-Economic Development in 2002, 2005, and 2010. Experience in implementing socio-economic projects in the second half of the XX century was summarized, first of all, in the works by economists themselves. Some issues of the Institute's development were reflected in the works of Siberian historians. Works by A.G. Granberg, V.V. Kuleshov, V.E. Seliverstov and other describe the experience of elaborating strategic programs for Siberia's socio-economic development in the XXI century. However, a comprehensive analysis of the IEOIP's activities to elaborate socio-economic programs and development strategies for Siberia has not yet become the subject of a special historiographic analysis. Therefore, the article objective is to study IEOIP's team activities in elaborating main directions of Siberia's socio-

Наталья Александровна Куперштох – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: nataly.kuper@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0003-1522-1837>

Natalia A. Kupershtokh – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

economic development in the late XX – early XXI centuries; identify the strategies main priorities for Siberia's socio-economic development in 2002, 2005 and 2010 that received (in addition to the Strategy 2005) the status of program documents officially approved by the Government of the Russian Federation Government.

Key words: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Region, strategies for socio-economic development.

ВВЕДЕНИЕ

Очевидно, что историю региона как составной части государственной системы следует рассматривать комплексно. Взаимоотношения центра и регионов регулируются государственной политикой, которая применительно к отдельным территориям должна учитывать особенности их предшествующего развития и современного состояния.

Впервые на необходимость разработки нового подхода к изучению Азиатской России и ее регионов обратили внимание уральские историки во главе с академиком В.В. Алексеевым, которые предмет исследования стали рассматривать с позиций геополитической и цивилизационной динамики [1]. Урал, Сибирь и Дальний Восток в силу географического положения и наличия ресурсного, производственного, научно-технического и образовательного потенциала играют особую роль в определении долгосрочных стратегий развития России, нацеленных на создание современной экономики инновационного типа, интегрированной в евро-азиатское экономическое пространство.

Проблема разработки стратегий социально-экономического развития регионов России неразрывно связана с проблемами стратегического планирования и управления регионами. Основы советского регионального формирования формировали такие видные ученые, как Н.Н. Баранский, Н.Н. Колосовский, В.С. Немчинов, Н.Н. Некрасов, А.Е. Пробст и др. Фундамент сибирской школы региональных исследований в 1960-е гг. создавали доктора наук М.К. Бандман, В.А. Кротов, Б.П. Орлов, В.Э. Попов, Р.И. Шнипер и др.

Опыт реализации социально-экономических проектов во второй половине XX в. получил обобщение, прежде всего, в трудах самих экономистов [2, 3, 4, 5], отдельные сюжеты о развитии института нашли отражение в работах сибирских историков [6, 7]. Сложный путь разработки и реализации стратегических программ социально-экономического развития Сибири в XXI в. показан в ряде работ [8, 9, 10, 11]. Однако комплексный анализ деятельности ИЭОПП по разработке социально-экономических программ и стратегий развития Сибири еще не стал предметом специального историографического анализа.

Цель статьи – изучение деятельности коллектива ИЭОПП по разработке основных направлений социально-экономического развития Сибирского макро-региона в конце XX – начале XXI вв., а также анализ основных приоритетов стратегий социально-экономического развития Сибири 2002, 2005 и 2010 гг., получивших (кроме Стратегии 2005 г.) статус официально утвержденных Правительством РФ программных документов.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ СОВРЕМЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

Векторы основных трендов развития экономики Сибири определялись при активном участии ученых-экономистов, соотносясь с приоритетами государственной политики и потребностями региона. Ведущим коллективом в этом направлении на протяжении шести десятилетий является новосибирский Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН. Его последовательно возглавляли известные в стране и мире ученые – член-корреспондент АН СССР Г.А. Пруденский, академики А.Г. Аганбегян, А.Г. Гранберг, В.В. Кулешов, с 2017 г. институтом руководит академик В.А. Крюков.

Очевидно, что при стратегическом планировании необходим анализ результатов реализации стратегических программ за предыдущие периоды. Методологическим постулатом в изучении региона для сотрудников ИЭОПП являлся тезис о преемственности базовых процессов развития Сибири и России. Именно этим тезисом руководствовались ученые-экономисты при подготовке, начиная с 1969 г., серии всеобщих конференций по развитию производительных сил Сибири¹ и изданию обобщающих монографий [12].

ИЭОПП на протяжении всей истории своего существования вел исследования в кооперации с экономистами СССР/России и зарубежных стран, а также со специалистами других научных отраслей. В 1970–1980-е гг. такая кооперация оказалась необходимым условием для подготовки и реализации широкомасштабной комплексной программы «Сибирь». Именно в ее рамках произошла необходимая кооперация специалистов страны и региона по разработке основных векторов социально-экономического развития Сибири, были скоординированы действия по ее реализации. Основным достижением ученых-экономистов в рамках программы «Сибирь» явилось обоснование необходимости опережающего экономического и социального развития Сибири, повышения уровня жизни населения, серьезной структурной перестройки экономики при усилении ведущей роли Сибири в обеспечении страны стратегическими природными ресурсами [13, с. 514].

По современным оценкам, в 1980-е гг. был необходим «новый виток» в реализации программы развития восточных регионов страны. Для этого требовались адекватная государственная политика, разработка

¹ Институт экономики и организации промышленного производства: вехи истории / сост. А.А. Кин, Л.А. Сергеева // Наука в Сибири. 2008. 20 июня.

стратегии развития Сибири, отвечающей вызовам того времени, создание условий для концентрации ресурсов в точках экономического роста. Это позволило бы решить главные проблемы экономики восточных регионов и усилить инвестиционную привлекательность Сибири [14, с. 8–9].

В постсоветский период с начала 1990-х гг. исследования тенденций и перспектив развития Сибири продолжались с учетом новых реалий. В условиях кризиса экономики среди определенной части ученых появился мнение о том, что наличие обширных территорий за Уралом является препятствием для цивилизационного развития России [15]. Важной консолидирующей акцией государственного масштаба стала первая после распада СССР Всероссийская конференция по экономическому развитию Сибири (июнь 1993 г.), организованная в Новосибирске по инициативе академика В.А. Коптюга. На пленарном заседании были заслушаны доклады: академика А.Г. Гранберга «Сибирь в межрегиональном и международном экономическом сотрудничестве»; а также чл.-кор. РАН (с 1997 г. – академика) В.В. Кулешова «Стратегия развития Сибири и ее роль в выходе российской экономики из кризиса» и др.²

Участники конференции пришли к выводу о необходимости разработки долговременной стратегии развития народного хозяйства в условиях реформ и приняли рекомендации по приоритетным направлениям развития Сибири, адресованные федеральным органам власти. Однако для разработки стратегии развития Сибири, рассчитанной на длительную перспективу, требовалось понять, куда движется страна в целом. Необходимо отметить, что попытки разработки общероссийских стратегических программ предпринимались СОПСом во главе с академиком А.Г. Гранбергом с середины 1990-х гг., но ни одна из них не получила официального признания.

Ошибки экономических реформ 1990-х гг. имели глубокие негативные последствия и привели к распаду хозяйственных связей, ухудшению социально-экономического состояния регионов. Под руководством академика В.В. Кулешова ведущие сибирские экономисты М.К. Бандман, К.К. Вальтух, А.Г. Коржубаев, В.А. Крюков, В.Ю. Малов, В.Е. Селиверстов, В.И. Суслов, С.А. Суспицын и другие продолжили исследования проблем экономики России и Сибири, основной направленностью которых являлся поиск вывода отечественной экономики из затяжного экономического кризиса.

В результате мониторинга было установлено, что Сибирь среди других крупных экономических районов РФ является объектом повышенного интегрального регионального риска. Сделан вывод, что со стороны государства требуется повышенное внимание к проблемным территориям Сибири. Подчеркивалось, что огромный ресурсный потенциал Сибири на новом

этапе развития экономики должен быть востребован в народном хозяйстве России за счет разработки и реализации экономических программ государственного и регионального статуса³.

Рекомендации ученых были доведены до руководства страны и нашли частичное отражение в документе «О дополнительных мерах государственной поддержки экономического и социального развития Сибири», принятом 19 мая 1996 г. в соответствии с Указом Президента РФ Б.Н. Ельцина. При активном участии сибирских экономистов была разработана Федеральная целевая программа экономического и социального развития Сибири на 1997–2005 гг. (ФЦП «Сибирь»). Она базировалась на концепции сочетания системы государственного протекционизма в отношении Сибири и процесса активизации потенциала ее саморазвития [11, с. 231–232]. Хотя на реализацию ФЦП не было выделено достаточных федеральных средств и вскоре стало понятно, что она так и останется на бумаге, опыт разработки программы был востребован в процессе разработки новых стратегических документов.

В 1990-е гг. сибирскими экономистами теоретически обоснована и эмпирически подтверждена необходимость смены парадигмы развития Сибири и условий ее воплощения в контексте новой геополитической ситуации. Свообразным итогом первого постсоветского десятилетия стала коллективная монография «Сибирь на пороге нового тысячелетия» (1998 г., 2-е издание вышло в 1999 г.) [16, 17]. Основной концептуальной идеей книги стал тезис о наличии объективных процессов долговременного развития социально-экономической системы Сибири в составе России. Сделан вывод, что экономические и политические кризисы могут лишь затормозить эти процессы, но не изменить их направленность [16, с. 5].

На рубеже веков в России наметилась четкая тенденция по усилению властной вертикали. Создание в мае 2000 г. федеральных округов РФ (в том числе Уральского, Сибирского и Дальневосточного) означало, что региональный вектор государственной политики получит новое наполнение. В Москве был создан Центр стратегических разработок, в ноябре 2000 г. Госсовету при Президенте РФ представлен доклад о стратегии развития государства на период до 2010 г., который после доработки содержал раздел «Стратегия территориального развития и региональная политика». Было зафиксировано, что «понятие *стратегия* социально-экономического объекта синтезирует научные представления о целях развития, возможностях выбора путей их достижения из множества существующих альтернатив, механизмах реализации принимаемых решений» [9, с. 7].

РАЗРАБОТКА «СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ» 2002 г.

Во второй половине 2000 г. Советом Сибирского федерального округа (СФО), СО РАН и Межре-

² Отчет о деятельности СО РАН в 1993 г. Новосибирск, 1994. Т. IV: Научно-организационная деятельность. С. 3–5.

³ О деятельности Сибирского отделения Российской академии наук. 1996 – начало 1997 гг. Новосибирск, 1997. С. 101–104.

гиональной ассоциацией «Сибирское соглашение» (МАСС) при активном участии ученых ИЭОПП и других институтов был подготовлен проект «Государственная концепция развития Сибири на долгосрочную перспективу». После обсуждения проекта во время визита Президента РФ В.В. Путина в Новосибирск в декабре 2000 г. его текст был расширен и доработан, послужив основой первой в стране стратегической программы по развитию региона – «Стратегии экономического развития Сибири».

В январе 2001 г. академик В.В. Кулешов рассказал представителям новосибирских СМИ об основных подходах к разработке документа. Сибирские экономисты выделили четыре основные проблемы в развитии региона: 1) высокая капиталоемкость крупномасштабных проектов и неблагоприятный инвестиционный климат, который отпугивает потенциальных инвесторов; 2) несовершенная транспортная инфраструктура и слабая транспортная освоенность региона, тяжелые природно-климатические условия; 3) низкий уровень жизни и кризисные явления в народонаселении; 4) неэффективный механизм природопользования⁴.

При разработке документа его авторы учитывали в первую очередь геополитические и экономические интересы России, приоритетные направления социально-экономического развития Сибири и интересы населения региона. Предполагалось, что реализация долгосрочной программы позволит повысить инвестиционную привлекательность Сибирского региона, обеспечить устойчивое развитие «сырьевых» регионов, усилить роль «несырьевого» сектора в экономике Сибири за счет развития производства наукоемкой продукции, повысить уровень жизни сибиряков.

На примере Сибири была раскрыта сущность важнейшей общероссийской проблемы: как сочетать использование преимуществ природно-ресурсного потенциала, развитие экспортно ориентированных сырьевых отраслей и ускоренное развертывание новой, постиндустриальной экономики [9, с. 26]. Работа ученых СО РАН по подготовке научных основ первой региональной стратегии получила высокую оценку. Академики Н.Л. Добрецов, А.Э. Конторович, В.В. Кулешов, кандидаты экономических наук А.Г. Коржубаев и В.Е. Селиверстов были удостоены престижной премии им. А.Н. Косыгина (2003 г.)⁵.

Текст документа, представленный региональной элитой, должен был пройти этапы согласования и одобрения в ряде министерств и ведомств РФ. И тут выяснились принципиальные противоречия во взглядах на ключевые моменты экономической стратегии. Сибирские ученые полагали, что главным финансовым источником при реализации Стратегии 2002 г. будет являться рента от добычи природных ресурсов реги-

она. Федеральные министерства и ведомства отвергли это предложение, ссылаясь на то, что отсутствуют механизмы изъятия и перераспределения ренты, а основная часть природной ренты (нефтяная и газовая) формируется вне границ Сибирского федерального округа [10, с. 9].

Итоговый правительственный вариант Стратегии, утвержденный Правительством РФ 7 июня 2002 г. (полный текст доступен на сайте⁶), довольно существенно отличался от варианта, разработанного учеными СО РАН. В нем были слабо отражены институциональные условия и механизмы реализации, поскольку в основу этих механизмов министерства заложили централизованный отраслевой подход «госплановского» образца [11, с. 239]. По современным оценкам, хотя правительственный вариант Стратегии 2002 г. не смог реализоваться из-за непреодолимых противоречий центра и региона, он все же имел политическое значение. Впервые появился официальный документ, зафиксировавший, что у Сибири есть свои интересы.

РАЗРАБОТКА «СТРАТЕГИИ СИБИРИ» 2005 г.

Настоятельная потребность регионального сообщества в сценариях социально-экономического развития была обозначена на совещании в Томске в январе 2005 г., которое организовали Совет СФО и Совет МАСС. Участники совещания констатировали, что Стратегия 2002 г. не вызвала кардинальных сдвигов в развитии сибирских территорий, более того, с 2003 г. ее реализация федеральными министерствами и ведомствами была практически прекращена. Отмечалось, что доля государственных инвестиций в регионы СФО, финансируемых за счет средств госбюджета, по-прежнему в 2–3 раза ниже доли СФО в создании валового внутреннего продукта страны, а их удельный вес в общих инвестициях не превышает 4–5%⁷.

На повестку дня был поставлен вопрос о подготовке нового варианта Стратегии социально-экономического развития Сибири. На этот раз структурообразующим элементом, «экономическим ядром» стратегической программы стали инвестиционные проекты. Документ под названием «Стратегия Сибири: партнерство власти и бизнеса во имя социальной стабильности и устойчивого роста» 2005 г. обосновывал перспективы реализации более 30 проектов, сгруппированных по принципу хозяйственных отраслевых комплексов: топливно-энергетического, транспортно-

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 07.06.2002 № 765-р «О Стратегии экономического развития Сибири» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-07062002-n-765-r/> (дата обращения: 08.12.2019).

⁷ Совместное заседание Совета Сибирского федерального округа и Совета межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» 21 января 2005 г. // Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение». URL: <https://www.sibacc.ru/events/event/17612/> (дата обращения: 14.12.2019).

⁴ Садыкова В. Правила игры должны быть постоянными: интервью академика В.В. Кулешова // Наука в Сибири. 2001. 5 янв.

⁵ Награды и премии ученых СО РАН в 2003 году // Сибирское отделение РАН. Отчет о научной и научно-организационной деятельности в 2003 г. URL: <http://www.nsc.ru/win/sbras/rep/rep2003/tom1/nagr.html> (дата обращения: 14.12.2019).

го, машиностроительного, лесопромышленного, металлургического, агропромышленного. Кроме того, в Стратегию 2005 г. были включены проекты по развитию инноваций, туризма, здравоохранения.

Главным критерием при отборе проектов была их народнохозяйственная значимость. Предполагалось, что в дальнейшем на их основе будут сформированы целевые программы федерального и регионального уровней, финансирование которых будет осуществляться за счет федерального и регионального бюджетов, а также бизнес-структур. Ценность этого документа состояла, прежде всего, в формировании первых шагов по созданию модели государственно-частного партнерства.

Разработчики программного документа 2005 г. отчетливо понимали, что экономика Сибири в первой трети XXI в., скорее всего, сохранит свою сырьевую направленность. Поэтому они исходили из того, что потенциал запасов полезных ископаемых региона позволит рассматривать минерально-сырьевой комплекс как базис для устойчивого развития страны и Сибири на длительную перспективу, не исключая, однако, возможности ускоренного формирования сектора высокотехнологичных отраслей экономики. По сравнению со Стратегией 2002 г. вопрос о ренте был подан в более дипломатичном ключе. Авторы документа констатировали, что надо ставить вопрос не о перераспределении рентных потоков в Сибирь, а о возможностях использования для реализации обозначенных в Стратегии 2005 г. направлений определенной доли средств Стабилизационного фонда РФ, источником которого является природная рента от добычи нефти и газа [10, с. 11].

Документ стратегической программы 2005 г. был подготовлен, но не получил официального признания на федеральном уровне. Причины такого положения коренились в рассогласованности государственной политики в отношении регионов. В апреле 2006 г. Президент РФ В.В. Путин провел в Томске совещание по вопросам социально-экономического развития субъектов Сибирского федерального округа. Региональной элите было предложено вместо Стратегии развития Сибири подготовить очередную ФЦП «Сибирь» на период 2008–2020 гг.

На Общем собрании СО РАН в мае 2006 г. академик В.В. Кулешов представил доклад о методическом обеспечении разработки ФЦП, отметив противоречие федеральной региональной политики. Если Президент РФ предложил сформировать ФЦП, то Министерство экономического развития РФ рекомендовало сосредоточиться на разработке стратегий развития субъектов РФ⁸. В этих условиях академик В.В. Кулешов предложил компромиссный вариант: подготовить ФЦП «Сибирь» не регионального, а федерального масштаба. Однако вскоре стало понятно, что начавшаяся по инициативе сверху подготовка «Концепции социаль-

но-экономического развития России до 2020 года», утвержденная правительством РФ в ноябре 2008 г., ставит на повестку дня более глобальные задачи.

РАЗРАБОТКА «СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ» 2010 г.

В первое десятилетие XXI в. произошли существенные изменения в политической, экономической и культурной жизни России, которые позволили расширить представления о возможных путях дальнейшего развития субъектов РФ. Этому способствовали создание Министерства регионального развития России (2004 г.), разработка ориентиров государственной политики в отношении регионов, проведение ежегодных крупномасштабных форумов непосредственно на территории Сибири – Красноярского экономического форума (с 2004 г.) и новосибирского Технопрома (с 2007 г.). Обсуждение перспектив развития регионов с участием представителей ведущих министерств, администраций краев и областей, бизнеса и крупных корпораций позволило скорректировать разработку следующей – третьей в новейшей истории Сибири стратегической программы ее развития. Документ был утвержден Правительством РФ 5 июля 2010 г. (текст с поправками 2014 г. представлен на сайте⁹).

Его разработчиками также являлись в основном сотрудники ИЭОПП. При подготовке нового варианта Стратегии был задействован весь потенциал наработок института в XXI в., обобщенных в крупных монографиях [18]. Авторы документа исходили из того, что проект должен учитывать давние сложившиеся экономические связи территорий Сибири. В ходе образования федеральных округов в 2000 г. Западная Сибирь лишилась Тюменской области с ее нефтегазовым комплексом, которая вошла в состав Уральского федерального округа, а Восточная Сибирь – Республики Саха (Якутия) с ее богатейшим ресурсным потенциалом, которую включили в состав Дальневосточного федерального округа. Тем не менее, экономический потенциал этих субъектов РФ авторы новой стратегической программы рассматривали как неотъемлемую часть «Большой Сибири».

Приоритеты Стратегии 2010 г. были определены следующим образом: обеспечение устойчивого повышения уровня и качества жизни населения Сибири на основе сбалансированной социально-экономической системы инновационного типа, гарантирующей национальную безопасность, динамичное развитие экономики и реализацию национальных стратегических интересов России в мировом сообществе. Впервые в стратегическом документе развития Сибири было зафиксировано в качестве приоритета развитие чело-

⁸ Готов И. Как развивать Сибирь // Наука в Сибири. 2006. 18 мая.

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 05.07.2010 г. № 1120-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года (с изменениями на 26.12.2014 г.)» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902229380> (дата обращения: 10.12.2019).

веческого потенциала – главной составляющей национального богатства и основной движущей силой экономического роста [11, с. 245].

В Стратегии 2010 г. инвестиционные проекты были объединены в два направления: первоочередные федеральные, межрегиональные и региональные проекты, обеспечивающие реализацию стратегии; долгосрочные и среднесрочные инвестиционные проекты. В представленных проектах значительно возросла доля проектов по развитию инновационно-образовательной и информационно-телекоммуникационной сфер, а также проектов, подготовленных на принципах государственно-частного партнерства.

В первое десятилетие XXI в. практически все регионы России подготовили свои стратегии развития. Однако их уровень часто был сомнительного качества. Стратегические документы сибирских экономистов отличались глубокой научной проработкой проблем, взвешенностью экономических прогнозов, учитывали риски развития экономики в период кризисов. При подготовке документов их авторы руководствовались правилом: разработка стратегий должна осуществляться при активном взаимодействии с бизнес-структурами и институтами гражданского общества. Обсуждение вариантов Стратегии 2010 г. в прессе, на конференциях, совещаниях позволило выработать согласованный с федеральным центром документ, который является официальным документом основных векторов развития региона на протяжении второго десятилетия XXI в.

Однако реализация Стратегии 2010 г. на практике показала, что Сибирский регион во втором десятилетии XXI в. столкнулся с новыми вызовами. В условиях укрепления властной вертикали четко определились тенденции перераспределения функций контроля за природными ресурсами в пользу федерального центра. В государственной политике наметились тенденции протекционизма в отношении отдельных регионов РФ, порождающих иждивенчество и дотационную экономику. Федеральное финансирование распределялось не на основе объективных показателей, а на соображениях иного порядка. Ликвидация Министерства регионального развития РФ и передача его функций Министерству экономического развития и торговли РФ отрицательно сказались на реализации системной политики в отношении регионов [19, с. 30–31]. Недоумение политологов и экономистов вызвало также включение в сферу ответственности созданного в 2012 г. Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики вопросов социально-экономического развития субъектов Уральского и Сибирского федеральных округов.

В этих условиях определенный оптимизм региональной элиты породило Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию в декабре 2013 г., в котором он отметил: «Ресурсы и государства, и частного бизнеса должны идти на развитие, на достижение стратегических целей. Например, таких, как подъем Сибири и Дальнего Востока. Это

наш национальный приоритет на весь XXI век»¹⁰. Этот пункт Послания был подробно проанализирован участниками Красноярского экономического форума в 2014 г. Конкретные рекомендации по реализации обновленной стратегии развития Сибири и Дальнего Востока экономисты представили в аналитическом докладе [20].

Однако тезис о том, что национальным приоритетом XXI в. наряду с Дальним Востоком является также Сибирь, похоже, не восприняли государственные функционеры. Хотя план реализации государственной политики регионального развития на период до 2025 г. (утвержден Правительством РФ в 2017 г.) предусматривал меры по стимулированию субъектов РФ к наращиванию собственного экономического потенциала, в 2018 г. было принято решение о передаче двух субъектов Сибирского федерального округа – Забайкальского края и Республики Бурятия – в Дальневосточный федеральный округ. По мнению экономистов, «жонглирование» территориями наносит значительный вред сложившимся социально-экономическим связям и означает существенную корректировку как действующей, так и разрабатываемых стратегий развития Сибири на перспективу.

В утвержденной Правительством РФ в феврале 2019 г. «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года»¹¹ территория Сибири впервые поделена на два макрорегиона – Южно-Сибирский и Ангаро-Енисейский, каждый из которых будет иметь собственную стратегию развития на перспективу. Участники Красноярского экономического форума 2019 г. при обсуждении приоритетов следующей Стратегии развития Сибири констатировали, что для обеспечения полноценного развития социально-экономического потенциала «нужны структурные и институциональные маневры, должен появиться центр управления и согласования действий на уровне всего Сибирского макрорегиона»¹². И в самом деле, поскольку уже действует Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, почему бы региональной элите не выступить с инициативой создания Министерства РФ по развитию Сибири?

На федеральном уровне ситуация с разработкой стратегий в XXI в. обстоит следующим образом. В начале 2010-х гг. эксперты ВШЭ и РАНХиГС разработали вариант Стратегии развития России до 2020 г. Это было связано с корректировкой ранее принятой Концепции 2008 г. в связи с последующим кризисом экономики. Московские эксперты представили объ-

¹⁰ Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 08.12.2019).

¹¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 10.12.2019).

¹² Сибирь – центр экономического и человеческого развития России // Наука в Сибири. 2019. 3 апр. URL: <http://www.sbras.info/articles/akademgorodok/sibir-tsentr-ekonomicheskogo-i-chelovecheskogo-razvitiya-rossii> (дата обращения: 10.12.2019).

емный доклад, обосновывавший переход России на постиндустриальную модель развития. Однако этот доклад не был утвержден Правительством РФ в качестве стратегической программы. Концепция 2008 г. не была упразднена и формально остается действующей. В 2020 г. истекает срок действия Концепции долгосрочного социально-экономического развития России, но по ряду целевых показателей документа дедлайн фактически продлен – они стали национальными проектами, закрепленными майскими указами Президента РФ В.В. Путина в 2018 г.¹³

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Накопленный опыт исследования проблем и перспектив социально-экономического развития Сибири и ее отдельных территорий, высокое качество теоретических и практических разработок выдвинули коллектив ИЭОПП в число лидеров по изучению важнейшего в стране и мире макрорегиона. Современные научные направления ИЭОПП, которые базируются на необходимости изучения взаимоувязанных комплексных проблем, позволяют коллективу проводить исследования по таким актуальным проблемам, как исследование закономерностей и факторов экономического развития России, институциональной и социальной динамики современного общества; изучение проблем территориального управления и комплексного развития Сибири; моделирование пространственной структуры развития экономики и др.¹⁴ Дискуссионные проблемы современных трендов развития России и Сибири обсуждаются на экономических форумах, конференциях и семинарах различного уровня.

Сообщество экономистов констатирует возрастание интереса высшего руководства страны к проблемам Сибири и Дальнего Востока, усиление внимания ряда федеральных министерств и ведомств к государственному регулированию территориального развития на востоке страны. И это внушает некоторый оптимизм. Очевидно, что крупные государственные решения в отношении Сибири и Дальнего Востока и соответствующие им управляющие стратегии должны иметь серьезный научно-методологический, информационный и концептуальный базис. Опора на научные исследования экономистов, осуществляющих комплексный подход к изучению социально-экономических проблем России и регионов, позволяет отслеживать в режиме мониторинга как позитивные, так и негативные процессы, происходящие в экономике и социуме, и прогнозировать дальнейшие сценарии развития страны в XXI в.

¹³ Гальчева А. Концепция развития России до 2020 года оказалась невыполнимой // РБК. 2019. 2 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/11/2019/5db946fb9a794742bc0d5b68> (дата обращения: 10.12.2019).

¹⁴ Основные научные направления ИЭОПП СО РАН // Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. URL: <https://www.ieie.su/about/ieie.html> (дата обращения: 14.12.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. М.: Наука, 2004. 600 с.
2. Аганбегян А.А. Сибирский взрыв // ЭКО. 1998. № 6. С. 80–89.
3. Гранберг А.Г. Российские особенности в региональном разрезе // ЭКО. 1998. № 6. С. 90–100.
4. Кулешов В.В. Экономическая наука на рубеже веков // Наука на рубеже веков: взгляд из Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 90–100.
5. Кулешов В., Казанцев С., Калужина З., Сергеева Л. Сибирский форпост экономической науки // Наука в России. 2007. № 4. С. 74–80.
6. Водичев Е.Г., Куперштох Н.А. Социально-экономические исследования в первое десятилетие истории Новосибирского научного центра: институциональные коллизии и судьбы научных лидеров // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 3. С. 85–88.
7. Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. 288 с.
8. Гранберг А.Г. Стратегия развития Сибири в системе государственной политики // Вестник Российской академии наук. 2002. № 3. С. 209–212.
9. Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / под ред. А.Г. Гранберга. М.: Наука, 2004. 720 с.
10. Кулешов В.В., Селиверстов В.Е. Стратегия социально-экономического развития Сибири: институциональные условия и механизмы реализации // Экономика региона. 2005. № 4. С. 5–24.
11. Селиверстов В.Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2013. 436 с.
12. Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе / отв. ред. М.К. Бандман, В.А. Калмык, Б.П. Орлов, З.Р. Цимдина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 335 с.
13. Куперштох Н.А. Разработка и реализация социально-экономических проектов комплексной программы «Сибирь» в 1980–1990-е гг. // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19. № 4. С. 514–528. DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(4).514–528
14. Современная роль экономики Сибири в народнохозяйственном комплексе России / под ред. В.В. Кулешова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2014. 326 с.
15. Трейвиш А., Шулер В. Теоретическая география, геополитика и будущее России // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 23–33.
16. Сибирь на пороге нового тысячелетия / отв. ред. В.В. Кулешов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1998. 264 с.
17. Сибирь на пороге нового тысячелетия. Изд. 2-е, перераб. и доп. / отв. ред. В.В. Кулешов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1999. 296 с.
18. Сибирь в первые десятилетия XXI века / отв. ред. В.В. Кулешов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. 788 с.
19. Стратегическое управление региональным и муниципальным развитием / под ред. А.С. Новоселова, В.Е. Селиверстова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП, 2018. 496 с.
20. Россия: восточный вектор. Предложения к стратегии развития Сибири и Дальнего Востока. Аналитический доклад / под ред. В.С. Ефимова, В.А. Крюкова. Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2014. 92 с.

REFERENCES

1. Alekseev V. V., Alekseeva E. V., Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V. Asian Russia in geopolitical and civilizational dynamics. Moscow., 2004, 600 p. (In Russ.).
2. Aganbegyan A. A. Siberian explosion. *EKO*, 1998, no. 6, pp. 80–89. (In Russ.).
3. Granberg A. G. Russian features in a regional context. *EKO*, 1998, no. 6, pp. 90–100. (In Russ.).

4. Kuleshov V. V. Economics at the turn of the century. *Nauka na rubezhe vekov: vzglyad iz Sibiri*. Novosibirsk, 2000. pp. 90–100. (In Russ.).
5. Kuleshov V., Kazantsev S., Kalugina Z., Sergeeva L. Siberian outpost of economic science. *Nauka v Rossii*, 2007. no. 4, pp. 74–80. (In Russ.).
6. Vodichev E.G., Kuperstokh N.A. Socio-economic studies in the first decade of the history of the Novosibirsk Scientific Center: institutional conflicts and the fate of scientific leaders. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2002. no. 3, pp. 85–88. (In Russ.).
7. Timoshenko A.I. Projects of socio-economic development of Siberia in the XX century: concepts and solutions. Novosibirsk, 2007, 288 p. (In Russ.).
8. Granberg A.G. Siberia's development strategy in the system of public policy. *Vestnik Rossiiskoy akademii nauk*, 2002, no 3, pp. 209–212. (In Russ.).
9. Granberg A.G.(ed.) Strategies of macroregions of Russia: methodological approaches, priorities and implementation paths. Moscow, 2004, 720 p. (In Russ.).
10. Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. Strategy of Siberian's socio-economic development: institutional conditions and implementation mechanisms. *Ekonomika regiona*. 2005, no. 4, pp. 5–24. (In Russ.).
11. Seliverstov V.E. Regional strategic planning: from methodology to practice. Novosibirsk, 2013, 436 p. (In Russ.).
12. Bandman M.K. , Kalmyk V.A. , Orlov B.P. , Tsimdina Z.R. (eds.). Siberia in a united national economic complex. Novosibirsk, 1980, 335 p. (In Russ.).
13. Kuperstokh N.A. Development and implementation of socio-economic projects of the comprehensive program "Siberia" in the 1980–1990s. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. 2018, vol. 19. no 4. Pp. 514–528. DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(4).514–528. (In Russ.).
14. Kuleshov V.V. (ed.) The modern role of the Siberian economy in the national economic complex of Russia / Novosibirsk, 2014, 326 p. (In Russ.).
15. Treyvish A., Shuper V. Theoretical geography, geopolitics and the future of Russia. *Svobodnaya mysl'*. 1992. no. 12, pp. 23–33. (In Russ.).
16. Kuleshov V.V. (ed.) Siberia on the threshold of the new millennium. Novosibirsk, 1998, 264 p. (In Russ.).
17. Kuleshov V.V. (ed.) Siberia on the threshold of the new millennium. 2nd ed. Novosibirsk, 1999, 296 p. (In Russ.).
18. Kuleshov V.V.(ed.) Siberia in the first decades of the XXI century Novosibirsk, 2008, 788 p. (In Russ.).
19. Novoselov A.S., Seliverstov V.E. (eds.) Strategic management of regional and municipal development. Novosibirsk, 2018, 496 p. (In Russ.).
20. Efimova V.S. , Kryukova V.A. (eds.) . Russia: the east vector. Suggestions for the development strategy of Siberia and the Far East. Analytical report. Krasnoyarsk, 2014, 92 p. (In Russ.).

*Статья поступила
в редакцию 15.01.2020
Статья принята
к публикации 30.01.2020*

DOI: 10.15372/HSS20200114
УДК 338.48(470.5)“1990/2019”

М.В. БЕКЛЕНИЩЕВА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА НА УРАЛЕ В 1990–2010-е гг.: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
РФ, 620002 г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

В статье рассматривается деятельность органов государственной власти Свердловской области по развитию внутреннего и въездного туризма с момента принятия регионального закона о туризме. Выделены этапы развития региональной политики в сфере туризма, включая переход к программно-целевому методу. Отмечены особенности развития отрасли в 1990–2010-е гг., связанные с организационно-административной перестройкой региональных органов управления. Если в 1990-е гг. вопросы развития туризма курировало Министерство физкультуры и спорта, то в настоящее время они относятся к ведению Министерства инвестиций и развития Свердловской области, что свидетельствует об изменении статуса данной отрасли. Выявлены специфика и виды туризма, которые развиваются в регионе. Определены ключевые проблемы, сдерживающие развитие отрасли, а также возможные варианты их решения в Свердловской области. Показана динамика турпотока, акцентировано внимание на причинах увеличения количества иностранных туристов в Свердловской области, среди которых следует отметить мероприятия федерального и регионального уровней, а также повышение узнаваемости Среднего Урала за рубежом.

Ключевые слова: развитие туризма, Свердловская область, «Самоцветное кольцо Урала», туристский кластер, Большой Урал, иностранные туристы, деловой туризм

BEKLENISHCHEVA MARIIA

REGIONAL POLICY AS A FACTOR OF TOURISM DEVELOPMENT IN URAL, 1990s-2010s: EXPERIENCE, PROBLEMS, PROSPECTS

Ural Federal University named
after the First President of Russia B.N. Yeltsin
19 Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

In the context of formation of the postindustrial society, the issues of creation of tourist infrastructure and entertainment cluster attractive for tourism have become urgent.

A.B. Movlaev, I.S., Kabirov, Y.S. Putrik et al. devoted their works to the problems of regional tourism development. In general, the topic, especially its regional aspect, is still waiting for its researchers. The article is intended to reflect the specifics of evolution of the regional policy on domestic and inbound tourism development focusing on the processes of regional legal framework formation and emerging problems.

The key point is the regional tourism law of 1999. Over the past 20 years, four ministries have served as the executive body of the regional government in the field of tourism. Currently, the Ministry of Investment and Development of Sverdlovsk Region has the responsibility of these issues.

At the Millennium turn, the volume of inbound tourism to Sverdlovsk Region was comparable to these parameters in the mid-80s of the XX century. In the early XXI century Sverdlovsk Region declared itself as a tourist center, however, the main flow of tourists in the region, including foreign ones, is still made up of visitors to business events at the federal level. In 2004, Sverdlovsk Regional government established the Council for Developing Tourism Activities, since 2007 the state targeted programs to develop tourism in the region have been adopted. Since 2011, federal budget funds have been allocated to finance the tourism activities, Sverdlovsk Region Tourism Development Center was opened. In 2018, the Strategy for the Development of Domestic and Inbound Tourism in Sverdlovsk Region up to 2035 was approved.

At present, the necessary regulatory and legal framework in the tourism sphere in Sverdlovsk Region has been developed, however, a number of strategic planning documents must be adjusted with participation of representatives of the scientific and public community.

Key words: tourism development, Sverdlovsk Region, Urals precious ring, tourist cluster, Great Ural, foreign tourists, business tourism.

Мария Владимировна Бекленищева – аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, e-mail: bekmv88@yandex.ru. <https://orcid.org/0000-0002-5245-6064>

Mariia V. Beklenishcheva – postgraduate student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях формирования постиндустриального общества на первый план выходят отрасли экономики, ранее не рассматриваемые как перспективные. К таковым относится туристическая отрасль. Нередко она формирует базис региональной экономики страны. Иное дело – горно-промышленный Урал, который уже в XVIII в. стал пространством развития ранней российской индустриализации и вплоть до конца XX в. сохранял статус промышленного региона. В этих условиях туризм выступал как сугубо вспомогательная отрасль, задачи которой ограничивались организацией внутреннего туризма.

Переход к рыночной экономике остро поставил в Свердловской области вопрос о создании туристской инфраструктуры, необходимой для организации делового туризма. Следующий шаг был связан с созданием в области привлекательного для внутреннего и международного туризма кластера развлечений.

Итогом многолетних усилий региональной власти стало выделение в рамках туристской индустрии нескольких направлений, в том числе промышленного туризма¹, ивент-туризма, а также культурно-познавательного направления, связанного с продвижением исторического образа региона². Такой прорыв стал результатом систематической работы не только органов власти региона, но и всего регионального сообщества.

Вопросам развития регионального туризма, несмотря на актуальность заявленной проблемы, посвящено не много научных исследований. Так, несколько статей, касаются проблем формирования региональной политики в области развития внутреннего и въездного туризма. Как правило, в них анализируется опыт конкретных регионов: Чеченской Республики [1, с. 97–103], Тамбовской области [2, с. 260–261], Республики Азербайджан [3, с. 14–18]. Общей проблемой российских территорий и республик, сформированных на постсоветском пространстве, является отсутствие нормативно-правовой базы и ориентация на поддержку государства в развитии туристского кластера. Анализ проблем государственного регулирования сферы туризма в РФ дан в статье И. С. Кабирова, в том числе роли целевых программ как инструмента развития туризма [4, с. 61–65]. Обобщающий характер носит также диссертация Ю. С. Путрика [5], посвященная комплексному анализу государственной политики в области туризма в Российской Федерации в 1991–2009 гг. В целом тема, заявленная в настоя-

щей статье, еще ждет своих исследователей. В данной публикации раскрываются особенности эволюции региональной политики по вопросам внутреннего и въездного туризма, при этом внимание акцентируется на процессах разработки региональной правовой базы и решении возникающих проблем.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В РАЗВИТИИ ТУРИЗМА НА УРАЛЕ

В истории становления региональной политики в сфере туризма в Свердловской области точкой отсчета можно считать областной закон «О туризме и туристской деятельности в Свердловской области» (далее – Закон о туризме)³, принятый в 1999 г. Исполнительным органом, отвечающим за развитие данной отрасли, в 2000–2009 гг. было Министерство по физической культуре, спорту и туризму Свердловской области (ранее – Комитет по физической культуре, спорту и туризму Свердловской области), с 2009 по 2012 г. – Министерство культуры и туризма Свердловской области, в 2012–2014 гг. эти функции осуществляло Министерство экономики Свердловской области и с 2014 г. по настоящее время – Министерство инвестиций и развития Свердловской области. Смена кураторов туризма с очевидностью свидетельствует об изменении статуса отрасли – от восприятия ее властью в качестве одного из массовых видов спорта и отдыха до признания туризма полноценной отраслью экономики региона, способной стать источником пополнения бюджета.

В структуре Министерства по физической культуре, спорту и туризму Свердловской области⁴ отдельного структурного подразделения, курировавшего направление «туризм», не было. Этими вопросами занимался специалист организационно-массового отдела. Согласно положению о Министерстве, туризм рассматривался как одно из направлений физической культуры и спорта. Среди немногочисленных мероприятий, посвященных развитию туризма, предусматривалось, например, «участие в подготовке и переподготовке общественных спортивно-туристских кадров»⁵.

Очевидно, что на рубеже тысячелетий туризм не являлся приоритетом региональной политики, поэтому финансирование данного направления не предусматривалось, что серьезно сдерживало развитие внутреннего и въездного туризма. Объемы въездного

³ Свердловская область. Областной закон от 31 декабря 1999 года № 51-ОЗ «О туризме и туристской деятельности в Свердловской области» // Областная газета. 2000. 11 янв. № 3–4.

⁴ Постановление Правительства Свердловской области от 16.06.2000 № 483-ПП «Об утверждении положения, структуры и предельной штатной численности Министерства по физической культуре, спорту и туризму Свердловской области» // Собрание законодательства Свердловской области. 2000. № 6.

⁵ Областная государственная целевая программа «Развитие физической культуры, спорта и туризма, формирование здорового образа жизни в Свердловской области на 2002 год», утвержденная постановлением Правительства Свердловской области от 16.04.2002 № 234-ПП // Собрание законодательства Свердловской области. 2002. № 4.

¹ В Екатеринбурге состоялась учредительная конференция Совета по развитию промышленного туризма; Федеральное агентство по туризму Министерства экономического развития Российской Федерации, официальный сайт. URL: https://www.russiatourism.ru/news/13901/?sphrase_id=452726 (дата обращения: 20.12.2018).

² О XXXII заседании Совета глав субъектов Российской Федерации при МИД России; Министерство иностранных дел Российской Федерации, официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/diverse/-/asset_publisher/zw12FuDbhJx9/content/o-xxxii-zasedanii-soveta-glav-sub-ektov-rossijskoj-federacii-pri-mid-rossii (дата обращения: 29.12.2018).

Т а б л и ц а 1

Динамика въездного туризма в Свердловской области
Dynamics of inbound tourism in the Sverdlovsk region

Год Year	Количество иностранных туристов, чел. Number of foreign tourists, people.
1984	700
1987	931
2002	745
2003	1782

Составлено по: Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 61. Оп. 39. Д. 86. Л. 7 об.; Оп. 44. Д. 80. Л. 5; Постановление Областной думы Законодательного собрания Свердловской области от 12.10.2004 № 890-ПОД «Об исполнении закона Свердловской области «О туризме и туристской деятельности в Свердловской области».

туризма в Свердловскую область в начале 2000-х гг. сопоставимы с объемами въездного туризма в регион в середине 1980-х гг. (табл. 1).

Попытка изменить ситуацию была предпринята в апреле 2004 г., когда Правительством Свердловской области был создан Совет по развитию туристской деятельности, основными задачами которого стала координация деятельности организаций разных форм собственности по развитию туризма и превращение туристской деятельности в отрасль экономики региона, приносящую прибыль. В частности, тогда начиналась работа по созданию туристского маршрута «Серебряное кольцо Урала», включающего посещение городов Екатеринбург, Каменск-Уральский, Нижний Тагил, а также Алапаевского, Верхотурского, Невьянского, Нижнесергинского, Полевского и Сысертского районов⁶.

Первый опыт разработки туристского продукта оказался неоднозначным: проект остался нереализованным в силу ряда причин, в том числе неэффективной рекламной кампании, отсутствия информационной поддержки проекта, слабого взаимодействия туристских организаций с органами государственной власти, органами местного самоуправления и общественными объединениями. Вместе с тем, в регионе оживился интерес к историко-культурному наследию края. В частности, была издана книжная серия «Урал. История в ликах городов», включающая 16 томов по различным историко-географическим зонам: серия подготовлена историками-краеведами в виде культурно-исторических очерков. Началась разработка двухтомного Свода памятников истории и культуры Свердловской области [6].

Законодательное собрание Свердловской области, оценивая достигнутые результаты, рекомендова-

⁶ Постановление Областной думы Законодательного собрания Свердловской области от 12.10.2004 № 890-ПОД «Об исполнении закона Свердловской области «О туризме и туристской деятельности в Свердловской области» // Областная газета. 2004. 29 окт. № 292–293.

ло для улучшения координации работы в сфере туризма создать при губернаторе Координационный совет по развитию туризма, а также подготовить областную целевую программу развития туризма в регионе на 2006–2008 гг. Эти рекомендации были реализованы спустя три года⁷, впервые была принята государственная целевая программа «Развитие туризма в Свердловской области» на 2007 год, мероприятия которой были поддержаны финансированием. В 2007 г. было выделено 5 000 тыс. руб.⁸, в 2008 г. объемы финансирования составили 5335,0 тыс. руб.⁹ Программу можно считать поворотным моментом в развитии отрасли в регионе, которая получила статус стратегического направления и соответствующий механизм финансирования.

Таким образом, во второй половине 2000-х гг. были приняты ключевые имиджевые проекты, принесшие результаты после 2014 г. и позволившие придать узнаваемость Свердловской области на всероссийском и международном уровнях. До 2004 г. внутренний и въездной туризм не рассматривался в качестве перспективного направления развития региона¹⁰. Принятие целевых программ и выделение финансирования стимулировали развитие отрасли, однако первоначально объемы денежных вливаний были недостаточными для того, чтобы кардинально изменить ситуацию.

Заметным шагом вперед стала Программа развития туризма в Свердловской области на 2009–2011 гг., на реализацию которой выделялось 21 980 тыс. руб. за счет средств областного бюджета¹¹. Период выполнения программы совпал с процессом передачи функций и полномочий в сфере развития туризма в ведение Министерства культуры Свердловской области, преобразованного в Министерство культуры и туризма Свердловской области. В структуре ведомства был создан отдел развития туризма, музейного дела и традиционной народной культуры¹². Соответствующие измене-

⁷ Постановление Правительства Свердловской области от 23.05.2007 № 452-ПП «О Совете по развитию туризма в Свердловской области» // Областная газета. 2007. № 175–176. 29 мая.

⁸ Постановление Правительства Свердловской области от 26.07.2006 № 634-ПП «Об областной государственной целевой программе «Развитие туризма в Свердловской области» на 2007 год» // Областная газета. 2006. № 252–253. 2 авг.

⁹ Постановление Правительства Свердловской области от 11.07.2007 № 658-ПП «Об областной государственной целевой программе «Развитие туризма в Свердловской области» на 2008 год» // Областная газета. 2007. № 251–252. 18 июля.

¹⁰ Постановление Правительства Свердловской области от 27.08.2008 № 873-ПП «О стратегии социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 года» // Собрание законодательства Свердловской области. 2008. № 8-1. 30 окт. С. 1274.

¹¹ Постановление Правительства Свердловской области от 31.07.2008 № 813-ПП «Об областной государственной целевой программе «Развитие туризма в Свердловской области» на 2009–2011 годы» // Собрание законодательства Свердловской области. 2008. № 7–9. 16 окт. С. 1216.

¹² Постановление Правительства Свердловской области от 25.09.2009 № 1104-ПП «Об утверждении положения о Министерстве культуры и туризма Свердловской области» // Собрание законодательства Свердловской области. 2009. № 9-1. 26 окт. С. 1210.

ния были внесены в состав действовавшего Совета по развитию туризма в Свердловской области¹³.

С 1 января 2011 г. начал свою работу Центр развития туризма Свердловской области¹⁴. 1 января 2011 г. была принята новая областная целевая программа «Развитие туризма в Свердловской области» на 2011–2016 гг.¹⁵ В программе были обозначены виды туризма, которые планировалось развивать в регионе. К ним отнесли деловой, событийный, культурно-познавательный; активный и самодетельный; лечебно-оздоровительный и рекреационный; экологический и приключенческий; сельский туризм, охоты и рыбалку. Деловой туризм рассматривался в качестве основы туристской отрасли в регионе. Программой предусматривалась реализация ряда проектов, в том числе формирование маршрута «Серебряное кольцо Урала» (из первоначального варианта были исключены города Каменск-Уральский, Нижние Серги, Полевской и Сысерть, добавлен Реж).

Всего на реализацию программы за весь период предусматривалось выделение 8 927 450,06 тыс. руб. В 2011 г. финансирование составило 144 570,28 тыс. руб., в том числе за счет средств областного бюджета 97 630,00 тыс. руб., федерального – 1000,00 тыс. руб., местных бюджетов – 18 144,28 тыс. руб. и внебюджетных источников – 27 796,00 тыс. руб.

В результате финансирование туризма в регионе к 2011 г. было увеличено в 8,5 раз (!) от первоначально планируемого объема; в 5,7 раза увеличилось финансирование из областного бюджета, добавились средства из федерального бюджета, местных бюджетов и внебюджетных источников, что, безусловно, повышало показатели развития туристской отрасли. Среди недостатков отрасли особенно выделялось отставание инфраструктуры. Туристские услуги на рынке въездного и внутреннего туризма оказывали всего 25 организаций, тогда как выездной туризм был представлен более чем 900 турфирмами.

С 2012 г. туризм начинает рассматриваться в качестве одной из отраслей экономики, в связи с чем уполномоченным органом исполнительной власти Свердловской области в сфере туризма становится Министерство экономики Свердловской области, а в структуре ведомства появляется отдел развития туризма и туристской инфраструктуры. Функции

¹³ Постановление Правительства Свердловской области от 21.09.2011 № 1252-ПП «О внесении изменений в состав Совета по развитию туризма в Свердловской области, утвержденный постановлением Правительства Свердловской области от 23.05.2007 № 452-ПП «О Совете по развитию туризма в Свердловской области» // Областная газета. 2011. № 360. 30 сент.

¹⁴ Постановление Правительства Свердловской области от 31.12.2010 № 1942-ПП «О создании государственного бюджетного учреждения культуры Свердловской области «Центр развития туризма Свердловской области» // Сборник законодательства Свердловской области. 2011. № 12-4 (2010). 21 февр. С. 2175.

¹⁵ Постановление Правительства Свердловской области от 11.10.2010 № 1475-ПП «Об утверждении областной целевой программы «Развитие туризма в Свердловской области» на 2011 – 2016 годы» // Областная газета. 2010. № 422-423/св. 26 нояб.

и полномочия учредителя Центра развития туризма Свердловской области также переходят к Министерству экономики Свердловской области¹⁶. Интересно, что при этом контроль и координация деятельности Центра возлагались на Министерство инвестиций и развития Свердловской области¹⁷. Совет по туризму, созданный в 2007 г., также перестал существовать¹⁸. По распоряжению Правительства Свердловской области создается новый Совет по развитию туризма¹⁹. Были утверждены новый состав и положение о Совете, задачей которого стала реализация областной целевой программы по развитию туризма в Свердловской области на 2011–2016 гг. (отмененной с 1 января 2014 г.)²⁰.

В состав Совета вошли представители исполнительных органов государственной власти Свердловской области и муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, деловых кругов, общественных организаций, ассоциаций и союзов, высших учебных заведений, осуществляющих подготовку специалистов в сфере туризма и смежных областях, руководителей объектов туристского показа.

В Базовом перечне государственных услуг (работ) в сфере туризма и туристской деятельности, утвержденном Правительством Свердловской области, предусмотрено ведение реестра туристских продуктов²¹. В 2013 г. началось формирование сети туристско-информационных центров на территории региона, развернулись работы по формированию реестра туристских маршрутов, паспортизации, сертификации маршрутов, предоставлению субсидий юридическим

¹⁶ Постановление Правительства Свердловской области от 26.07.2012 № 825-ПП «О Министерстве экономики Свердловской области» // Областная газета. 2012. № 302–303. 2 авг.

¹⁷ Постановление Правительства Свердловской области от 14.12.2012 № 1440-ПП «О переименовании государственного бюджетного учреждения культуры Свердловской области «Центр развития туризма Свердловской области» // Областная газета. 2012. № 578–581. 25 дек.

¹⁸ Постановление Правительства Свердловской области от 26.12.2012 № 1555-ПП «О признании утратившим силу постановления Правительства Свердловской области от 23.05.2007 № 452-ПП «О Совете по развитию туризма в Свердловской области» // Областная газета. 2012. 29 дек. № 597–601.

¹⁹ Распоряжение Правительства Свердловской области от 28.12.2012 № 2677-РП «О Совете по развитию туризма в Свердловской области»; Министерство экономики Свердловской области, официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.midural.ru/sites/default/files/files/documents/2677-rp.pdf> (дата обращения: 20.11.2018).

²⁰ Постановление правительства Свердловской области от 27.12.2013 № 1634-ПП «О признании утратившими силу постановлений Правительства Свердловской области об утверждении целевых программ» // Областная газета. 2014. 11 янв. № 3.

²¹ Постановление правительства Свердловской области от 14.12.2012 № 1437-ПП «Об утверждении базового (отраслевого) перечня государственных услуг (работ), оказываемых (выполняемых) государственными учреждениями Свердловской области в сфере туризма и туристской деятельности» // Областная газета. 2012. № 586–589. 27 дек.

лицам на обустройство маршрутов. Был разработан проект Стратегии внутреннего и въездного туризма в Свердловской области до 2020 г., заключено соглашение между Правительством Свердловской области и Федеральным агентством по туризму о взаимодействии в рамках федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)»²².

Однако, несмотря на все усилия власти, ключевые проблемы отрасли продолжали сдерживать ее развитие, среди них частая организационная перестройка, связанная с передачей полномочий от одного министерства другому, а также отсутствие комплексного подхода к развитию указанной сферы. В 2014 г. Министерство инвестиций и развития Свердловской области провело аккредитацию организаций, осуществляющих экспертизу и присвоение классности объектам туристской индустрии – гостиницам, горнолыжным трассам, пляжам²³. Финансирование мероприятий по развитию туризма и туристской деятельности велось в рамках региональной программы «Повышение инвестиционной привлекательности Свердловской области до 2024 года», утвержденной постановлением Правительства Свердловской области от 17.11.2014 № 1002-ПП.

К концу 2014 г. Министерство подготовило «Стратегию развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области на период до 2030 года»²⁴, в рамках которой были предложены комплексные программы: «Формирование туристско-рекреационной зоны «Духовный центр Урала» до 2020 года»²⁵ и «Развитие автотуристского кластера «Самоцветное кольцо Урала» до 2018 года»²⁶.

Одновременно с составлением плана мероприятий велась разработка методики оценки эффективности реализации программы, в соответствии с которой программа «Самоцветное кольцо Урала» была выполнена и даже перевыполнена досрочно в марте

2018 г.²⁷, хотя из запланированных мероприятий оказалось реализовано 54,8 % (из 38 основных мероприятий и 4 дополнительных было реализовано 23). Для семи мероприятий финансирование вообще не предусматривалось, а два мероприятия были выполнены частично. Методика расчета эффективности реализации комплексной программы, предложенная ее разработчиками, была составлена таким образом, чтобы неисполнение мероприятий не повлияло на показатели эффективности. Исходя из расчетов министерства, получалось, что эффективность реализации комплексной программы составила 188 %, поэтому и было предложено завершить ее досрочно²⁸.

Новый этап развития туристской отрасли региона связан с очередными программными политическими решениями. В мае 2018 г. в рамках реализации Указа Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»²⁹ были утверждены «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года»³⁰, где предусмотрено развитие внутреннего и въездного туризма, в том числе совершенствование туристской инфраструктуры, внедрение системы мониторинга и статистического учета, развитие системы подготовки и повышения квалификации специалистов туротрасли.

В сентябре 2018 г. приказом Министерства инвестиций и развития Свердловской области утверждена новая Концепция Стратегии развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области на период до 2035 г.³¹. Приоритетными направлениями стали

²⁷ Об итогах реализации комплексной программы Свердловской области «Развитие автотуристского кластера «Самоцветное кольцо Урала» до 2018 года» за весь период ее реализации; Министерство инвестиций и развития Свердловской области, официальный сайт. URL: <http://mir.midural.ru/sites/default/files/files/itogi.pdf> (дата обращения: 20.11.2018).

²⁸ Постановление Правительства Свердловской области от 22.03.2018 № 151-ПП «О признании утратившим силу постановления Правительства Свердловской области от 24.02.2015 № 111-ПП «Об утверждении комплексной программы Свердловской области «Развитие автотуристского кластера «Самоцветное кольцо Урала» до 2018 года»; Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. URL: <http://www.pravo.gov66.ru/16840/> (дата обращения: 20.11.2018).

²⁹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; Президент России, официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 20.12.2018).

³⁰ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года; Правительство России, официальный сайт. URL: <http://government.ru/news/34168/> (дата обращения: 20.12.2018).

³¹ Приказ Министерства инвестиций и развития Свердловской области от 17.09.2018 № 194 «Об утверждении Концепции Стратегии развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области на период до 2035 года»; Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. URL: <http://www.pravo.gov66.ru/18689/> (дата обращения: 20.11.2018).

²² Постановление Законодательного Собрания Свердловской области от 3.12.2013 № 1312-ПЗС «Об исполнении закона Свердловской области «О туризме и туристской деятельности в Свердловской области» // Областная газета. 2013. № 603–604. 10 дек.

²³ Постановление Правительства Свердловской области от 01.10.2014 № 850-ПП «О Министерстве инвестиций и развития Свердловской области» с изменениями по состоянию на 04.10.2018 // Областная газета. 2018. № 183. 6 окт.

²⁴ Постановление Правительства Свердловской области от 25.12.2014 № 1219-ПП «О Стратегии развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области до 2030 года» // Областная газета. 2014. № 243. 31 дек.

²⁵ Постановление Правительства Свердловской области от 30.05.2014 № 463-ПП «Об утверждении комплексной программы Свердловской области «Формирование туристско-рекреационной зоны «Духовный центр Урала» до 2020 года» // Областная газета. 2014. 6 июня. № 100.

²⁶ Постановление Правительства Свердловской области от 24.02.2015 № 111-ПП «Об утверждении комплексной программы Свердловской области «Развитие автотуристского кластера «Самоцветное кольцо Урала» до 2018 года» // Областная газета. 2015. 3 марта. № 36.

Т а б л и ц а 2

**Численность иностранных граждан, размещенных в КСР Свердловской области, чел.
Number of foreign citizens placed in the CAF of the Sverdlovsk region, people**

2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
92 007	83 756	79 997	111 135	113 629	117 715

Составлено по: ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/44042> (дата обращения: 04.12.2019).

Т а б л и ц а 3

**Численность граждан Российской Федерации, размещенных в КСР Свердловской области, чел.
Number of citizens of the Russian Federation placed in the CAF of the Sverdlovsk region, people**

2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
1 058 090	981 899	1 079 998	1 233 451	1 241 309	1 417 732

Составлено по: ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/44040> (дата обращения: 04.12.2019).

бизнес-туризм, конгрессно-выставочная деятельность, туризм развлечений, спорта и активного отдыха, индустриально-минералогический туризм. Стратегия включала создание в Свердловской области трех кластеров. В 2025–2028 гг. планируется формирование еще одного-двух кластеров с целью популяризации туристского потенциала южных и северных муниципальных образований Свердловской области.

Каковы же итоги реализации многочисленных программ и Стратегий, принятых в последнее десятилетие? Несмотря на отмеченные недостатки, в области были достигнуты определенные результаты, свидетельствующие о создании туристского кластера региональной экономики. В частности, за последние пять лет отмечается стабильный рост количества иностранных граждан, посетивших Свердловскую область и остановившихся в коллективных средствах размещения (КСР) (данные представлены в табл. 2).

Увеличение численности иностранных туристов было связано с проведением деловых и культурных федеральных мероприятий на территории региона, продвижением заявки на право проведения Всемирной выставки «ЭКСПО 2025» в Екатеринбурге. В 2018 г. наблюдался резкий рост числа иностранных гостей, который, безусловно, был связан с проведением матчей чемпионата мира по футболу FIFA–2018. Кроме того, в 2018 г. в Екатеринбурге и Свердловской области состоялся фестиваль православной культуры «Царские дни», приуроченный к 100-летию гибели царской семьи. Его посетили многочисленные иностранные делегации и паломники. Наблюдается также заметный рост количества российских граждан, разместившихся в КСР Свердловской области (табл. 3).

Достижения Свердловской области в сфере туризма получили признание и были отмечены многочисленными премиями и наградами, в том числе премией Международной организации журналистов

и писателей в сфере туризма «Золотое яблоко»³². Аэропорт «Кольцово» в 2018 г. вошел в десятку лучших аэропортов мира с пассажиропотоком от 5 до 10 млн пассажиров в год (рейтинг консалтинговой компании Skytrax)³³. Была разработана «Карта промышленного туризма Российской Федерации», на которой представлены предприятия региона, где проводятся экскурсии для туристов³⁴. В 2018 г. разработано около 10 межрегиональных маршрутов промышленного туризма³⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последние 20 лет произошли качественные изменения в статусе туристской отрасли в стране и регионе. Свердловская область заявила о себе как о туристском центре, однако в этой сфере предстоит решить еще много проблем. В частности, рост туристского потока пока не влияет на специфику въездного туризма в области: основной поток туристов региона составляют посетители деловых мероприятий федерального уровня. В 2019 г. в рамках выставки «ИННОПРОМ» город принял Глобальный саммит производства и индустриализации (GMIS-2019), Екатеринбург стал столицей Всемирного дня городов –

³² Fédération Internationale des Journalistes et Ecrivains du Tourisme, официальный сайт. URL: http://www.fijet.net/fijet_golden_appel_dyn.php?langue=en (дата обращения: 07.05.2019).

³³ World Airport Awards 2018: Yekaterinburg is one of the Best; The Yekaterinburg times. URL: <https://yekaterinburgtimes.com/world-airport-awards-2018-yekaterinburg-is-one-of-the-best/> (дата обращения: 23.11.2018).

³⁴ На Урале взяли курс на развитие промышленного туризма; Федеральное агентство по туризму Министерства экономического развития Российской Федерации, официальный сайт: URL: https://www.russiatourism.ru/news/15505/?phrase_id=452726 (дата обращения: 20.12.2018).

³⁵ Состоялась конференция Совета по развитию промышленного туризма в РФ; Уральская ассоциация туризма, официальный сайт. URL: <http://uat1996.ru/> (дата обращения: 20.12.2018).

2019. В 2020 г. в Екатеринбурге пройдет Девятая российско-киргизская межрегиональная конференция, в 2023 г. – XXXII Всемирная летняя Универсиада. Вероятно, в ближайшие годы турпоток сохранится на уровне 2017–2018 гг. Мероприятия, предусмотренные Стратегией развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области на период до 2035 г., привлекут скорее, российских туристов.

В целом можно считать, что в настоящее время сформирована необходимая нормативная правовая база в сфере развития туризма в Свердловской области. Вместе с тем требуется корректировка ряда документов стратегического планирования с участием представителей научного сообщества и общественности. И самое главное, необходимо сохранить финансирование отрасли на уровне 2018 г., в том числе за счет привлечения частных инвестиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мовлаев А.Б. Формирование региональной государственной политики в сфере туризма // Вестник экспертного совета. 2017. № 3 (10). С. 97–103.
2. Тарасова О.Ю., Сытова А.Ю. Государственная политика развития туризма: региональный аспект // Вестник Том. гос. ун-та. 2014. Т.19, вып.1. С. 260–261.
3. Гасанов А.Н. Государственное регулирование развития туризма в Азербайджане // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. С. 14–18.
4. Кабиров И.С. К вопросу о государственном регулировании сферы туризма // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 2. С. 61–65.
5. Путрик Ю.С. Формирование и развитие государственной политики в области туризма в Российской Федерации в 1991–2009 годах: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 47 с.
6. Свод памятников истории и культуры Свердловской области: в 2 т. Екатеринбург: Издательский дом «Сократ», 2007–2008. Т. 1. 536 с.; Т. 2. 648 с.

REFERENCES

1. Movlaev A.B. Developint of regional state policy in the field of tourism. *Vestnik ekspertnogo soveta*. 2017, no. 3 (10), pp. 97–103. (In Russ.)
2. Tarasova O.Yu., Sytova A.Yu. The State policy of tourism development: regional aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, vol. 19, iss. 1, pp. 260–261. (In Russ.)
3. Hasanov A.N. State regulation of tourism development in Azerbaijan. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 2012, no. 2, pp. 14–18. (In Russ.)
4. Kabirov I.S. On the issue of tourism state regulation. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 2011, no. 2, pp. 61–65. (In Russ.)
5. Putrik Y. The state policy formation and development in the tourism field of the Russian Federation in 1991 – 2009: diss. abstr. Moscow, 2010. 47 p. (In Russ.)
6. Zvangel'skaya V.E. (ed.). Set of monuments of history and culture in Sverdlovsk region. In 2 vols. Ekaterinburg, Sokrat, 2007–2008, vol. 1. 536 p.; vol. 2, 648 p. (In Russ.)

Статья поступила
в редакцию 20.12.2019
Статья принята
к публикации 23.01.2020

DOI: 10.15372/HSS20200115
УДК 069(091)

О.Н. ШЕЛЕГИНА

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО И РОССИЙСКОГО УРОВНЯ В МУЗЕЙНОМ МИРЕ СИБИРИ

Институт истории СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Актуальность статьи связана с необходимостью определить перспективность современных социокультурных практик международного и российского уровней в региональном музейном мире. Впервые дается совокупный анализ проблематики и характера участия представителей музейного мира Сибири в наиболее значимых музеелогических форумах международного и российского уровней в период 2014–2019 гг. Установлена ведущая роль в продвижении результатов работы сибирских музееведов на мировой уровень Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона. Появление в музейном мире Сибири ряда новаций российского уровня (конференция «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения», проект «Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство») обусловлено высоким уровнем интеграции учреждений науки, культуры, образования Сибирского региона и ведущих российских институций в сфере музеологии. Перспективы развития музейного мира Сибири соответствуют мировому социокультурному тренду освоения наследия.

Ключевые слова: музейный мир Сибири, социокультурные практики, международные музееологические форумы, Комитет музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона, новации, мировое музейное сообщество, интеграция, освоение наследия.

O.N. SHELEGINA

SOCIOCULTURAL PRACTICES OF INTERNATIONAL AND RUSSIAN LEVEL IN THE MUSEUM WORLD OF SIBERIA

Institute of History of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The research is relevant because it helps to determine the regional museum world in the situation of bifurcation in the museum world in order to highlight promising trends in its development. For the first time, it gives a comprehensive analysis of the problems and the nature of participation of representatives of the Siberian museum world in the most significant museological forums at the international and all-Russian level held in 2014–2019. These forums include: XXXVII International Symposium of the Committee of Museology of ICOM “New Trends in Museology” (2014, France), Annual Symposium of the Museum of Museology of Asia and the Pacific “Museum and Culture” (2015, Taiwan), international scientific conferences “World trends and museum Practices in Russia” (2018, Moscow), “Museum, Museology and Cultural Heritage” (2019, the Republic of Kazakhstan), as well as all-Russian Scientific and Practical Conferences “Modern trends in Museums and Museology Development” (2014, 2017, Novosibirsk), “Integration of Siberian Museums in the regional Socio-Cultural Space and World Museum Community: Science. Heritage. Society” (2019, Ulan-Ude, Russia). It has been established that the decisive role in worldwide promotion of the activity results of Siberian scientists, museum employees, and teachers belongs to the Museum of Museology of Asia and the Pacific (ASPAC). A number of the Siberian museum world’s innovations (conference “Modern Trends in the Development of Museums and Museology”, project “Integration of Russian Museums in the Regional Socio-Cultural Space”) appeared at the all-Russian level due to the high level of integration of institutions of science, culture, education of the Siberian region and leading Russian institutions in the field of museology. Based on the study of the historiographic resource, empirical base, and sociocultural practices, it can be argued that the museum world’s development in Siberia and its prospects are consistent with the global sociocultural trend of developing all kinds of heritage.

Keywords: museum world of Siberia, sociocultural practices, international museological forums, the Committee of museology of Asia and the Pacific, innovations, the All-Russian scientific and practical conference “Modern trends in the development of museums and museology”, the project “Integration of Russian museums in the regional socio-cultural space”, the world museum community, integration, development of heritage.

Шелегина Ольга Николаевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: oshelegina@yandex.ru. <https://orcid.org/0000-0003-3715-4380>.

Olga N. Shelegina – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Музейный мир в современных социогуманитарных исследованиях рассматривается как постоянно эволюционирующая структура, ментальное образование, играющее решающую роль в процессах познания, он подвергается активной музеологической и культурологической рефлексии на международном, национальном и региональном уровнях [1, с.15–22; 2; 3]. В настоящее время в музейном мире наблюдаются явления социальной турбулентности, связанные с вовлечением музеев в сферу коммерческой деятельности, политики, тренда глокализации. В глобальном контексте ведется работа по созданию актуального определения – ядра музейного мира – музея, активно обсуждается термин «наследие» [4].

В рамках XXV Генеральной конференции ИКОМ «Музеи как центры культуры: будущее традиции» (Киото, Япония, 1–7 сентября 2019 г.) было предложено следующее определение: «Музеи — это демократизированные, инклюзивные и полифонические пространства для критического диалога о прошлом и будущем. Признавая и решая конфликты и проблемы настоящего, они хранят артефакты и образцы в доверии к обществу, охраняют разнообразные воспоминания для будущих поколений и гарантируют равные права и равный доступ к наследию для всех людей. Музеи не для получения прибыли. Они основаны на широком участии и гласности и работают в активном партнерстве с различными общинами в целях сбора, сохранения, исследования, интерпретации, демонстрации и укрепления представлений о мире, стремясь содействовать уважению человеческого достоинства и социальной справедливости, глобальному равенству и планетарному благополучию». После обстоятельной дискуссии форум принял решение об отсрочке голосования по предлагаемой трактовке. Комитет музеологии ИКОМ, считающий концепт музея базовым для выражения ценностей и миссии музейного мира, на основе диалогической методологии вырабатывает конструктивные предложения для создания адекватного определения понятия «музей».

Расширение институционализации музея от понятия учреждения до понятия пространства, наделение его рядом глобальных функций, с нашей точки зрения, повлечет за собой и пересмотр концепции музейного мира в целом. В ситуации бифуркации можно рассматривать музейный мир с учетом концепции наследиеведения и мнемософии Т.С. Шола [5; 6] в системе «культура – музей – наследие – идентичность». В указанных научных и социокультурных обстоятельствах считаем целесообразным выявить позиции музейного мира Сибири в мировом и российском музейном сообществе с целью определения его адаптационного ресурса и потенциала, перспектив развития на основе анализа научной литературы, отражающей результаты значимых музеологических мероприятий 2014–2019 гг.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СИМПОЗИУМЫ
И НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ
МУЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

На 37-м Международном симпозиуме Комитета музеологии ИКОМ (5–9 июня 2014 г., Париж, Франция) было проанализировано развитие музейного мира за последние десятилетия и выявлены новые тенденции в музеологии. К дискуссионным темам отнесены: геополитика и музеология, социальное и политическое значение музеологии, новое отношение к наследию (вопросы коллекций), изучение музейной аудитории: образование и коммуникации, наука, искусство, этнография через призму современности; контуры кибермузеологии, музеология участия: новые подходы, музейная этика в XXI в., история и будущее музеологии – конструкции и поле исследований [7, с. 11–15]. В программу симпозиума были включены такие доклады, как А. Лешенко, А. Сундиева «Museology in Russia: New Trends» («Музеология в России: новые тренды») – о проблемах музеологического образования и связи музейной науки и практики [7, с.90–91], О. Труевцева «Innovative technology of presentation of nonmaterial heritage in the museums of Siberia» («Новационные технологии презентации нематериального наследия в музеях Сибири»), которая рассматривает в основном центры устной истории, способствующие реконструкции исторических событий и участию местных сообществ в социальном и культурном развитии, формированию позитивного имиджа региона [7, с.123–124]. Признанием интереса мирового музейного сообщества к теоретическим и научно-практическим разработкам российских и сибирских музеологов, их соответствия новым тенденциям в музеологии является развернутая публикация доклада И.В. Чувиловой и О.Н. Шелегиной «The museum's mission in the modern society. Problems of museum communication» (Миссия музеев в современном обществе. Проблемы музейной коммуникации) в периодическом рецензируемом издании Комитета музеологии ИКОМ «ICOFOM Study Series». В статье нашли отражение концепция и результаты междисциплинарного всероссийского проекта «Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство», который посвящен изучению музейной аудитории и реализуется по инициативе исследовательской группы «Российская музейная энциклопедия» АНО «Новый институт культурологии» и Научного совета по музеям СО РАН. В качестве проектов нового коммуникационного уровня популяризации научного и историко-культурного наследия предлагалось создание высокотехнологичного интегрированного «Музея Сибири» и «Гуманитарного технопарка» на базе Института истории СО РАН как ресурсного центра освоения наследия [8].

С 2003 г. активную деятельность по продвижению музейных организаций, ученых-музеологов, сотрудников музеев, преподавателей на международный уровень проводит Комитет музеологии Сибири,

стран Азии и Тихоокеанского региона, с 2011 г. – Комитет музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона (АСПАК) Международного совета музеев при ЮНЕСКО [9, с. 211–214]. Совокупным научным результатом первого трансграничного проекта АСПАК «Актуализация культурного наследия в странах Азии» (апрель 2014 г.) стала коллективная монография «Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice» («Культурное наследие в странах Азии: от теории к практике»). В ней ученые из 11 стран мира, в том числе сибирские историки, социологи, музеологи (В. А. Ламина, А. И. Мартынов, О. Н. Труевцева, Н. А. Белоусова, Ю. А. Крейдун, Е. А. Ковешникова, Г. А. Кубрина, С. Б. Орлов, Д. Г. Симонов, О. Н. Шелегина), представили свои исследования по проблемам теории и практики изучения и трансляции природного, научного, историко-культурного наследия в пространстве музейного мира Сибири, включения его в сферу туризма [10].

В 2015 г. на симпозиуме Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона на Тайване была поставлена многогранная тема «Музей и культура» [11]. На международном форуме были представлены доклады, отражающие актуальные направления развития музейного мира Сибири, связанные с освоением наследия. Это работы В. Ламина, О. Шелегиной «Actual Forms of the Scientific Heritage Presentation by the Institute of History SB RAS» («Актуальные формы представления научного наследия Институтом истории СО РАН») [11, с. 70–73]; Н. Грибановой «Costumes of Ukrainian Settlers in the Museums of Altai Krai» («Костюмы украинских переселенцев в музеях Алтайского края») [11, с. 31–32]; К. Михалевой «Modern Approaches to Updating of Architectural Monuments as Part of Cultural Heritage (on materials of the Republic of Buryatia)» («Современные подходы к интерпретации архитектурных памятников как части культурного наследия (на материалах Республики Бурятия)») [11, с. 44–45] и др. В дискуссиях участвовали ректоры и преподаватели вузов, руководители музеев и детских школ искусств Сибири. В рамках симпозиума в г. Тайджун был организован фестиваль искусств. Историко-краеведческий музей Алтайского государственного педагогического университета и Детская школа искусств «Традиция» презентовали выставку «Традиционный костюм русского населения Алтая». Члены российской делегации познакомились с самыми современными технологиями презентации коллекций в других евразийских странах [9, с. 213].

Следует подчеркнуть, что динамичное развитие современного общества в условиях глобализации требует постоянного внимания к проблемам изучения, музеефикации и интерпретации наследия Сибирского региона в международном и российском контекстах. С этой целью благодаря сотрудничеству музеологических организаций, академических институтов, учебных заведений ряда стран был издан знаковый сборник «Наука, образование, музеи: формы освоения наследия» [12]. В нем впервые для расширения сферы

влияния музейного мира Сибири, развития межкультурных коммуникаций осуществлена интеграция работ, апробированных в качестве докладов на международном симпозиуме АСПАК «Музей и культура» (Тайвань, 2015 г.) и II Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» (Новосибирск, 2014 г.). Издание (с предисловием на четырех языках: русском, английском, китайском и монгольском) при участии 40 известных и молодых музеологов из Германии, Канады, Китая, Монголии, России, Франции получило высокую оценку научной общности [13].

Важное значение для актуализации позиций музейного мира Сибири в сфере работы с наследием имеет введение в научный оборот обобщающих статей О. Н. Труевцевой в сборнике изданных докладов симпозиумов АСПАК за 2016–2018 гг. «Museology and Culture — Museum and Heritage, City, Sacred and Museum» («Музеология и культура – Музеи и наследие, города, сакральное и музей») [14, с. 76–87, 96–97, 179–187, 283–289, 376–385].

В 2019 г. Институт истории СО РАН по предложению руководства Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона выступил одним из организаторов ежегодного симпозиума АСПАК и Международной научной конференции «Музей, музеология и культурное наследие» (17–18 апреля Республика Казахстан, г. Нур-Султан).

Пленарные доклады, подготовленные ведущими зарубежными и казахстанскими музеологами, культурологами, опубликованы в специальном сборнике (на казахском, английском и русском языках) [15]. Г. М. Запороженко в докладе «Достопримечательное место как пространственная форма культурного наследия» в соотвествии с положениями «мнемософии» — науки о публичной памяти и ее формах на примере достопримечательного места «Новосибирский Академгородок» охарактеризовала разработанный в секторе «Музей СО РАН» Института истории СО РАН метод выделения социокультурных комплексов, включая музейный. Он подчеркнула, что это метод позволяет выявить и систематизировать уникальные компоненты пространственного наследия, актуален для процессов брендинга территорий, социокультурных практик регионально-локального уровня [15, с. 80–93]. Н. А. Белоусова осветила роль музейного партнерского проекта «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета в изучении природных и исторических памятников Кузбасса и актуализации их для всех категорий населения региона [15, с. 250–257].

Всего в сборник «Музей, музеология и культурное наследие» вошло 54 статьи специалистов из девяти стран Европы и Азии в области культурологии, музеологии и наследиеведения. Значительное число статей (21) относится непосредственно к Сибирскому региону. В том числе материальному пространству музейного мира уделено внимание в восьми работах, остальные в большей мере отражают коммуникаци-

онное пространство, связанное с изучением и презентацией наследия, преимущественно Алтайского края, и включением его в сферу туризма.

Обратимся к некоторым из них, представляющим интерес в международном и региональном социокультурном контекстах. Профессор М.А. Демин (г. Барнаул), определяя этапы формирования государственной политики и общественных инициатив по сохранению наследия на Алтае в XIX — начале XXI в., подчеркнул, что в настоящее время проблема сохранения и использования археологических объектов по-прежнему остро стоит на повестке дня. Серьезные усилия научных кругов и общественности, направленные на выявление, систематизацию и публикацию данных о состоянии объектов археологии, не были в должной мере подкреплены административными мерами по обеспечению законодательства по охране памятников на местах [15, с. 64–72]. На примере формирования выставочной политики Музея Бурятского научного центра А.Е. Мурзинцевой выявлены и охарактеризованы актуальные направления академического музея по презентации регионального научного и историко-культурного наследия на международном уровне. К ним, в частности, отнесены коммеморативные выставки как проявление культурной практики самоидентификации в научном сообществе и художественные выставки, реализующие для научной аудитории гедонистическую функцию. Выставки в целом являются своеобразным драйвером саморазвития музея, пополнения его фондов [15, с. 412–427]. В статье Е.В. Макаровой руководителя Музея «Заельцовка», филиала МКУК «Музей Новосибирска», анализировались место и роль районного муниципального музея современного мегаполиса, пути, формы, коммуникационные технологии, эффективные для превращения в музей локальной истории нового типа [15, с. 482–492].

Представленный коллективный труд является существенным вкладом в историографический ресурс, связанный с освоением наследия в мировом, национальном и регионально-локальном социокультурном пространстве, свидетельствует о высокой степени интеграции музейного мира Сибири в мировое музейное сообщество.

Следует отметить, что, в рамках симпозиумов Комитета музеологии Международного совета музеев, Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона АСПАК) проводится комплекс научно-организационных и научно-практических мероприятий: конференции, музеологические школы, посещение музеев и объектов наследия, фестивали, где представители Сибирского региона имеют возможность эффективно включиться в современное музеологическое дискуссионно-коммуникационное пространство. Их участие содействует представлению на мировом уровне имеющихся разработок сибирских музеологов, вовлечению в сферу мирового опыта достижений музеев, обучению музейных практиков. Обсуждение в ходе этих мероприятий ключевых вопросов теории и методологии

музейного дела позволяет видеть приоритеты в определении целей и задач фундаментальных исследований и прикладных разработок в области музеологии.

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МУЗЕЕВ И МУЗЕЕВЕДЕНИЯ»

Создание коммуникационных пространств для обсуждения мировых музеологических трендов, анализа современных тенденций развития российского музееведения, деятельности музеев на региональном и локальном уровнях является одним из постоянно развивающихся направлений музейного мира. В Сибирском регионе накоплен значительный опыт проведения комплексных историко-культурологических конференций, включающих краеведческие, музееведческие, наследиеведческие аспекты. Необходимость актуализации проблем развития музейного мира, эффективного их обсуждения на общероссийском и региональном уровнях способствовала организации профильной музеологической конференции. В 2011 г. Институтом истории СО РАН, Научным советом по музеям СО РАН была инициирована и при поддержке Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона, Музейного совета РАН, Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев РФ, Российского института культурологии успешно проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» (3–5 октября 2011 г.) [16]. К настоящему времени состоялось еще две такие конференции (в 2014 и 2017 гг.). Характеристика каждой из них по ряду параметров (учреждения-организаторы, состав участников, проблемно-тематический контент, алгоритм проведения, принятия и реализации решений) позволяет оценить роль и значение столь масштабных мероприятий в музейном мире России.

В целом анализ коммуникационного пространства конференций [17, 18], опубликованных материалов [19, 20, 21] позволил выявить традиции и новации в изучении деятельности российских музеев, отнести эти масштабные социокультурные мероприятия к тем новациям, которые определяют конфигурацию музейного мира России [22, с. 6].

Весьма символично, что в рамках II Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» состоялся круглый стол, посвященный 300-летию музейного дела в России. Модераторами этого мероприятия стали известные российские музеологи А.А. Сундиева и И.В. Чувилова. Дискуссия музейных специалистов была сосредоточена преимущественно на вопросах, связанных с реализацией общественно-предназначения музеев, трансформацией взаимоотношений музея и музейной аудитории, подготовкой профессиональных кадров. При подведении итогов работы юбилейного круглого стола внимание было акцентировано на проблеме взаимодействия теории

и практики в российском музееведении [23]. II Всероссийская научно-практическая конференция «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения», ориентированная на решение вышеуказанной задачи посредством изучения результатов и перспектив интеграции науки, культуры и образования в музейной деятельности, укрепила свои новаторские позиции музейного мира Сибири в российском музейном сообществе. Следует также отметить, что в «Вестнике Алтайского государственного педагогического университета» был выделен тематический блок «К 300-летию музейного дела в России», включавший развернутый обзор названного круглого стола (И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина) и статьи ведущих отечественных музеологов О.Н. Труевцевой, А.А. Сундиевой, И.В. Чувиловой, О.Е. Черкаевой, томских исследователей музейной истории С.Г. Григорьевой, Л.А. Лозовой [24].

Одним из факторов приобщения участников этих конференций к обсуждению актуальных проблем развития мирового музейного сообщества является издание соответствующих сборников научных статей из серии «Новации в музейном мире» – совместной работы исследовательской группы «Российская музейная энциклопедия» АНО «Новый институт культурологии» и Института истории СО РАН [22, 25, 26].

Благодаря регулярному проведению Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» удалось консолидировать музейное сообщество России на основе интеграции учреждений науки, образования, культуры, расширить сферу влияния музеев на российское и региональное социокультурное пространство, а также привлечь внимание органов местного и регионального управления к затронутым проблемам. Конференция стала своеобразным брендом музейного мира Сибири в первые десятилетия XXI в. Можно выделить ее основные новационные позиции в музейном мире России по ряду показателей, а именно:

- уровень и масштабы консолидации ведущих в России и Сибири учреждений и организаций в сфере науки, культуры, образования, связанных с развитием отечественного музейного дела;

- постановка и многоплановое обсуждение актуальных социокультурных проблем, трансляция мирового опыта, междисциплинарный анализ современных тенденций в развитии музеев и музееведения;

- научная квалификация, число и география (от 21 до 35 городов РФ и стран СНГ) участников конференции;

- инициирование, поддержка и реализация перспективных интеграционных проектов российского уровня: «Интеграция музеев в российское и региональное социокультурное пространство»; издание энциклопедии «Литературные музеи России»; создание электронной библиотеки «Научное наследие России», издательский проект «Роль музеев-архивов-библиотек в информационном обеспечении исторической науки»;

- информационно-издательская поддержка: выпуск серийного издания «Новации в музейном мире»,

сборника докладов конференции, публикация материалов во всероссийских научных журналах «Гуманитарные науки в Сибири», «Вестник Алтайского государственного педагогического университета», «Вестник Бурятского научного центра СО РАН», российском профессиональном журнале «Музей»;

- создание коммуникационной среды: включенность мероприятия в социокультурное пространство научного топоса достопримечательного места «Новосибирский Академгородок» и пространство мегаполиса Новосибирск;

- использование современных музейных технологий: информационных (электронные архивы, портал «Музеи СО РАН»), интерактивных (мастер-классы по адаптации посетителей с особенностями здоровья), партисипативных (креативные площадки);

- соотнесение с знаменательными событиями национального и регионально-локального уровней. В 2011 г. конференция посвящалась 20-летию успешной деятельности Музея Сибирского отделения Российской академии наук; 2014 г. – Году культуры в Российской Федерации; в 2017 г. – 80-летию Новосибирской области и 60 -летию создания Сибирского отделения РАН;

- внедрение принципов организации и распространения контентных результатов в области истории, теории и практики музейного дела на конференции регионального уровня «Малые музеи в современном социокультурном пространстве: роль и потенциал в гражданско-патриотическом воспитании» (Новосибирск, 2018, 2019).

В 2020 г. планируется проведение IV Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения», в рамках которой получат обсуждение актуальные проблемы развития музейного мира и укрепления его позиций в российском и мировом музейном сообществах.

ОСВОЕНИЕ НАСЛЕДИЯ – ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНОГО МИРА СИБИРИ

В русле общественно значимого перехода от использования наследия к его освоению как «универсальному способу сохранения наследия» [27, с. 9], развитию концепции «тотального наследия», отнесению музеев к базовым институтам наследия [6, с. 14, 57] считаем целесообразным рассматривать наследие как основу интеграции музейного мира Сибири.

Наиболее востребованными и эффективными в условиях Сибирского региона (в силу его территориальной, природной и этнической специфики) формами музеефикации наследия стали средовые музеи под открытым небом, музеи-заповедники, приобретающие комплексный характер. На территории Сибири действует и создается более 20 музеев-заповедников, имеющих мировую и российскую известность, а также играющих существенную роль в жизни региона, локальных сообществ. Среди них следует отметить *археологические* («Томская писаница», «Долина царей»,

«Казановка»), *архитектурные* (Тобольский государственный историко-архитектурный, Ленский государственный историко-архитектурный «Дружба», «Красная Горка», «Мариинск исторический», «Кузнецкая крепость»), *этнографические* («Шушенское», «Старина Сибирская»), *этноэкологические* («Тюльбергский городок», «Трехречь»), Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина.

Освоение всех видов материального/нематериального наследия создает основу для усиления влияния музеев-заповедников на развитие социокультурного пространства региона. Оно связано с такими факторами, как 1) синергетический эффект освоения всех видов наследия; 2) позиционирование музеев-заповедников как престижных брендовых объектов территорий, включенных в индустрию туризма; 3) активная интеграция науки, культуры и образования, направленная на социокультурную адаптацию населения к условиям глобализации; 4) выделение и музеефикация особо охраняемых территорий историко-культурного значения в республиках Южной Сибири (Алтай, Хакасия, Тыва), возможность их включения в транснациональные туристические системы.

Перспективным в освоении индустриального наследия России, развитии регионального туризма можно считать новационный тренд, появившийся в 2010-е гг. Это музеефикация объектов наследия Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа – крупного административно-хозяйственного комплекса на юго-востоке Западной Сибири (1747–1896 гг.). В процессе создания находится новая экспозиция Алтайского государственного краеведческого музея, с современных позиций отражающая его историю. Образован отдел Новосибирского государственного краеведческого музея – Музейно-туристический комплекс «Сузун-завод. Монетный двор» (Музей-усадьба управляющего, экспозиция «Медеплавильный завод», музей «Монетный двор»). В г. Барнауле успешно работает учреждение музейного типа – Краевой туристический центр «Горная аптека» (памятник истории и архитектуры XVIII в., Музей истории аптечного дела на Алтае, выставочный зал). В экспозиции открывшегося в 2018 г. Интерактивного музея книги (Новосибирская государственная областная научная библиотека) выделен раздел «Первая научно-техническая библиотека в Сибири», отражающий книжное наследие Алтайского горного округа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современный период развития музейного мира Сибири наследие как синергетический ресурс существенно влияет на процесс интеграции региона в мировое и российское социокультурное пространство. Приоритетные формы музеефикации наследия, актуальные и перспективные проекты позволяют говорить о соответствии региональной музейной практики магистральной тенденции современного социокультурного развития – переходу от использования наследия

к его освоению. Исходя из того, что понятие «освоение наследия» начинает постепенно входить в научный оборот, но его концепт до настоящего времени не разработан, предлагаем в качестве дискуссионного следующий вариант определения. Освоение наследия – это совокупность процессов выявления, изучения, сохранения, реставрации и реконструкции, музеефикации и дегитализации объектов материального и нематериального наследия, формирование информационно-коммуникационного пространства для внедрения результатов этих процессов в социокультурную практику на региональном, национальном и международном уровнях.

На основе анализа отечественного и зарубежного историографического ресурса, репрезентативной эмпирической базы можно заключить, что к настоящему времени музейный мир Сибири в совокупности его пространств – материального, интеллектуального и коммуникационного – занимает достаточно динамичные новационные позиции в мировом и российском музейном сообществе, реализует актуальные и перспективные социокультурные практики. Они детерминируются включением музейного мира в стабильную поступательную деятельность Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона, что проявляется в активном участии в ежегодных музеологических симпозиумах (выступления с докладами, публикация статей в трудах Комитета музеологии ИКОМ и коллективных монографиях) представителей музейного мира Сибири – ученых, музееведов, сотрудников музеев разных уровней. Проведение Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения», признанной новацией в музейном мире России, способствует интеграции институций науки, культуры и образования в решении теоретических проблем и обобщении актуальных музейных практик, распространении новых разработок в российском музейном пространстве.

Проведение ряда крупных международных («Актуализация культурного наследия в странах Азии») и национальных («Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство») форумов позволяет создать предпосылки для продвижения музейного мира Сибири в русле майнстрима, связанного с общественно значимым переходом от использования наследия к его освоению.

В условиях бифуркации и социальной турбулентности музейного мира важное значение имеет формирование на основе системного анализа региональных вариантов социокультурных практик с использованием адаптационного и синергетического подходов [28], новых моделей его развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мересс Ф., Девалье А. Вступление // Ключевые понятия музеологии. М.: ИКОМ России, 2012. 101 с.
2. Сундиева А.А. Музейный мир России. К обоснованию понятия // Вопросы музеологии. 2013. № 1 (7). С. 3–11.

3. *Sapanzha O.S.* Постигание «музейного мира» — новая парадигма музеологии? О монографии О. Н. Шелегиной «Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития» // Научное мнение. Искусствоведение. Филос. и филол. науки. 2015. № 2. С. 25–28.
4. *Meress F.* Международное обсуждение понятия «музей»: итоги дискуссии // Мировые тренды и музейная практика в России: сб. ст. Междунар. науч. конф. Москва, 30–31 октября 2018 г. М., 2019. С. 31–41.
5. *Шола Т.С.* Вечность здесь больше не живет: толковый словарь музейных грехов. Тула: Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2013. С. 319.
6. *Шола Т.С.* Мнемософия: эссе о науке публичной памяти / ИКОМ России; ГМЗ «Ростовский Кремль». Ростов Великий. 2017. 320 с.
7. New trends in museology. 37 Symposium international of ICOFOM: Programme. Paris: Sorbon, 2014. 124 p.
8. *Chuvilova I., Shelegina O.* The Museum's Mission in the Modern Society and Problems of Museum Communication (With a Focus on Russia) // New trends in museology. ICOFOM Study Series, Paris, 2015, vol. 43b, P. 303–313.
9. *Труевцева О.Н.* Роль Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона в укреплении международного культурного сотрудничества // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019. № 2 (24). С. 208–214. DOI 10.31554/2222-9175-2019-34-209-214.
10. Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice: The collective monograph / Ed-in-Chief editor O.N. Truevtseva, H K Vierreg. Pavlodar: Edition of Pavlodar State Pedagogical Institute, 2015. 227 p.
11. 2015 ICOM-ICOFOM-ASPAC Annual Meeting, Conference and Workshop «Museum and Culture». Programme. Taipei, 2015. 92 p.
12. Наука, образование, музеи: формы освоения наследия: сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Труевцева, О.Н. Шелегина. Барнаул; Новосибирск: ТРИАДА; Ин-т истории СО РАН, 2016. 204 с.
13. *Куперштох Н. А.* Международный опыт в изучении форм освоения наследия Евразии / Н. А. Куперштох. Рец. на кн.: Наука, образование, музеи: формы освоения наследия: сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Труевцева, О.Н. Шелегина. Барнаул; Новосибирск: ТРИАДА; Ин-т истории СО РАН, 2016. 204 с. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 1. С. 113–114.
14. Museology and Culture — Museum and Heritage, City, Sacred and Museum. Selected Essays from ICOM ICOFOM-ASPAC Conferences 2016–2018. ICOFOM-ASPAC Museum of world religions. Taiwan: New Taipei, 2018. 390 p.
15. Музей, музеология және мәдени мұра: ғылыми-тәжірибелік конференцияның баяндамалар жинағы, 17–18 сәуір, 2019, Нұр-Сұлтан / ғылыми. бас. ред. Б.Б. Мажағұлов, О.Н. Труевцева, М.К. Хабдулина. Нұр-сұлтан, 2019. 590 с.
16. *Томилов Н.А., Герасимов Ю.В., Жигунова М.А.* Современные тенденции в развитии музеев и музееведения // Вестник Ом. ун-та 2012. № 1. С. 419–422.
17. *Ахунова Э.Р., Томилов Н.А.* Вторая музеологическая конференция в Новосибирске // Культурологические исследования в Сибири. 2015. № 1. С. 103–106.
18. *Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М.* Важное событие в музейном мире России // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 4. С. 124.
19. Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 3–5 октября 2011 г.) / отв. ред. В. А. Ламин, Н. М. Щербин. Новосибирск, 2011. 398 с.
20. Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 29 сентября — 3 октября 2014 г.) / отв. ред. В. А. Ламин, О. Н. Шелегина. Новосибирск: Автограф, 2014. 224 с.
21. Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 9–12

октября) / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина, Г.М. Запорожченко. Новосибирск, 2017. 384 с.

22. Новации в развитии музейного мира России в первое десятилетие XXI века / отв. ред. И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. Новосибирск, 2011. 248 с.

23. Партнерство как фактор развития. Круглый стол, посвященный 300-летию музейного дела в России // Музей. 2014. № 12. С. 65–67.

24. К 300-летию музейного дела в России // Вестник Алт. гос. пед. ун-та. Музееведение и сохранение историко-культурного наследия. 2015. № 24. С. 13–44.

25. Новации в музейном мире. Музей как коммуникационный протокол: сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. Новосибирск, 2013. 262 с.;

26. Новации в музейном мире. На пути к музею локальной истории нового типа: сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2017. 190 с.

27. *Каулен М.Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 432 с.

28. *Шелегина О.Н.* Музейный мир Сибири в первые десятилетия XXI века. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 230 с. DOI: 10.25205/978-5-4437-0981-9.

REFERENCES

1. *Meress F., Deval'e A.* Introduction. *Klyuchevye ponyatiya muzeologii*. Moscow: IKOM Rossii, 2012. 101 p. (In Russ.)
2. *Sundieva A.A.* Museum world of Russia. To substantiate the concept. *Voprosy muzeologii*, 2013, no. 1 (7), pp. 3–11. (In Russ.)
3. *Sapanzha O.S.* Understanding the “museumworld” is a new paradigm of museology? O.N. Shelegina’s monograph “Museum world of Siberia: History and Modern Tendencies of Development”. *Nauchnoe mnenie. Iskuststvovedenie. Filosofskie i filologicheskie nauki*, 2015, no. 2, pp. 25–28. (In Russ.)
4. *Meress F.* International discussion of the “museum” concept: the discussion results. *Mirovye trendy i muzeinaya praktika v Rossii: sb. st. mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 30–31 okty. 2018 g.* Moscow, 2019, pp. 31–41. (In Russ.)
5. *Shola T.S.* Eternity no longer lives here: an explanatory dictionary of museum sins. Tula: L.N. Tolstoy Museum-Estate “Yasnaya Polyana”, 2013, 319 p. (In Russ.)
6. *Shola T.S.* Mnemosophy: essays on the public memory science. Rostov Veliky, ICOM Russia, Museum “Rostov Kremlin”, 2017, 320 p. (In Russ.)
7. New trends in museology. Program of 37 ICOFOM international Symposium. Paris, Sorbon, 2014, 124 p.
8. *Chuvilova I., Shelegina O.* The museum’s mission in the modern society and problems of museum communication (with a focus on Russia). *New trends in museology. ICOFOM Study Series*, 2015, vol. 43b, pp. 303–313.
9. *Truevtseva O.N.* The Role of the Committee of museology of Asia and the Pacific region in strengthening international cultural cooperation. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoy akademii nauk*. 2019, no. 2 (24), pp. 208–214. DOI 10.31554/2222-9175-2019-34-209-214. (In Russ.)
10. *Truevtseva O.N., Vierreg H.K.* (eds.) Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice. Pavlodar, Pavlodar State Pedagogical Institute Publ., 2015, 227 p.
11. 2015 ICOM-ICOFOM-ASPAC Annual Meeting, Conference and Workshop “Museum and Culture”. program. Taipei, 2015, 92 p.
12. *Lamin V.A., Truevtseva O.N., Shelegina O. N.* (eds.) Science, education, museums: the forms of heritage development. Barnaul, Novosibirsk, TRIADA, 2016, 204 p. (In Russ.)
13. *Kupershtoh N.A.* International experience in studying forms of the Eurasian heritage development. Book rev.: Lamin V.A., Truevtseva O.N., Shelegina O.N. (eds.). Science, education, museums: forms of heritage development. Barnaul, Novosibirsk: TRIADA, 2016, 204 p. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2017, vol. 24, no. 1, pp. 113–114. (In Russ.)

14. Museology and culture – museum and heritage, city, sacred and museum selected essays from ICOFOM ICOM-ASPAC conferences 2016–2018. ICOFOM-ASPAC Museum of World Religions. Taiwan, New Taipei, 2018, 390 p.
15. *Mazhagulov B.B., Truevtseva O.N., Khabdulina M.K.* (eds.) Museum, museology and cultural heritage: scientific conference. Nur-Sultan, 17–18 Apr. 2019, Nur-Sultan, 590 p. (In Kazakh, Russ., Engl.)
16. *Tomilov N.A., Gerasimov Yu.V., Zhigunova M.A.* Modern trends in the museums and museology development. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 419–422. (In Russ.)
17. *Akhunova E.R., Tomilov N.A.* Second museological conference in Novosibirsk. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*, 2015, no. 1, pp. 103–106. (In Russ.)
18. *Shelegina O.N., Zaporozhchenko G.M.* Important event in the Museum world of Russia. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2017, no. 4, p. 124. (In Russ.)
19. *Lamin V.A., Shcherbin N. M.* (eds.) Modern trends in the development of museums and museology: processing of all-Russ. sci.-pract. conf. (Novosibirsk, 3–5 Oct. 2011). Novosibirsk, 2011, 398 p. (In Russ.)
20. *Lamin V.A., Shelegina O.N.* (eds.) Modern trends in the development of museums and museology: processing of all-Russ. sci.-pract. conf. (Novosibirsk, Sept. 29 – Oct. 3, 2014). Novosibirsk: Autograph, 2014, 224 p. (In Russ.)
21. *Lamin V.A., Shelegina O.N., Zaporozhchenko G.M.* (eds.) Modern trends in the development of museums and museology: proceedings of III all-Russ. sci.-pract. conf. (Novosibirsk, Oct. 9–12). Novosibirsk, 2017, 384 p. (In Russ.)
22. *Chuvilova I.V., Shelegina O.N.* (eds.) Innovations in the development of the Russian museum world in the early XXI century. Novosibirsk, 2011, 248 p. (In Russ.)
23. Partnership as a development factor. Round table dedicated to the 300th anniversary of museum business in Russia. *Muzei*, 2014, no. 12, pp. 65–67. (In Russ.)
24. To the 300th anniversary of museum business in Russia. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, no. 24, pp. 13–44. (In Russ.)
25. *Chuvilova I.V., Shelegina O.N.* (eds.) Innovations in the museum world. The museum as a communication protocol. Novosibirsk, 2013, 262 p. (In Russ.)
26. *Chuvilova I.V., Shelegina O.N.* (eds.) Innovations in the museum world. On the way to the new type museum of local history. Novosibirsk, Institute of History SB RAS, 2017, 190 p. (In Russ.)
27. *Kaulen M.E.* Museification of the historical and cultural heritage of Russia. Moscow, Eterna, 2012, 432 p. (In Russ.)
28. *Shelegina O.N.* The museum world of Siberia in the first decades of the XXI century. Novosibirsk: NSU Publ., 2019, 230 p. (In Russ.)

Статья поступила
в редакцию 15.01.2020
Статья принята
к публикации 03.02.2020

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20200116

УДАЧНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ СЕРИИ (ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. I: Формулярные и послужные списки должностных лиц Агинской Степной Думы: [сб. документов, перечень документов] / авт.-сост. Б.В. Базаров, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; сост. карты Б.З. Нанзатов / науч. ред. Н.Н. Крадин. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. – 676 с. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Ч. II: Делопроизводственные документы Агинской Степной Думы: [сб. документов] / авт.-сост. Б.В. Базаров, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; сост. карты Б.З. Нанзатов / науч. ред. Н.Н. Крадин. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2019. – 368 с. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.). Ч. III: Ревизские сказки, посемейные списки Агинских бурят Галзотского и Саганского родов: [сб. документов, перечень документов] / авт.-сост. Б.В. Базаров, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; составитель карты Б.З. Нанзатов / науч. ред. Н.Н. Крадин. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. – 516 с.

Архивисты и историки Республики Бурятия в течение многих лет реализуют уникальный проект – выявление, изучение и публикацию документов бурятских Степных дум из фондов Государственного архива Республики Бурятия ГА РБ. Его осуществляют Государственный архив Республики Бурятия совместно с Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Рецензируемый трехтомник документов Агинской Степной думы продолжает начатую в 2010 г. серию, в рамках которой вышли уже четыре книги, включившие архивные материалы по истории Кударинской, Аларской, Баргузинской и Хоринской Степных дум – всего 360 документов по истории местного самоуправления бурят. Это действительно серия – все книги объединены не только единой базой – богатейшими фондами Государственного архива Республики Бурятия. Они построены по одному принципу, имеют единую структуру, выдержаны в строгом соответствии с «Правилами издания исторических документов». Указанное обстоятельство, как ни странно, приходится отме-

чать особо, так как в последнее время появляется немало публикаций, не соответствующих эдиционным требованиям, и, соответственно, не имеющих права называться научными. Каждый том предваряется историческим и археографическим предисловием, снабжен подлинно научным комментарием, составленным на основе архивных документов. Некоторые из комментариев являются полноценными научными статьями. В археографическом предисловии к первой части дан обзор фондов ГА РБ и других региональных архивов, содержащих документы по истории местного бурятского самоуправления.

В серии издаются документы важнейшего института самоуправления сибирского инородческого населения – бурятских Степных дум. Система органов местного самоуправления бурят, созданная в соответствии с Уставом об управлении инородцев 1822 г. М.М. Сперанского, сыграла важную роль в жизни традиционного общества, оказав огромное влияние на хозяйственную, социально-политическую и культурную жизнь бурят. Эту систему образовывали 12 Степных дум, 53 инородные управы и многочисленные родовые управления, которые располагались на территории Иркутской губернии и Забайкальской области в период с 1822 по 1904 г. Отложившаяся в архиве документация Степных дум – высших ступеней органов инородческого самоуправления – содержит богатейшую информацию о создании и функционировании местного самоуправления, о самых разных аспектах жизни населения. На судьбе фондов отразились многие переломные моменты большой многообразной истории страны: переход с монгольской письменности на русскую, пренебрежение к истории царского режима, «макулатурная кампания» как следствие одновременно и идеологического поворота, и падения общей и исторической культуры, возвращение в последние годы интереса к генеалогии и вообще исторической памяти и пр.

В первую часть материалов Агинской Степной думы вошло 178 формулярных и послужных (полных и кратких) списков должностных лиц думы, во вторую часть – 154 документа разной видовой принадлежности (отчеты, предписания, общественные приговоры, эпистолярный и т.д.), в третью часть – ревизские сказки и посемейные списки двух родов

агинских бурят (Галзотского и Саганского). Всего в трех частях опубликовано около 340 документов. Кроме того, в тематические перечни включено описание почти 3 тыс. документов за 1728–1916 гг.

Большую часть фонда Агинской Степной думы составляют делопроизводственные документы. Многие из них были написаны на монгольской письменности, в основном снабжены переводами на русский язык, выполненными писарями-переводчиками думы. По этим переводам они и опубликованы. Приведенные документы, а также тематические перечни имеют серьезный информационный потенциал. Перечни явятся важным источником для исследования не только фонда Агинской Степной думы, как скромно указывают публикаторы, но и значительно более широкого круга вопросов. Приведу лишь несколько примеров. В перечнях указаны ведомости за разные годы о посевах и урожаях хлеба, картофеля, трав, количестве скота, ценах, числе «родившихся, бракосочетавшихся и умерших» и т.д.

В историческом предисловии к первой части изложена история создания и деятельности Агинской Степной думы и входивших в нее инородных управ и родовых управлений. Здесь же обозначены основные функции думы, приведен перечень официальных должностей, указаны условия их занятия конкретными людьми, роль должностных лиц в местном самоуправлении. Анализ списка главных тайшей и голов инородных управ Агинской Степной думы приводит авторов к обоснованному выводу о том, что, несмотря на наследственный принцип, на эти должности «выбирались не только “родовитые”, но и самые достойные, образованные люди»¹. Очень интересно наблюдение о значении письмоводителей, монгольских писарей и переводчиков, о возможностях их карьерного роста².

Несмотря на кажущуюся сухость формулярных и послужных списков, их изучение дает простор для наблюдений самого разного рода. Чрезвычайную ценность они имеют для исследований в области исторической демографии, этнологии, этнической истории, конфессиональной истории и истории управления. Сопоставление содержания формулярных и послужных списков разных лет позволяет заметить любопытные разночтения в рубрике «вероисповедание»: оно может быть обозначено как «ламско-шигымунийское», «шигымунийско-ламское», «ламайское», позже – «буддийское». В формулярных списках не отразилось, чтобы принадлежность к буддизму оказывала какое-либо негативное влияние на получение наград и благодарностей, хотя, бесспорно, подобные факты, как известно по другим источникам, имелись. Это отражает специфическую ситуацию, характерную для забайкальских бурят.

В 23 комментариях, имеющих исследовательский характер, содержатся сведения – иногда весьма подробные – о биографиях выдающихся деятелей местного самоуправления, достойном исполнении ими должностных обязанностей, защите интересов своего народа.

¹ Предисловие. Из истории Агинской Степной думы // История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Иркутск, 2016. Ч. I. С. 11.

² Там же. С. 12.

В третьей части впервые опубликованы ревизские сказки и посемейные списки двух родов агинских бурят. Они имеют огромную ценность, в первую очередь, для генеалогических исследований и восстановления родословной и семейной (родовой) памяти. Кроме того, как всякий первичный историко-статистический источник, они дают большие возможности для статистических исследований, изучения экономического состояния, демографических перемен. В предисловии указаны все выявленные в государственных архивах Байкальского региона окладные списки, ревизские сказки, именные, подворные и посемейные списки бурятского населения. Кроме того, составлен тематический перечень из 148 выявленных документов Госархива Бурятии и Госархива Забайкальского края, содержащий сведения по генеалогии агинских бурят за 1795–1911 гг. В 58 комментариях представлен поистине энциклопедический биографический словарь членов одного из родов агинских бурят (Саганского). Авторами сделана уникальная «попытка воссоздать генеалогию нескольких десятков семей» этого рода с использованием архивных документов и сохранившегося у потомков родословия. Важны и полезны публикуемые источники будут также для изучения ономастики и процессов аккультурации бурят.

Вторая часть, в отличие от остальных двух, является межфондовым изданием, в нее включены документы двух фондов ГА РБ (ф. 129 – Агинская Степная дума, и ф. 270 – Главный тайша Агинской Степной думы). Всего опубликовано 154 документа, из них 138 – впервые. Составившие эту часть материалы чрезвычайно интересны и информативны. Именно в нее вошли отчеты и общественные приговоры, в которых имеются важные сведения об экономическом и социальном развитии агинских бурят, их участии в благотворительности. Здесь же представлены ценные документы по истории развития народного образования, распространения грамотности, учреждения различных стипендий в учебных заведениях. Авторам удалось отобрать и включить в издание документы, характеризующие разнообразную деятельность Агинской Степной думы по решению самых важных для жизни народа вопросов: о межевании и оформлении в собственность земель, о распространении на бурят воинской повинности, о буддийском духовенстве, о проведении волостной реформы, т.е. ломке устоев патриархального быта, разрушении традиционных отношений, кочевого и полукочевого образа жизни. Во вторую часть вошло также несколько выявленных в фонде писем известных общественных деятелей – Г.Н. Потанина, Э.Э. Ухтомского, А.М. Позднеева. Переписка с Э.Э. Ухтомским позволяет предполагать, что в сознании хотя бы части элиты бурятского народа его образ включал представление о нем как об их союзнике и защитнике. Сильное впечатление производят заключительные документы о безуспешной борьбе агинских бурят за сохранение своего самоуправления, против введения волостной реформы.

Трудно переоценить значение 18 документов различной видовой принадлежности, связанных с жизнью и деятельностью знаменитых уроженцев Аги – братьев Бадмаевых. Опубликованы материалы, относящиеся к старшему, знаменитому врачу ламе Сульгиму (Александру Александровичу): свидетельство о разрешении ему заниматься медициной, материалы о передаче им ценных раритетов в дар Сибирскому

отделу ИРГО и о вручении ему похвального листа отдела. Очень любопытна переписка об отправке его брата Жамсарана (Петра Александровича), ставшего впоследствии еще более знаменитым врачом и общественным деятелем, в Иркутскую гимназию в число пансионеров императора, о возражениях матери и требованиях властей вразумить ее. Не менее ценны и интересны документы о сложных взаимоотношениях П.А. Бадмаева с агинскими бурятами, в том числе его письма брату Ампилю (Анпилу) и главным тайшам Ж. Зориктуеву и Ж. Бодину и, наконец, «общественный приговор агинских бурят о потере доверия своему представителю П.А. Бадмаеву». Редкостной удачей стало выявление и расшифровка (благодаря обнаруженному в фонде шифру) секретной переписки доверенных от хоринских и агинских бурят в столице со своими тайшами.

Самостоятельную ценность имеют 94 комментария, содержащих сведения из выявленных, но не включенных в издание архивных документов и других источников. Сведения о лицах, упомянутых в тексте второй, как и других частей издания, это не просто биографические справки, но яркие, полноценные портреты живых людей.

Вообще, комментарии во всех трех частях имеют не только традиционный справочно-информационный, но и исследовательски-обобщающий характер. Это и не удивительно – авторы-составители являются признанными специалистами по истории Бурятии и местного самоуправления, ими написано немало книг и статей, хорошо известных историческому сообществу. Некоторые из статей или их фрагменты воспроизведены в комментариях, что вполне оправданно, так как позволило представить более полную и точную картину деятельности бурятских Степных дум, осуществить важный принцип соединения публикации источника и его анализа.

Документы трехтомника вносят заметный вклад в историческую базу изучения истории бурятского народа, истории управления Российской империи в целом, убедительно свидетельствуют о богатстве архивных фондов и высокой квалификации их публикаторов.

*Д-р ист. наук Н.П. Матханова,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск*

Рецензия на книгу: Бугров К.Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург. Изд-во Урал-ун-та. 2018. 472 с.

История советской эпохи и доставшееся после нее современной России наследие до сих пор остаются предметом жарких дискуссий в обществе, прежде всего, в медийном пространстве. Столкновение мнений, несмотря на уже значительную временную дистанцию, отделяющую нас от советского прошлого, достигает накала до такой степени, что приводит иногда даже к рукопашным схваткам особо эмоциональных и отчаянных полемистов прямо в телевизионных студиях.

В академической среде также существуют полярные точки зрения на место и значение советской эпохи в отечественной истории. К настоящему времени в качестве положительного момента можно отметить, что господство резко негативных оценок, характерных для времен перестройки и гласности, особенно по отношению к сталинскому режиму, потеснено более объективным подходом, предполагающим взвешенный анализ всех аспектов развития советского общества. Именно такой подход прослеживается в рецензируемой книге уральского историка К.Д. Бугрова, в которой рассматривается один из самых противоречивых этапов советской истории – период первых пятилеток.

Предварительно следует отметить, что исследования и опубликованные работы К.Д. Бугрова охватывают необычайно разнообразный круг проблем в широких хронологических рамках – от времен зарождения и становления Российской империи до советской эпохи. При этом стержнем всех исследований К.Д. Бугрова является повышенное внимание к духовным факторам исторического процесса и к человеку как главному его актору, смысл действий которого во многом определяется не только материальными, но и духовными стимулами.

В связи с такой ориентацией закономерно, что проблема, поставленная исследователем в рецензируемой книге, относится, прежде всего, к сфере общественного сознания советского общества периода первых пятилеток, в котором автор попытался разглядеть процесс формирования новой мифологии, определяющей цели и задачи активных строителей социализма. Для этого им выбрана одна из опорных идей в проекте строительства нового общества – создание социалистического города, коренным образом отличающегося от его капиталистического предшественника.

Создание социалистического города являлось частью глобального плана строительства социализма в СССР, предложенного большевистской партией для выхода страны на передовые позиции в мире. Необходимо отметить, что города Урала для целей исследования этого феномена советской истории подходят наилучшим образом. Именно в этом индустриальном регионе попытки создания социалистического города получили особенно яркое воплощение и оставили в облике современных уральских городов заметные следы, о чем К.Д. Бугров подробно пишет в пятой главе рецензируемой книги (с.296 – 376).

Для понимания особенностей монографии К.Д. Бугрова важно иметь в виду, что данное исследование выполнено в рамках мегапроекта, поддержанного Российским научным фондом, («Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»), осуществленного в 2016 – 2018 гг. усилиями большого коллектива уральских историков под руководством известной исследовательницы истории советского общества Л.Н. Мазур. Публикации, выполненные в рамках проекта, уже получили заслуженное признание научного сообщества.

Проблеме создания нового социалистического города посвящена обширная литература, созданная как в советское, так и в постсоветское время: подробно рассмотрены социально-экономические и политические аспекты, а также и архитектурные новации. К. Д. Бугровым все эти аспекты тоже затрагиваются, но главное внимание он уделяет все-таки другой предметной области – сфере изучения общественного сознания, в котором происходил процесс трансформации культурной мифологии города. Вероятно, поэтому автор (неожиданно для читателей, прежде всего, для профессиональных историков) отказывается от привычного для исторических работ раздела историографии. Правда, как бы предвидя и предваряя упреки коллег, во введении книги он называет имена уральских исследователей, занимавшихся данной проблемой, а в обширном библиографическом списке представляет многочисленные публикации, послужившие отправной базой исследования. Добавим, что подробный обзор историографии довоенного периода советского общества уже был дан в других публикациях по названному проекту РФФИ. Можно было бы лишь высказать автору упрек, что в представленном в книге библиографическом списке отсутствуют слишком многие, относящиеся к данной проблематике работы, но отбор литературы – процесс сугубо индивидуальный.

Содержание книги и последовательность рассмотрения поставленных проблем также отличает исследование К.Д. Бугрова от большинства исторических работ. Автор сразу заявляет, что не ставит задачу подробного описания реальных процессов развития уральских городов в изучаемый период, а также выявления разрыва между идеологией и реальностью, поскольку, по его мнению, это сверхзадача для постсоветской литературы. Свою задачу К.Д. Бугров видит в другом: выявить и показать формирование в общественном сознании образа нового социалистического города, исследовать тот общественный дискурс, который складывался вокруг проблемы соцгорода. Кроме того, автор ставит оригинальную и важную исследовательскую задачу – представить и понять «язык описания, позволявший индивидам общаться» (с.9 – 10) в сложившихся в 1930-е гг. общественно-политических условиях, иначе говоря, попытаться реконструировать ту социально-культурную среду, в которой работали и отдыхали, а по большому счету творили новую действительность жители уральских городов в годы первых пятилеток.

Именно этим определяется авторский выбор источников для изучения проблемы, видимо, этим объясняется также

весьма нетрадиционный и неожиданный для исторических работ сознательный отказ К.Д. Бугрова от обращения к архивным документам. Корпус источников составляет, прежде всего, пресса, издававшаяся в уральских городах (всего автором проанализированы подшивки 19 периодических изданий за 1930 – 1936 гг., что заслуживает уважения и восхищения в связи с колоссальным объемом работы), а также обширная публицистическая литература тех лет. В связи с особенностями авторского подхода к теме вполне понятно и оправдано широкое привлечение художественной литературы, в том числе народного литературного творчества, получившего в те годы широкие возможности для выражения в прессе и стенгазетах. В совокупности источники позволили автору убедительно показать формирование в общественном сознании представлений о том, каким должен быть социалистический город, а самое главное – какими должны быть жители этого города.

В соответствии с поставленной целью автор выстраивает структуру книги. В первой главе рассмотрена исходная картина Урала как индустриального региона и его городов, сложившаяся в литературе и науке, в целом в общественном сознании в дореволюционное время и в первое советское десятилетие, предшествующее началу форсированной индустриализации. Именно на контрасте между образом богатого в природном отношении, но отсталого и провинциального региона и образом преображенного социалистическим строительством Урала и должна была быть выстроена вдохновляющая мифология соцгорода, призванная стать ориентиром всей жизнедеятельности населения уральских городов в годы первых пятилеток.

Во второй главе автор ставит задачу – показать, как в процессе индустриализации и строительства Урало-Кузнецкого промышленного комплекса рождалась и реализовывалась идея преобразования старого уральского города и создания города социалистического. Здесь следует подчеркнуть, что в общественном сознании исследуемого периода идея соцгорода органично сплеталась с идеей создания нового общества. И поэтому автор книги закономерно, на наш взгляд, был вынужден значительно расширить круг рассматриваемых проблем; по существу речь во второй главе и в последующих третьей и четвертой главах идет уже о формировании мифологии строительства социализма как светлого будущего, в которой идея соцгорода являлась лишь одним из составляющих элементов всей конструкции. В результате такого расширения книга, посвященная, казалось бы региональной проблематике и отдельной проблеме соцгорода на Урале, перерастает в обобщающее масштабное исследование духовных аспектов становления советской цивилизации. При этом, на наш взгляд, автору удалось существенно развить и дополнить современные представления о советском обществе в целом.

История формирования нового человека, социалистической личности, которой в советской литературе посвящено огромное число научных (и еще более псевдонаучных) трудов, теперь требует глубокого анализа на основе современных подходов. В связи с темой рецензируемой книги необходимо отметить, что процесс переформатирования и реструктуризации городской среды в первые десятилетия советской власти стал одним из тех социальных меха-

низмов, планируя и контролируя который, большевистская партия пыталась создавать адекватный своим задачам человеческий потенциал.

Можно сказать, что К. Д. Бугровым получен определенный результат и на этом направлении, в его книге представлены различные психологические типы личности, формировавшиеся в процессе создания мифологии соцгорода и нового общества (с. 201 – 295). При этом формировавшийся в общественном сознании светлый образ строителя социализма, ударника и стахановца, показан в третьей и четвертой главах книги на контрасте с образом отсталого обывателя, а также с еще более контрастным образом хулигана или вредителя, которые тормозят и мешают общему делу создания нового общества.

К достоинствам рецензируемого издания можно отнести и то обстоятельство, что в исследовании К.Д. Бугрова общие для всей страны проблемы строительства социализма подробно исследуются на примере и на материалах уральского региона, что совершенно не отправляет книгу в раздел краеведческой литературы, а, напротив, добавляет теоретическим рассуждениям необходимую долю конкретности и убедительности, обеспечивает доверие читателя к наблюдениям и выводам автора.

Однако и любители краеведения после чтения книги не останутся в обиде; в пятой главе автор подробно описывает различные типы возникавших на Урале соцгородов: от Магнитогорска, построенного на необжитых местах, до соцгородков, ставших отдельными районами в старых городах (в Свердловске, Надеждинске, Лысьве и др.) (с. 296 – 376). Говоря об этой главе и о книге в целом, стоит подчеркнуть, что наряду с обобщающей теоретической работой К.Д. Бугровым проделан большой и кропотливый труд по собиранию и обобщению конкретно-эмпирического материала по истории уральских городов. Тем самым автор книги подготовил хорошую основу для включения отдельных исторических фрагментов городской застройки, оставленных попытками реализации идеи соцгородов, в комплекс туристических достопримечательностей, а также в арсенал исторической памяти современного общества.

В контексте проблематики возникновения и реализации идеи социалистического города важно помнить, что первоначальные мечтания строителей социализма о прекрасном городе-саде, которые В.В. Маяковский талантливо отразил в стихотворении о Кузнецкстрое, в действительности разбились о суровую реальность советского общества, имевшего слабую исходную базу и весьма ограниченные ресурсы для прорыва в новое состояние. Все силы были сконцентрированы на осуществлении ускоренной индустриализации страны, а на развитие городов средства выделялись по «остаточному принципу». Контраст между формируемой пропагандой картиной будущего соцгорода и реальностью, для которой были характерны трудности жилищного кризиса, казарменного быта в бараках и коммунальных квартирах, формировал ту самую раздвоенность сознания и восприятия действительности, характерную для советских граждан, тот когнитивный диссонанс, который сейчас отмечается и признается исследователями всей советской эпохи.

Автор рецензируемой книги вовсе не игнорирует диссонанс между мечтой и реальностью. В частности, он отмечает

одно из проявлений такого разрыва – «трущобизацию» советских городов, выразившуюся в массовом появлении рабочих бараков и землянок, целых кварталов и районов беспорядочной застройки, так называемых «шанхаев» (с. 126 – 127). В отличие от аналогичного явления в капиталистических городах, «трущобизация», бурно расцветавшая в рассматриваемый период, была обусловлена, по мнению автора, именно особенностями социалистического города. Но в соответствии с собственным подходом он видит главную задачу книги в другом: в том, чтобы объективно показать мобилизующую роль мифологии соцгорода в общественном сознании в годы первых пятилеток.

Исследование мифологии соцгорода как важного элемента социально-культурной среды жителей уральских городов, проведенное К.Д. Бугровым, помогает понять истоки подъема и энтузиазма, веры в светлое будущее, охвативших, несмотря на суровую действительность, значительную часть граждан советского государства, и, в конечном счете, позволивших стране совершить грандиозный скачок от отсталого традиционно-аграрного общества к индустриально-урбанистическому. И с этой точки зрения книгу К.Д. Бугрова можно считать, с одной стороны, удачной попыткой исследования социально-культурного и психологического портрета жителей уральских городов периода первых пятилеток. С другой стороны, книгу можно рассматривать и как дань памяти и признательности ныне живущих поколений своим предкам, в тяжелых условиях дефицита жилищного пространства и всех других жизненных благ героически создававшим фундамент, на котором до сих пор стоит современная Россия.

Разумеется, книга К.Д. Бугрова не свободна и от недостатков. В частности, автора можно упрекнуть в недостаточном внимании к теме формирования новой семьи в кон-

тексте проблематики соцгорода, а ведь эти две проблемы рассматривались в то время в едином комплексе. Встречаются досадные повторы, слишком пространные экскурсы в прошлое, неоправданные, на наш взгляд, отклонения от заданной проблематики. Однако содержание и структура книги, несомненно, определяются индивидуальным выбором ее автора и не всегда будут до конца поняты и признаны всеми читателями.

В целом рецензируемая книга настолько оригинальна и интересна, что, на наш взгляд, вполне заслуживает внимания и одобрения научного сообщества, прежде всего, потому, что представляет собой удачный и достойный для подражания пример исследования, выполненного в русле новейших направлений исторической науки, которые активно осваиваются сегодня российскими историками.

В настоящее время одной из глобальных задач отечественной исторической науки, поставленных всем ходом исторического процесса и актуальными потребностями развития российского общества, является всестороннее исследование феномена советской цивилизации. От правильного ответа на многочисленные загадки, возникающие при рассмотрении этого феномена, во многом зависит выбор путей для дальнейшего движения. И в этом плане книга К.Д. Бугрова, по нашему мнению, является весомым вкладом в историографию советского общества; можно надеяться, что она будет интересна не только отечественным, но и зарубежным исследователям, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей России.

*В.И. Исеев,
д-р ист. наук, профессор
главный научный сотрудник
Института истории СО РАН, г. Новосибирск*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 30 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm;
<http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.